М. И. Роднов

СВЕТ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Уфа – 2010

УДК [070 (09): 947]: 470.4/5
ББК 76.01: 63,5 (2) 5 (235.55)

Роднов М. И.
Свет из Петербурга / М. И. Роднов. – Уфа:..., 2010. – 158 с.

Это последняя часть трилогии по истории уфимской прессы XIX столетия, начало – «У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии» и «Судьба редактора» уже опубликованы (смотри также на сайте «Роднов и его друзья»). В третьей книге рассказывается о восприятии провинции (на примере Уфы, Уфимской губернии, Башкирии) столичной (петербургской) журналистикой, а также прессой некоторых соседних регионов. Сплошной просмотр годовых подшивок разных изданий позволил определить степень интереса читателя и издателя к судьбе далёкой восточной окраине. В качестве объекта изучения выбран период рубежа 1870–1880-х годов, когда ревизия сенатора Ковалевского и скандал вокруг расхищения башкирских земель приковали внимание к нашему региону российской прессы и общественности. В приложении публикуется работа Р.Г. Игнатьева.

Для профессиональных историков, краеведов, журналистов, учителей, всех интересующихся историей родного края.

Работа подготовлена в отделе истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук.

© Роднов М.И., 2010

Введение

В числе несомненных достижений отечественной историографии можно считать обширную литературу о судьбах российской прессы. Среди большого количества разнообразных трудов необходимо выделить фундаментальные библиографические справочники, где содержится информация о всех издававшихся в стране газетах и журналах, в том числе провинциальных[1]. И в наши дни история российской прессы продолжает привлекать внимание исследователей, выходят публикации редких источников, труды по разным сюжетам[2].

---

[1] *Лисовский Н.М.* Русская периодическая печать. 1703–1900 гг. (Библиография и графические таблицы). Пг., 1915; *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX века. М., 1951; *Беляева Л.Н., Зиновьева М.К. и Никифоров М.М.* Библиография периодических изданий России. 1901–1916. Л., 1958–1961. В 4 т.; Русская периодическая печать (1702–1894). Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепахова. М., 1959; *Андреева Н.Ф., Машкова М.В.* Русская периодическая печать (общие и отраслевые библиографические указатели. 1703–1975). М., 1977; и мн. др.

[2] Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009; *Степанов А.А.* История объявлений: газетная реклама в России XVIII–XX вв. СПб., 2007; *Шевцов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997; *Сонина Е.С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб., 2004; Петербург газетный, 1711–1917. Тюмень, 2009; *Блохин В.Ф.* Малая массовая частная пресса в России 1850–1860-х годов: возникновение, тенденции развития и трансформация // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16. История. Вып. 32; *Курбакова Е.В.* История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Н. Новгород, 2008; *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008; *Сизова И.В.* Роль газеты «Рязанский вестник» в формировании общественного мнения в Рязани в 1905–1916 годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2008. № 4 (21); мн. др.

После появления в 1838 году многочисленных губернских ведомостей (Вятских, Пермских, Оренбургских и др.)[1] провинциальная пресса стала рассматриваться как важнейший источник сведений по истории, этнографии, экономике, вообще о жизни российской глубинки. Начинается составление библиографии статей, напечатанных в региональных изданиях[2], где приводятся сведения по отдельным регионам. Так, Г. Геннади в своём указателе упомянул 19 статей из «Оренбургских губернских ведомостей», вышедших в 1851 году[3]. По истории дореволюционной прессы Урала ценнейшее значение имеют труды Н.В. Здобнова, собравшего почти всю библиографию, от газетных статей до монографических изданий[4]. Например, в работе 1927 года Н.В. Здобнов не пропустил «Указатель статей, помещённых в неоффициальной части "Оренбургских Губернских Ведомостей" с 1845 по 1852 гг.»[5], пер-

---

[1] Русская периодическая печать (1702–1894). С. 264, 267 и др.

[2] См., напр.: *Дубровский П.П.* Обозрение русской географической, этнографической и статистической литературы за 1853 год // Вестник Императорского Русского географического общества. 1855. Ч. 13, [кн. 1]. СПб., 1855. IV. Библиография; *Сумцов Н.Ф.* Губернские ведомости, как пособие при изучении русской истории и этнографии. Киев, [1888]; *Межов В.И.* Сибирская библиография. Т. I–III. СПб., 1891–1892; пр.

[3] *Геннади Г.* Указатель географических, этнографических и статистических статей, помещённых в Губернских Ведомостях 1851 года // Вестник Императорского Русского географического общества, издаваемый под редакциею Секретаря Общества В.А. Милютина. 1852. Ч. 5, кн. 1. СПб., 1852. IV. Библиография. С. 30–32.

[4] *Здобнов Н.В.* Указатель библиографических пособий по Уралу (Со включением Башкирии и Сибирских округов Уральской области). Вып. I. М., 1927; *Он же.* Синхронистические таблицы русской библиографии 1700–1928 со списком важнейших библиографических трудов. М., 1962.

[5] Точное название: «Указатель статей, помещённых в неоффициальной части Оренбургских Губернских Ведомостей, со второй половины 1845 года по июль 1852 года» (см.: *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. С. 87). Этот указатель назван и в работе Д.А. Сафонова (*Сафонов Д.А.* Периодика Оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. Оренбург, 2004. С. 139).

вую книгу, напечатанную в Уфе. Библиографические указатели составлялись в Перми и Оренбурге[1].

Однако из-за слабой доступности полных газетных подшивок, сохранившихся только в столичных библиотеках, и негативного отношения в советское время к «буржуазной» прессе, составлявшей подавляющую часть российского газетного мира, исторические исследования, основанные на материалах периодики, встречаются крайне редко[2]. В историографии современного Башкортостана использование прессы также является скорее исключением, чем правилом.

И совершенно неизученным является отражение социально-экономических процессов в регионе на страницах столичных газет и журналов и в прессе соседних городов. Какая информация, почему и в каком количестве доходила до иногородних подписчиков, какой образ формировался у далёких читателей о, например, Уфимской губернии? Во многом именно усилиями газетчиков широкий круг столичных жителей, от простых петербуржцев до императора, узнавали о жизни и проблемах в одной из восточных губерний России. Именно «раскрученный» к лету 1880 года прессой скандал вокруг расхищения башкирских земель стал по крайней мере формальным поводом Александру III для вмешательства в дела края через ревизию сенатора М.Е. Ковалевского. Кроме того, историки в очень малой степени знакомы с информацией о своём

---

[1] *Смышляев Д.* Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876; *Он же.* Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе Пермских Губернских Ведомостей в течении сорокалетия 1841–1880 годов // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещённых в неоффициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 г. Вып. I. Пермь, 1882; *Чернавский Н.М.* Оренбургские епархиальные ведомости // Труды Оренбургской Учёной Архивной Коммиссии. Вып. XII. К 200-летнему юбилею русской прессы. Оренбург, 1903.

[2] См., напр.: *Исхаков С.М.* Сведения о заводских посёлках Башкирии на страницах центральных газет (1917–1919 гг.) // Источники по истории и культуре Башкирии. Уфа, 1986.

регионе, которую печатали за его пределами, а более свободные от местных цензоров и элит посторонние журналисты и редакторы могли позволить публиковать гораздо более откровенную информацию[1].

В этой книжке впервые приводятся сведения по Уфимской губернии, Башкирии, Уфе из периодики Санкт-Петербурга, Самары, Казани, Уральска, из которой в значительной степени и формировался образ нашего края.

[1] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. Часть IV. Другая пресса.

Глава 1. Либеральные издания («Северный вестник», «Голос»)

Эпоха Великих реформ императора Александра II вызвала к жизни немало периодических изданий, придерживавшихся, в различной степени, либерального направления, издатели и редакторы которых поддерживали модернизацию российского общества, в перспективе вплоть до отказа от самодержавной формы правления. Одним из таких изданий была ежедневная «газета права, политики и литературы», издававшаяся в Петербурге в 1877–1878 годы под названием **«Северный вестник»**. Под этим наименованием продолжалась публикация газеты «Судебный вестник», выходившей в 1866–1877 годы. В январе – апреле 1877 года его издание было приостановлено, а с 1 мая того же года в продаже появляется «Северный вестник». Издателем являлся Е. Корш[1], редактором – Вл. Рычков.

Это была газета большого формата, на трёх листах, с обширной и очень разнообразной по содержанию тематикой. Большой литературный «подвал», телеграммы Северного телеграфного агентства, сообщения со всего мира, подробный анализ правительственной политики. Имелась и большая рубрика «Россия», где однако провинция была представлена отрывочной, случайной информацией. О «заграницах» читатель «Северного вестника» узнавал в разы больше, чем о жизни российской глубинки. Видимо, редакция ориентировалась на политически активного столичного читателя, которого ин-

[1] Корш Евгений Валентинович (1852–1913), юрист, публицист, в 1877–1878 годы издатель газеты «Северный вестник». Был связан с народовольцами. В августе 1880 года осуждён Петербургским окружным судом по уголовному обвинению за растрату денег клиентов. Отбывал ссылку в Западной Сибири (Томск), впоследствии служил на железных дорогах // Википедия. Под названием «Северный вестник» в Петербурге в 1885–1898 годах также издавался журнал.

тересовали животрепещущие проблемы современности, а не сонная провинциальная действительность. По всей видимости, у «Северного вестника» были проблемы с корреспондентами в глубинке. Наряду с собственной корреспонденцией, встречаются перепечатки из других центральных изданий.

Далёкая восточная окраина привлекала минимум внимания либеральной редакции. В 1878 году вышло всего 94 номера «Северного вестника», из которых лишь в двух выпусках (!) упоминается Уфимская губерния. Сначала мелькнула маленькая перепечатка из «Нового времени», что «оренбургский муфтий и оренбургское магометанское духовное собрание [они находились в Уфе – *М.Р.*] по случаю войны пожертвовали на санитарные нужды армии 12 000 р. из капитала магометанского духовного собрания»[1]. Шла война с турками и газета подчеркнула патриотизм российских мусульман, духовный глава которых не пожалел внушительной суммы. И в том же январе 1878 года петербургская газета печатает второе сообщение из Уфимской губернии, но уже совершенно другого характера. Либеральное издание по всей видимости стремилось собирать остроактуальную, разоблачительную информацию, вскрывать, так сказать, «язвы» дремучей провинции. Именно такого рода информация соответствовала убеждениям читателей и издателей, вызывала наибольший интерес, а редакция стремилась сплотить вокруг себя провинциальных литераторов с либеральными убеждениями.

Одним из таких авторов являлся Пётр Иванович Добротворский. В 1870-х годах он «уже был серьёзным корреспондентом «С-Петербургских Ведомостей» (Корша), а впоследствии «Северного Вестника», «Русской Правды», «Русских Ведомостей», «Молвы», «Порядка», «Голоса», «Недели» и других как столичных, так и провинциальных газет, где писал по самым разнообразным вопросам местной жизни»[2]. И в номере 22 выходит большая корреспонденция (редакция подчеркнула,

---

[1] Северный вестник. 1878. 13 (25) января. В столичной и коммерческой печати Российской империи даты приводились как по юлианскому календарю (официальному тогда в России, ныне старому стилю), так и по григорианскому (западноевропейскому, теперь новому стилю) – *М.Р.*

[2] *Ремезов Н.В.* П.И. Добротворский // *Добротворский П.И.* В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. Уфа, 1989. С. 234. О сотрудничестве Добротворского с «Северным вестником» упоминает и Бок (*Бок В.Н.* Пётр Ив. Добротворский. Критико-биографический очерк // Там же. С. 222).

что это «эксклюзивный», именно её материал) без заголовка, подписанная «П.», наверняка П.И. Добротворский, с разоблачением «непорядков». Читатель сразу видит слова «злоупотребления, эксплуатировать, бедное» и… внимание к тексту приковано. Подписчик-либерал сокрушённо качает головой – опять объегоривают бедных мужичков, а кто виноват – чиновники, лиходеи-коррупционеры! Но в то же время непорядки «местные» и основаны на фактах. Редакция не пожалела газетной площади, не видно никаких следов правок или сокращений. Перед нами подробное исследование специалиста (П.И. Добротворский служил мировым посредником и на других должностях), вскрывшего механизм обмана простого населения. Приведём заметку полностью.

«Белебей, 8 января. (Корреспонденция "Северного Вестника"). Когда же, наконец, будет положен конец тем злоупотреблениям, которыми сопровождается у нас составление приговоров на допуск питейных заведений и выдача по ним патентов? Скоро-ли перестанут эксплуатировать сельское население именно те лица, которые поставлены именно для того, чтобы ограждать его интересы? От удовлетворительного разрешения этих вопросов зависит всё будущее благосостояние нашего уезда, уезда бедного, на населении которого числится одной казённой недоимки около 350 000 рублей. Есть несколько волостей, на которых числится от 25–40 тысяч на каждой. Переда[ва]я вам наши местные кабацкие порядки, я буду основываться на фактах, близко и хорошо мне известных, за достоверность которых я принимаю на себя всю ответственность. Чтобы добыть себе приговор[1] от общества, виноторговец обыкновенно приезжает в селение и привозит с собою вино, начинает спаивать народ, сулит известную ежегодную плату за допуск его кабака, с тем чтобы более никого не допускать в деревню к этой торговле. Сторговавшись и обласкав всякими посулами, он или его доверенное лицо сочиняют и пишут приговор, причём соблюдаются все формальности, т. е. ежегодная плата не упоминается, точно также как и условие о монополии. Указывается иногда, что да-

[1] Постановление сельского общества (общины, мира) о разрешении открыть на его территории торговлю спиртным принималось обязательным большинство в 2/3 голосов – *М.Р.*

ётся обществом помещение, которого общество и не имеет, так как отдача таких помещений за известную плату законом допускается. При подобных сделках староста редко присутствует, держась в стороне и боясь ответственности; он обыкновенно является на сцену, когда виноторговец уже обделает своё дело и наберёт достаточное число подписей – "Силой, батюшка, заставили, я против мира не волен". – "Мир согласие дал, я против мира идти не могу". Вот те ответы, которые постоянно давались старостами мировым посредникам при расследовании последними этих дел. Приговор подписывается прежде всего самым негодным людом общества – отребьем его, потом бедняками, жадно бросающимися на каждый лишний грош; недостающее число голосов дополняется заочными подписями лиц, недававших своего согласия и часто не бывших при сделке, но которые, по своему смиренству, сора из избы не вынесут и дрязг против мира не затеют. Лучшие члены общества почти никогда в составлении этих приговоров не участвуют и даже не ходят на подобные сходбища. Старосты за приложение печати обыкновенно получают от виноторговца от 15 до 25 руб. Подлоги и подкупы всякого рода – это существенная принадлежность каждого подобного приговора. Это слова большинства мировых посредников, которые ближе всего знают подобные дела. До сих пор, в Уфимской губернии, было принято за правило, чтобы эти приговоры свидетельствовались в волостных правлениях и записывались в книгу; таким образом, документ сохранялся, и была, по крайней мере, возможность возбудить дело о неправильном составлении приговора. Я знаю, по крайней мере, десятки случаев, что только благодаря этому внесению в книгу подлинников приговора, возможно было начать судебное преследование, да и то не всегда с успехом. – Года два тому назад в газете "Неделя" был подробно рассказан мною случай, каким образом в дер. Тавларовой было открыто питейное заведение купчихи Видинеевой по подложному приговору, как велось это дело, как никакими официальными путями не было возможности вырвать этот документ из рук виноторговца и как, наконец, по этому самому подложному документу был выдан патент ещё на один год. Когда, наконец, этот документ попал в руки производивших следствие, то оказалось, что это был даже не приговор, а про-

сто перевод с татарского, на котором красовалась печать старосты и по которому помощником акцизного надзирателя выдавались патенты два года сряду. Это факт, факт столь же неоспоримый, как и то, что все действующие лица этого грязного дела продолжают своё беззаботное существование, подсмеиваясь над усердием мирового посредника. Расскажу другой случай. В дер. Константиновке составляется приговор указанным мною выше порядком. Человека три из лучших крестьян скачут к посреднику, который, по счастию, оказался близко. "Батюшка, не дай в раззор раззорить. Пьяницы наши нас пропили, да и нас многих не желающих записали". Так как оказалось, что приговор составлен, что предусмотрительный виноторговец с собой же захватил и старшину пьяницу, чтобы он там же на месте засвидетельствовал приговор, то мировой посредник, выслушав крестьян, немедленно послал нарочного в г. Белебей к помощнику акцизного надзирателя, которого официально просил приостановиться выдачей патента до поверки им приговора; но это требование не только не было исполнено, но даже ответа на официальную бумагу не последовало. Виноторговец Чуприков приехал в село Верхнетроицкое, собрал человек 40 всякого сброда, написал приговор, потом поехал за 5 вёрст в Нижнетроицкое, где существует суконная фабрика г. Бенкендорфа, для дополнения приговора. Там подписавшийся народ угощался. Записали в приговор по нескольку человек из одного дома, людей, по своей дряхлости не ходящих на сход, и даже одного полупомешанного. – Сельский староста отказался участвовать в этом деле, услужливый старшина Гнусин поехал к нему, отобрал знак и передал кандидату, которым, как человеком тёмным, и приложена печать. По этому делу начато судебное преследование, а Чуприков, состоя ныне членом земской управы, продолжает составлять подобные приговоры – приговоры – на имя жены, своих приятелей, на долгие сроки, в видах, вероятно, того, что, пожалуй, и не век пробудешь членом уездной управы и будешь пользоваться таким положением и влиянием, каким пользуешься теперь среди простого люда. Усердием того же Чуприкова был избран в члены управы и старшина Гнусин, его ревностный помощник и друг; но начальник губернии не утвердил этого приговора. Только таким образом разлетелись в прах некоторые мечты

этих двух деятелей. – В Елизаветинскую волость является доверенный виноторговца Коньшина и составляет приговор на допуск питейных заведений в селе Елизаветине и дер. Анновке. Нужно заметить, что на каждой из этих деревень около 10 000 рублей выкупной недоимки, и у крестьян неоднократно продавали скот и имущества за эти недоимки. Предлагает он за каждое питейное заведение платить в год по 200 рублей. Большинство крестьян соглашается. Волостной писарь отказывается от свидетельствования приговора, так как приговор составлен неправильно и существует приговор волостного схода, что крестьяне не желают иметь кабаков в пределах своей волости, в виду раззорительности их и той громадной недоимки, какая на них числится. Подкупленный старшина, не проверя приговоров прикладывает печать. Патенты выданы. Кабаки открыты и возникает дело у мирового посредника о неправильном составлении и свидетельствовании приговоров. Приговоры оказались невнесёнными в книгу, нужно было вытребовать подлинные, для чего мировой посредник обратился к содействию полиции; но Коньшин дал отзыв, что матушка его ушла на богомолье и унесла приговоры с собою в Киев (факт). Приходилось ждать. Посредник сообразил, что, чего доброго, повторится тавларовская история, т. е. доведут до конца года и по этим же приговорам получат новые патенты, и предупредил официально исправника, который обратился с просьбою к помощнику акцизного надзирателя задержать приговоры, если они будут представлены для получения патентов, так как они необходимы для производящегося следствия о неправильных действиях волостного и сельского начальства, при их составлении.

Помощник акцизного надзирателя приговоров не задержал, патенты выдал и бумагу исправника оставил без всякого ответа.

Весь здешний уезд разбит на несколько участков; в каждом из них есть монополист – виноторговец, причём редко кто нибудь из них переходит границу своего участка, да это и трудно, потому что при выдаче приговора крестьяне обязываются не допускать другого лица, и условие это, хотя словесное, так как по закону его внести в приговор нельзя, ими постоянно выполняется свято. Виноторговцы боятся уничтожения приговоров и тех убытков, которые неминуемо после-

дуют за уничтожением, так как питейное заведение может быть закрыто, и для того, чтобы гарантировать себя от этого, нередко берут векселя с двух – трёх самых влиятельных крестьян общества. Векселя эти бывают на довольно значительные суммы. Я слышал, что по одному из таких векселей одним из виноторговцев были даже взысканы деньги с крестьян, которые, по своей оплошности и незнанию, забыли взять вексель обратно. Впрочем, мало ли что я слышал … довольно, кажется, и одних фактов…

Когда велось дело о тавларовском кабаке, то озлобление башкир против виноторговцев было так велико, что они даже подожгли видинеевское питейное заведение. В декабре месяце в деревне Багадир[1] убили одного башкира, и я говорю об этом здесь потому, что убийство это произошло во время спаивания народа, при соглашении на составление приговора о допуске питейного заведения.

В настоящее время у нас последовало распоряжение о том, чтобы приговоры о допуске питейных заведений не свидетельствовались волостными правлениями и не требовалось бы записывания их в книгу, так как приговор сельских сходов, на основании 57 ст. общего пол., записывается обязательно в книгу лишь по делам указанным в 54 ст. того же положения. Газеты сообщают слух, что министерство внутренних дел составляет проект о привлечении земских учреждений к надзору за правильностью торговли. Я не знаю, какой результат будет от этих мероприятий в других губерниях и уездах, но предоставляю читателю судить, каковы будут их последствия в Белебеевском уезде. П.[2]»

В сообщении «П.» (П.И. Добротворского?) приведено яркое описание внутриобщинной жизни, далёкое от народнического воспевания «святой русской общины», показаны недостатки крестьянского мира, его полная зависимость от низовых элит (администрации) и вторгавшегося в деревенскую жизнь капитала. С другой стороны, автор приводит факты попечительского отношения государственного аппарата (мировых посредников), старавшегося защитить народ от власти «хищников».

---

[1] Видимо, Богады – *М.Р.*

[2] Северный вестник. 1878. 22 января (3 февраля).

Но подобные заметки были редкостью. В последующие месяцы на страницах «Северного вестника» информация из Уфимской губернии больше не встречается. Лишь 17 марта корреспондент из Оренбурга рассказывал о погоде, «в Башкирии местами снегу ещё много и существует санный путь»[1]. Весной 1878 года «Северный вестник» публиковал обширные статьи о покушении Засулич на петербургского градоначальника Трепова, власти это, естественно, не понравилось, тем более, что сам издатель газеты был непосредственно связан с революционерами, и 6 (18) марта 1878 года вышел последний номер «Северного вестника», газету закрыли навсегда.

Одним из самых популярных и влиятельных петербургских изданий того времени была газета **«Голос»**, выходившая с 1863 по 1883 годы[2], редактором-издателем которой являлся известный журналист А. Краевский[3]. Это была большеформатная ежедневная «газета политическая и литературная» в два листа (иногда добавлялись ещё один – два листа рекламных приложений), которая стремилась максимально подробно освещать жизнь российской провинции, для чего имелась просто огромная по площади рубрика «внутренние новости». Более того в начале годовой подшивки (я просмотрел за 1880 год) имелся географический указатель всех статей, показывающий как интерес редакции к определённым регионам, так и наличие широкой сети местных корреспондентов. В 1880 году различных статей и заметок, освещавших жизнь Перми, было напечатано в «Голосе» двенадцать, из Самары – 29, из Казани – 35, из Челябинска ни одной, из Оренбурга

---

[1] Там же. 24 марта (5 апреля).

[2] Подробнее о газете «Голос» смотри материал А.Б. Муратова в Интернете (http://www.encspb.ru/article.php?kod=2804027632) на сайте «Энциклопедия Санкт-Петербурга» (лит.: *Степанов А.Н.* Газета А.А. Краевского "Голос" (1863–1883) // Журналистика и литература. М., 1972). В 1868 году в Уфе «Голос» выписывали 7 человек, по губернии – 8 (*Пугачёв В.В.* Уфимская книжность. Эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела. Уфа, 2004. С. 82).

[3] Краевский Андрей Александрович (1810–1889), издатель, журналист, общественный деятель, предприниматель, редактор ряда газет, в том числе «Санкт-Петербургских ведомостей» (1852–1862) и «Голоса» (1863–1884), последний «превратил в одну из лучших газет России. С 1839 издавал журнал "Отечественные записки" (в 1868 сдал его в аренду Н.А. Некрасову, оставаясь номинальным издателем)» (*Муратов А.Б.* Указ. соч.; см. также: *Громова Л.П.* А.А. Краевский – редактор и издатель. СПб., 2001).

пришло 28 корреспонденций, преимущественно маленьких по размеру заметок. Например, передавали из Оренбурга, что «в нынешнем 1880–1881 учебном году последовало открытие русско-киргизского двухклассного начального училища в городе Иргизе, Тургайской Области и русско-башкирской начальной школы в деревне Идильбаевой Орского уезда»[1]. 10 мая корреспондент «Голоса» сообщал, что «жестокая суровая зима нынешнего года наделала немало бед в Башкирии и Киргизской Степи и погубила немалое число людей. По разсказам очевидцев, положение башкиров в феврале было ужасное. В целом селении ни одного фунта муки, а в некоторых избах ни куска мяса или конины. При сильных буранах и снежных метелях, продолжавшихся по неделе и более, не было никакой физической возможности ехать в лес за дровами, и, вот, в нетопленых избах, голодные, иззябшие женщины и дети умирали, как мухи, а мужья их и отцы в отчаянии налагали на себя руки…

К несчастью, известия обо всём этом дошли в Оренбург только теперь, когда оставшиеся в живых башкиры явились пешком в Оренбург с просьбою о помощи»[2].

Если среди оренбургской корреспонденции 20 заметок поступило в «Голос» в первой половине 1880 года (№ с 24 по 138) и лишь восемь во второй половине (№ с 193 по 319), то в Уфе была обратная картина. Если за март – май 1880 года в «Голосе» напечатали лишь 6 статей из Уфы, то с августа происходит настоящий взрыв интереса именно к Уфе. Выходит 10 корреспонденций, ещё трижды (!) уфимский материал становится темой передовиц «Голоса» (№ 228, 288, 293) и дважды он рассматривается в разделе «хроника» (№ 235, 281). Причиной такого внезапного внимания редакции стал скандал с расхищением башкирских земель и последовавшей ревизией сенатора Ковалевского.

Можно почти точно указать момент начала шумной кампании вокруг башкирских земель, охватившей ведущие издания российской прессы, – лето (август) 1880 года. В фельетоне «Воскресные наброски», вышедшем в № 226 за 17 августа, как нарицательный образ упоминается ситуация «в ка-

---

[1] Голос. 1880. 12 (24) марта. Орский уезд ошибочно назван Орловским.
[2] Там же. 19 (31) мая.

кой-нибудь Уфимской губернии», через номер (в № 228 за 19 августа) в передовой редакция «Голоса» открыто говорит о фактах злоупотреблений в Уфимской губернии, которые приводил в печати Добротворский. В № 241 за 1 сентября уже сам П.И. Добротворский пишет в газету «Голос». Заметка имеет подзаголовок «случайная корреспонденция», т. е. Пётр Иванович не являлся корреспондентом этого издания, не работал на «Голос». Уфимский автор отмечал, что он «весьма рад, что письмо моё обратило на себя внимание и в то же время удивляюсь этому, потому что, в 1878 и в 1879 году, появлялось немало корреспонденций» по поводу раздачи башкирских участков. Если в № 226 за 17 августа 1880 года «Голос» ещё сомневается в информации Добротворского: «может быть, корреспондент смотрит на дело в увеличительное стекло?», то в № 281 за 11 октября подписчики петербургской газеты читали уже об «известной истории»!

На примере умеренно-либерального «Голоса» под редакцией расчётливого А.А. Краевского хорошо видна трансформация интереса столичной газеты к далёкой провинции. В первой половине 1880 года уфимский материал очень редок и в основном представляет из себя стандартную информацию криминального характера (№ 80, 106, 112, 139), маленькую заметочку о выставке лошадей (№ 101) и единственную большую корреспонденцию о переселенцах в Уфимской губернии (№ 134). В Уфе на «Голос» работал какой то анонимный корреспондент, который даже привлекался к суду (№ 106). Из присылаемых материалов видно, что уфимский корреспондент – грамотный (знает литературу, например, о погоде, см. № 134), разбирающийся в местной обстановке, имеющий доступ к официальным источникам человек, видимо из чиновников.

Но после двухмесячного (июнь – июль) летнего перерыва ситуация с уфимской информацией кардинально меняется. Редакция «Голоса» в общем проводила осторожную политику, материалы о скандале с расхищением башкирских земель она предпочитала брать из других изданий – «Недели», «Молвы», «Страны». Редактор А.А. Краевский понимает возможные политические осложнения (за критику власти), но как опытный журналист не может пройти мимо разгоравшегося на всю страну скандала, гарантировавшего читательский

интерес к «жареному», и даже публикует ответ одного из главных «фигурантов» дела – Холодковского. При этом уфимский корреспондент «Голоса» продолжает присылать «обычные» заметки (криминал, голод), не касается скандальной темы, а редакция «пропускает» его сообщения – теперь всё выходящее под «уфимским» заголовком привлекает внимание читателя. Солидный «Голос» позиционирует себя в этой общероссийской шумихе как авторитетное издание, в № 288 какой то приглашённый опытный юрист объясняет читателю, смутно понимавшему суть вопроса, особенности землевладения в Башкирии. Нельзя не обратить внимание на всё ещё «эзопов язык» в сентябрьских и октябрьских статьях «Голоса», редакция тщательно подбирает формулировки, больше задаёт вопросы («крайне любопытно узнать»), чем отвечает.

Но тут в «Правительственном Вестнике» выходит «высочайшее повеление» о ревизии сенатора Ковалевского Уфимской губернии. Верховная власть дала «отмашку», отреагировала на критику (т. е. признала её достоверной) и журналисты «Голоса» не стесняются в выражениях, а до этого сдержанный уфимский корреспондент (или другой?) в № 330 за 29 ноября 1880 года уже открыто сообщает сведения «о проданных земельных участках разным лицам», среди которых на первом месте идут оренбургский генерал-губернатор Крыжановский и министр государственных имуществ князь Ливен.

В осторожной позиции либеральствующего «Голоса» А.А. Краевского, с моей точки зрения, просматривается достигнутый осенью 1880 года своеобразный консенсус между российской прессой и центральной (императорской) властью. Критиковать, обличать злоупотребления с башкирскими землями разрешается, но виноваты – алчные местные чиновники (соблазнившие отдельных высокопоставленных представителей «центра», сначала, см. № 228, было наоборот – столичные хищники командовали местной администрацией). Верховная же власть справедливой рукой наводит законность и порядок в далёкой несчастной провинции (а местное начальство неудачно пыталось переложить ответственность на «центр», см. ответ Холодковского в № 283).

Кроме 16 статей и корреспонденций из Уфы, в «Голосе» в 1880 году были опубликованы письмо Холодковского, один

материал из Уфимской губернии, по одной заметке из Бирска и Златоуста. Газетные публикации начинались по разному: «нам передают», или корреспонденция «Голоса», или это были перепечатки. Можно допустить, что из Уфы в «Голос» отправляли материал в первом случае случайные лица (подписчики), во втором – местный специальный корреспондент. А может, просто редакция использовала журналистские шаблоны при публикации.

Далее приводятся все опубликованные в 1880 году в газете «Голос» материалы из Уфы, озаглавленные по номерам:

№ 80:

«– Нам пишут из Уфы: «22-го февраля, в гостинице Перепельцева застрелился гимназист VII-го класса Арзамасцев. Причина, побудившая молодого человека покончить с собой, пока не выяснена»»[1].

№ 101:

«– Нам передают из Уфы: «15-го июня у нас будет открыта выставка лошадей и при ней возовые испытания, на устройство которых уже получено разрешение от управления государственного коннозаводства»»[2].

№ 106:

«Уфа, 31 марта (корреспонденция[3] «Голоса»). – Осенью прошлого года, в одной из петербургских газет передан следующий случай о недоразумениях при применении 48-й ст. устава о воинской повинности в городе Уфе: Отчим Титов и перекрещёнец из евреев Ушаков лишили льгот по семейному положению: Титов пасынка, а Ушаков сына, будто бы, не служащих поддержкою семей. Между тем, сестра и мать призываемых заявили воинскому присутствию, что сами лишители льгот ведут образ жизни пьяный и праздный; призываемые же, напротив, только и поддерживают семьи. Полицейским дознанием о поведении Ушакова собраны были далеко не утешительные данные, и оказалось, что он лишил льготы своего сына из-за каких-то корыстных видов на жену призываемого и готов простить сына, если он заплатит долги

---

[1] Там же. 20 марта (1 апреля).

[2] Там же. 10 (22) апреля.

[3] Особенностью газетных текстов в «Голосе» часто был отказ от написания удвоенных согласных. В газете было набрано: кореспонденция, апеляция, Одеса, эфект, комерсанты, комисия и пр. – *М.Р.*

отца, около 250 руб. О Титове же известно, что он, лишённый прав состояния и не имеет оседлости в Уфе; пасынок же его хороший кучер и содержит на свои средства родную сестру, девицу. Раздосадованный корреспондентом, Титов пишет Ушакову жалобу о привлечении корреспондента газеты к суду по 1535-й ст. улож. о нак. Жалоба подаётся мировому судье 1-го участка и 25-го января назначается разбор дела, где корреспондентом было объяснено судье, что дело это ни как неподсудно ему и никому здесь, в Уфе. Судья с этим согласился и делопроизводство прекратил. Но Ушаков, в аппеляционном порядке, перенёс жалобу в мировой съезд, прося подвергнуть корреспондента взысканию уже по 1040-й ст. уложения. Сюда почему-то корреспондент вызван не был и, 17-го марта, дело это в присутствии только истца, Ушакова, решено так: «сохранив в силе постановление мирового судьи, жалобу Ушакова оставить без последствий»; но в мотивах к этому решению значится, что означенное дело, собственно для склонения к миру, могло быть принято к своему производству мировым судьёю 1-го участка, в районе которого проживает привлекаемый к суду сочинитель; в силу какой статьи закона – неизвестно»[1].

№ 112:

«– Нам передают из Уфы: "На днях, вблизи уездного городка Мензелинска, случилось весьма прискорбное происшествие. Несколько дней назад, из Мензелинска была отправлена очередная арестантская партия в город Бирск[2], состоящая всего только из двух весьма важных уголовных преступников, пересылавшихся в сопровождении нескольких, кажется, десяти человек нижних чинов бирской местной команды. По собранным достоверным сведениям оказывается, что эта партия, следуя пешеэтапным порядком, около двух или трёх часов пополудни, прибыла на первый этап, в село Матвеевку, Мензелинского Уезда (в 22-х верстах от Мензелинска), где арестанты и сопровождавшие их конвоиры остановились на ночлег. В это время, один из арестантов, именно Павел Иванов, пересылавшийся в илецкую каторж-

[1] Голос. 1880. 16 (28) апреля.

[2] В газете – «Бирен», то есть корреспонденты присылали рукописные материалы (не отпечатанные на машинке), при прочтении которых в редакции ошибались чаще всего в незнакомых географических названиях – *М.Р.*

ную тюрьму, как закоренелый преступник, совершивший несколько убийств, бросился на старшего из конвоиров и нанёс ему весьма тяжкую рану ножом в живот, величиною почти в три вершка. Раненый отправлен был немедленно в земскую больницу, для оказания ему пособия, но рана так велика и опасна, что едва ли явится возможность спасти жизнь раненого"»[1].

№ 134:

«Уфа, 4-го мая (корреспонденция "Голоса"). – Министр внутренних дел, вследствие ходатайства исправляющего должность уфимского губернатора, разрешил и в нынешнем году переселенцам здешней губернии отбыть воинскую повинность по месту их настоящего жительства, а не там, где они записаны при ревизии 1858 года. Об этом распоряжении министерства дано знать волостным правлениям, с тем, чтоб заявления о перечислении переселенцев принимались только до 1-го июня. Мера эта приветствуется всеми, как гарантирующая переселенца от разорения при разъездах для вынутия жребия. но чтоб мера эта не осталась мёртвою, как это случилось в прошлом году, некоторые воинские присутствия распорядились министерское разрешение объявить на сходах в посёлках переселенцев. В прошлом году, например, о таком же распоряжении министерства, сообщённом своевременно волостным правлениям губернатором, многие переселенцы узнали случайно, накануне призыва, и жалобами формально обвиняли волостных писарей в сокрытии распоряжения. А как велико число переселенцев в нашей губернии, приведу факт, заимствованный мною из официального источника: в одном 1878 году переселилось сюда 10 747 человек (обоего пола). Между тем, переселение сюда началось ровно десять лет назад, с того момента, как богатые башкирские земли сотнями и десятками тысяч десятин стали переходить в руки некоторых ловких людей, а ими, разбитые на участки, предложены "ищущим земли". Прилив пришлого населения сюда хотя и не в таких размерах, как прежде, благодаря указу 9-го мая 1878 года о расторжении купчих на башкирские земли, продолжается и по настоящее время. Впрочем, переселенцы последних "приливов" предпочитают арендовать земли у лиц,

[1] Голос. 1880. 23 апреля (5 мая).

получивших их чрез управление государственных имуществ. А таких немало. Вообще, "переселенческий" вопрос у нас довольно запутан, во первых, в поземельном отношении, а во вторых, и в том, что масса народа прибывает сюда из далёких губерний, как говорится, "очертя голову", без надлежащего увольнения со "старины", даже без письменных видов о личности, и селится в горах и вообще в дебрях, куда не проникает око даже урядника; а там, "на старине" за них платят подати и разные налоги. В начале нынешнего года, уфимский губернатор разослал в волостные правления циркуляр, в котором разъясняется порядок переселения, с предупреждением, что попытки к переселению без установленного и, притом, правильного разрешения будут преследуемы по суду (ст. 948-я улож. о нак.) и сами переселенцы будут возвращаемы, несмотря на пройденное расстояние, в прежние общества.

Во многих волостях Уфимской Губернии, особенно башкирских, открылся голод со всеми его последствиями: потреблением дресвы с примесью муки, опухолью живота и всеобщим истощением организма. Заботы земства о голодающих проявились уже слишком поздно: за наступившею оттепелью, на полученные в ссуду деньги жители не могли достать продовольствия или доставали его по двойной цене у городских прасолов и сельских кулаков. Река Белая вскрылась у города Уфы 22-го апреля – первый случай за 101 год. Обыкновенное вскрытие её от 27-го марта по 10-е апреля, позднее 22-го апреля в течении 101 года Белая вскрывалась только четыре раза. С 20-го апреля наступили жары, дождя не было ни капли; деревья едва покрылись зеленью с 1-го мая. Жизненные продукты весьма дороги»[1].

№ 139:

«– Нам сообщают из Уфы: "На днях в Уфе получено известие об убиении, среди белого дня, казанского купца, в районе Покровской Волости, на границе Уфимского и Белебеевского Уездов. Разсказывают, дело было так. Убитый купец, имея постоянное местопроживание в деревне Токмаклах, Бакинской[2] Волости, торговал на базарах и ярмарках окрестных селений. Утром, в воскресенье, 27-го апреля, он с работни-

[1] Там же. 15 (27) мая.

[2] Видимо, Бакалинской волости – *М.Р.*

ком, нагрузив телегу товаром, отправился в село Топорнино на базар, в 20-ти верстах от Токмаклов. Отъезжая, он говорил работнику-башкиру захватить револьвер, но тот отозвался так: "На кой прах его, всего, ведь, 20 вёрст?" На половине пути в овраге путешественники были настигнуты тремя оборванными башкирами деревни Токмаклов, вступившими в разговор с торговцами, никак не подозревавшими в них разбойников. В овраге злодеи сделали нападение, оглушив обухом топора сначала лежавшего на товаре купца, а потом и работника. Потом они взяли тройку под уздцы и повернули в сторону. Здесь, дав работнику ещё раз "обух" по голове, злодеи накинулись на купца, лежавшего в безчувственном состоянии: они били его по голове обухом, а по лицу тупым острием топора. Труп несчастного, говорят, ужасно искажон. Предполагая убитыми купца и работника, злодеи приступили к грабежу: рылись в товаре, но его не захватили – они искали денег и, обшарив карманы камзола купца, нашли до 2000 руб. и с ними удалились. Между тем, работник, притворившись умершим, всё видел и, по уходе разбойников, отстегнув одну пристяжную, еле держась, верхом, добрался до деревни Токмаклы и заявил о случившемся. Говорят, сельский староста, выслушав работника, "молчал, рукой махал" и не принял мер как к поимке разбойников, так и к поданию помощи купцу, который, по словам работника, "был ещё жива". Два злодея арестованы"»[1].

№ 226 (отрывок из фельетона):

«… Автор наивно удивляется, отчего это "некоторые" русские журналы и газеты отнеслись к его пасквилю с омерзением и не прощает ни "Вестнику Европы", ни "Молве", ни "Голосу" их патриотического негодования по поводу клевет на русскую интеллигенцию. Крепкий задним умом, хотя и немец, Карл Карлович с восторгом отзывается о "Береге" и "Отголосках" (ausgezeichnet redigirte Wochenschrift[2]): знает, видно, кошка, чьё мясо съела! Только отзовись он иначе об этих газетах – не видать ему, как своих ушей, землицы в какой-

[1] Голос. 1880. 20 мая (1 июня).

[2] Отлично или превосходно редактируемые еженедельники (нем.).

нибудь Уфимской Губернии, что ли, которой он так добивается...»[1]

№ 228:

«В России много губерний; не всякий чиновник даже министерства внутренних дел в состоянии точно определить число их, и уж наверно ни один не перечтёт их по названиям.

Поэтому-то, для указаний, в виде примера, представляется чрезвычайно большой выбор, и в подобных случаях название той или другой губернии является совершенною случайностью. Этим, конечно, объясняется и упоминание Уфимской именно Губернии в нашем вчерашнем, воскресном фельетоне. Вместо Уфимской Губернии, фельетонист мог бы назвать одну из губерний Привислинского Края – эффект, полагаем, был бы одинаков.

Случайное упоминание, в виде примера, именно Уфимской Губернии оказалось, однако, многознаменательным, если только факты, обнародованные после выхода в свет фельетона, справедливы. Факты эти ужасны. Серьёзное для государства значение их усиливается самою формою обнародования, не оставляющею сомнения в их достоверности.

В последнем выпуске еженедельной газеты "Неделя" помещено "письмо из Уфы", озаглавленное: "В виду голодовки". Хотя заглавие мало отвечает содержанию письма, однако, самоё письмо заслуживает полного внимания. Оно всё посвящено земскому вопросу и написано лицом, близко знакомым с этим вопросом – местным мировым посредником, г. Добротворским. Он называет дачи, приводит цифры, указывает цены и, без сомнения, может назвать фамилии тех "сильных патронов", от которых лесные ревизоры и лесничие в праве ожидать "повышения" по службе. Корреспондент, к сожалению, не называет их, но важно уже и то, что он их назвать может.

Что же делается в Уфимской Губернии? Степная местность обезлесивается раздачею участков в частные руки; лесные (корабельные) дачи уступаются за бесценок, башкиры обезземеливаются, переселенческий вопрос готов разрешить-

---

[1] Голос. 1880. 17 (29) августа. Далее ещё раз упоминается Уфимская губерния.

ся в исключительных "интересах влиятельных новых владельцов". Эти новые владельцы настолько влиятельны, что даже местная администрация оказывается безсильною: "уфимская администрация протестовала, ходатайствовала, но голос её оставался гласом вопиющего в пустыне". Приведя ряд фактов, в подтверждение своих заявлений, корреспондент справедливо возлагает все свои надежды на графа Лорис-Меликова.

"Благодаря распоряжениям графа Лорис-Меликова – говорит г. Добротворский – тайная крамола исчезает; не пора ли подумать о другой крамоле, разъедающей русское общество, о поголовном игнорировании казённых и общественных интересов, с целью всякими благовидными и неблаговидными способами набить свой собственный карман и устроить своё благосостояние на будущее время?"

Но, может быть, корреспондент смотрит на дело в увеличительное стекло? Может быть, он видит зло, пустившее глубокие корни и принявшее широкие размеры в каких-нибудь исключительных явлениях, обусловленных случайным совпадением обстоятельств?

Приведём подлинные указания корреспондента, и пусть всякий судит, насколько корреспондент прав в своём взгляде и насколько явления, им указанные, не исключительны. Вот, например, что он сообщает о землях, оцениваемых "чуть не в грош":

"Степную местность Уфимской Губернии обезлесивали окончательно раздачею лесных запасных участков в частные руки. Мало того: уступались коренные, казённые, лесные (корабельные) дачи по реке Каме, которые стоили сотни тысяч, а были оценены местным управлением государственных имуществ чуть не в грош. За примерами ходить недалеко. На реке Каме, близ "Святого Ключа", уступленная казённая дача, которая была оценена в управлении государственных имуществ в 20 рублей за десятину, а елабужские и пермские коммерсанты за эту же дачу в 6000 десятин предлагали 500 000 рублей".

О раздаче башкирских запасных земель корреспондент сообщает:

"Когда началась раздача запасных участков, характер наделения припущенников изменился: вместо заботы об их

удобствах, явилась другая забота – вырезать каждый доходный участок в запас, передать его в казну, а затем заранее обещанный лакомый кусочек доставить частному лицу. Малоземельные припущенники были забыты – нашлись такие, которые остались с наделом менее чем по одной десятине на душу, а все ближайшие запасные участки оказались проданными. Пример – бураевские башкиры Бирского Уезда".

Корреспонденту, как, вероятно, и всей Уфимской Губернии, известен и проект относительно переселения. Вот что он говорит по этому поводу:

"В настоящее время Уфимскую Губернию занимает переселенческий вопрос. Интересно знать, разрешится ли этот вопрос в интересах малонаселённого края, или ему суждено разрешиться в интересах влиятельных новых владельцов. Ходят слухи, что переселенцам будет дозволено арендовать земли частных владельцов на долгие сроки; на переселение же будет выдано пособие. Это – слухи, которым хотелось бы верить; но уж так много подобных слухов подтверждалось, что поневоле приходится опасаться, что и они имеют хоть долю правды. Что же это будет? Англия не знает, как развязаться с ирландским порядком земельного пользования, а мы, в интересах нескольких десятков крупных землевладельцов, не знающих, что им делать с приобретением земли в Уфимской Губернии, будем вводить у себя нечто подобное!"

В виду таких фактов, сведения, сообщаемые корреспондентом "Недели" о положении Уфимской Губернии, представляются крайне серьёзными. Мы лично незнакомы с положением дела в той местности. Полагаем, однако, что данные, сообщаемые г. Добротворским, почерпнуты им из достоверного источника. Во всяком случае, если б в его сообщение вкралась какая-нибудь фактическая неверность или даже усиленная окраска фактов, было бы в высшей степени желательно, что б все такие и подобные им неточности были опровергнуты как можно полнее и определённее.

Одна ли, впрочем, Уфимская Губерния поставлена в такое тяжёлое положение? Нет ли чего-нибудь подобного и в других местностях?..

Сложна и многотрудна задача, выпавшая на долю нового министра внутренних дел. Нелегко будет ему оправдать возлагаемые на него надежды. "Патроны" уфимских лесничих

имеют, вероятно, своих агентов и в других губерниях. И там, вероятно, совершаются такие же невероятные дела, как продажа за 60 000 руб. участка, за который дают 500 000! Разобраться со всеми этими злоупотреблениями, уяснить себе деятельность как самих "патронов", так и их подчинённых – труд немалый. Борьба с этой "другою крамолою", как её называет корреспондент, нелегка. Она будет упорная, отчаянная. Тем большая слава выпадет на долю победителя. Победа же, не сомневаемся, будет на стороне правды»[1].

№ 235:

«В газете "Молва" сообщены подробности расхищения земель в Уфимской Губернии. Прежде всего, подтверждается о расхищении казённых земель:

"Дача с корабельным лесом на реке Каме, близ города Елабуги, в Мензелинском Уезде, Уфимской Губернии, стоющая 500000 руб., продана, притом, на весьма льготных условиях, за 60 000 руб. Дача принадлежит одному высокопоставленному лицу в Петербурге, а заведует ею управляющий государственными имуществами Уфимской Губернии. Здесь кстати заметить, что дача эта не из башкирских земель, а принадлежала собственно казне, и что существует коренной закон, положительно воспрещающий отчуждение в частные руки казённых корабельных лесов".

Что законы игнорируются в Уфимской Губернии, это ясно доказывается способами распоряжения так называемыми башкирскими запасными землями.

"В тех дачах, где, по отводе жителям узаконенных наделов, остались свободные земли, известная часть этих земель, получивших название запасных, поступала, так сказать, в резерв для наделения из них тех поселян, у которых, при окончательном размежевании их дач, земли оказалось бы недостаточно. Самое слово "запас" точно и ясно определяет благую цель устройства этих участков, которые, по мере их образования, должны были поступать по точному и прямому смыслу правил лишь во временное заведывание министерством государственных имуществ. Но что же сделали с этим запасом? До 700 000 десятин из запасных земель Уфимской Губернии проданы на весьма льготных условиях или, лучше

[1] Голос. 1880. 17 (29) августа.

сказать, розданы почти даром разным высоко и даже низко поставленным, но ловким и нужным людям, а малоземельные поселяне, которых уже теперь считается до 12 000 душ в Мензелинском и Бирском Уездах, до сих пор не получили ни одной десятины. Если же когда-либо и дадут им узаконенный надел, то отведут болота, пески и пеньки от вырубленных лесов и вдали от нынешнего их местожительства, потому что все хорошие земли и находящиеся, притом, близ селений малоземельных розданы частным лицам. Вообще, при обозначении и отводе этих земель, погоня за которыми в былое время напоминала собою что-то в роде калифорнской[1] золотой лихорадки, происходили вещи невероятные. Например, отвели и отдали формальным порядком частному лицу землю, по документам "de facto" принадлежащую, на праве полной неотъемлемой собственности, поселянам соседней деревни. В другом случае у крестьян насильно отрезывают под самым их селением землю, находившуюся с незапамятных времён в их пользовании и, ни в каком случае, неподлежавшую отрезке. Существует и такой факт: по распоряжению местных властей, поступивших в данном случае противно точному и прямому смыслу закона, были вырыты клеймёные межевые столбы, уничтожены границы наделов и участков, хотя первоначальное размежевание и нарезки в этой даче произведены по законно составленным, надлежащим порядком утверждённым и нигде никем необжалованным документам.

"Прискорбнее всего то, что обиженные не имеют даже надежды возстановить когда-либо свои нарушенные права, потому что многие местные и даже высшие власти, те, от которых зависит разбор жалобы по подобного рода делам, теперь сами прямо заинтересованы в этих делах, а "своя рубашка ближе к телу". Небезынтересен тот факт, что козлищем отпущения сделали местного управляющего государственными имуществами, человека, правда, весьма беззастенчивого, и в прошлом году уволили его от должности; но, ведь, этот последний мог только делать "представления", а окончательное утверждение всех несправедливостей и противозаконий от него нисколько не зависело. Нелишним считаем

[1] Калифорнийской – *М.Р.*

упомянуть ещё и о том, что в первоначальном проекте о раздаче земель в Уфимской Губернии предполагалось давать небольшие участки, десятин в 500, только отставным военным и гражданским чиновникам; но при прохождении проекта через разные канцелярии и проч., ловкие бюрократы, увлечённые разными преувеличенными разсказами о богатствах уфимских земель, решили позаботиться прежде о себе и устроить себе и присным с ними приличные собственности, а об отставных чинах вовсе забыли"»[1].

№ 241:

«Уфа, 25-го августа (случайная корреспонденция "Голоса"). – В передовой статье, напечатанной в № 228-м "Голоса", по поводу моего письма из Уфы, вы говорите: "Но, может быть, корреспондент смотрит на дело в увеличительное стекло? Может быть, он видит зло, пустившее глубокие корни и принявшее широкие размеры в каких-нибудь исключительных явлениях, обусловленных случайным совпадением обстоятельств?" Постараюсь дополнить мою корреспонденцию, и тогда судите сами, насколько я преувеличиваю факты, и есть ли в моём сообщении усиленная окраска.

Начну с оценки земель проданных участков. В Мензелинском Уезде, по средней оценке, земля поступила в частные руки по 3 руб. за десятину, в Уфимском по 1 руб. 45 коп., в Бирском Уезде по 2 руб. 10 коп., в Белебеевском 1 руб. 65 коп. за десятину и в Стерлитамакском Уезде по 1 рублю 72 копейки. Всего продано башкирских запасных участков 250 641 десятина и из казённых дач 11 590 десятин. Сюда не вошли 19 000 десятин высочайше пожалованных – об этой земле нет и не может быть речи, потому что передача её санкционирована высочайшею волею.

Если рассматривать продажную цену по уездам, окажется, что оценка эта несравненно ниже даже арендной платы за один посев! Я сам землевладелец Уфимского Уезда и хорошо знаю, что арендная цена в уезде от 1 р. 50 к. до 5 р. за десятину; в Белебеевском Уезда от 1 р. 50 к. до 3 р. за десятину, а в Мензелинском Уезде от 2 р. до 7 р. за десятину. Есть весьма много участков, которые теперь уже перепроданы в другие руки по 10, 15, 25 руб. за десятину и даже до-

[1] Голос. 1880. 26 августа (7 сентября).

роже. Много земель заложено в банки, за которые выдана ссуда вдвое и втрое более продажной цены.

Спрашивается: неужели наша казна так богата, что мы имеем возможность стоющее рубль продавать за копейку? Следовало оценить эту землю по настоящей стоимости и отдать чиновникам, если в видах государственных интересов управление этими землями признаётся обременительным, или, если земли эти в руках управления государственных имуществ оказываются бездоходными. Самая разсрочка платежей есть уже облегчение, которое высоко ценилось бы каждым чиновником.

Небезынтересно, конечно, знать голос земства по этому вопросу. Вот что говорит белебеевское уездное земское собрание 4-й очередной сессии: "Какой бы крестьянин не уплатил единовременно, без разсрочки, за землю, например, 1-го стана 3 рубля вместо 75 коп. или 1 рубля за десятину, отданную с разсрочкою чиновнику!" Это выписка из постановления земского собрания по поводу накопления недоимок.

Я весьма рад, что письмо моё обратило на себя внимание и в то же время удивляюсь этому, потому что, в 1878 и в 1879 году, появлялось немало корреспонденций, в которых говорилось о роздаче башкирских участков подробно, едва ли не более, чем я сказал в моём письме, но корреспонденции эти не обратили на себя внимания, и всё продолжало идти попрежнему. Последовало причисление к министерству управляющего государственными имуществами, ожидалась ревизия; но всё перемололось и пошло по старому; повышены именно те лица, которые управляли, разсматривали и ставили крашенные столбы в дачах своих доверителей. Кто эти доверители, узнать не трудно.

Для разрешения вопроса о заселении Уфимской Губернии весьма было бы желательно, что б была образована особая комиссия, членами которой не были бы лица, получившие здесь запасные участки. Тогда можно надееться, что вопрос этот будет разрешён в интересах целого края, а не в интересах отдельных личностей.

Всё, что мною говорится о разделе башкирских участков и о наделении припущенников, говорится здесь громко и открыто; только слушать никто не хочет.

Мировой судья П.И. Добротворский»[1].

№ 249:

«– Нам передают из Уфы, что "в некоторых уездах губернии появился дифтерит, уносящий ежедневно множество жертв из сельского населения; земская медицина, бедная персоналом врачей, не в силах бороться с эпидемиею, принимающей всё более и более грозные размеры"»[2].

№ 257:

«– Нам пишут из Уфы: "В ночь с 31-го августа на 1-е сентября, из камеры одиночного заключения второго отделения тюремного замка бежали два весьма важные уголовные преступника: Павел Жатышев, приговорённый в каторжные работы, и Терентий Самарин, исключонный из военного звания и приговорённый к ссылке. Побег они совершили посредством взлома внутренней стены и потолка тех камер, в которых содержались, и потом, через коридор и двор, скрылись из тюремного замка, незамеченные прислугою. Когда же побег их был обнаружен, то, несмотря на самые энергические поиски, беглецы до сих пор не найдены"»[3].

№ 262:

«– Нам пишут из Уфы: "На днях я вам писал о побеге арестантов из нашего тюремного замка. С тех пор прошло несколько дней, и вот опять приходится сообщать о том же. 7-го сентября, из больницы второго отделения уфимского тюремного замка бежал арестант Василий Дурин, но недолго пользовался свободою: он был пойман и 9-го сентября вновь заключён в тюрьму"»[4].

№ 275:

«Нам сообщают из Уфимской Губернии о довольно характерном явлении совершенно местного свойства: "Известно, что Уфимская Губерния изобилует землевладельцами из числа лиц, принадлежащих к высшей администрации; известно также, в какой степени плодородна благодатная почва так-называемых "башкирских земель", так же, как и то, насколько мало рабочих рук было, ещё какие-нибудь десять, двенадцать лет назад, в этом благословенном крае. Вследствие это-

---

[1] Там же. 1 (13) сентября.

[2] Там же. 9 (21) сентября.

[3] Там же. 17 (29) сентября.

[4] Там же. 22 сентября (4 октября).

го, "богатые" имения приносили их владельцам в то время иногда весьма неопределённый доход. Но в нынешнее время положение дела изменилось: благодаря надлежащим разрешениям и поощрениям, в крае осело население переселенцев из внутренних губерний, представляющих собою массу мелких фермеров, и вот, благодаря этой разумной и предусмотрительной мере, доходность земель сановных помещиков оказалась теперь вполне обезпеченною. Все они, крупными участками и за хорошие цены, сдаются в аренду крупным арендаторам, а от них, за цены уже втрое и вчетверо лучшие, поступают в пользование мелких фермеров, пришедших сюда из сёл и деревень на приманку "великих и богатых милостей". Таким образом, теперь все благоденствуют: и гг. землевладельцы, и крупные арендаторы; благоденствуют ли мелкие фермерские хозяйства – решить трудно"»[1].

№ 278:

«– Нам сообщают из Уфы: "В конце сентября, столоначальник оренбургской казённой палаты, растратив полученные из банка на имя председателя палаты, Ворошилова, 1000 рублей, решился на самоубийство. Он выехал из Уфы и на пятой версте по оренбургскому тракту выстрелил в себя из револьвера. Пуля хотя засела ниже сердца, не причинив смертельной раны, но, тем не менее, жизнь покушавшегося находится в опасности"»[2].

№ 280:

«– Нам пишут из Уфы: "В Мензелинском и Белебеевском Уездах нужда в хлебе уже и теперь дошла до того, что крестьяне покупают везде, где можно, лебеду. Положение таково, что можно радоваться, если хоть в лебеде-то нет недостатка; но так как спрос на неё становится всё сильнее и сильнее, то и на неё начинает устанавливаться на базарах изрядная цена, доходящая, местами, до полтинника и выше за пуд"»[3].

№ 281:

«Оренбургский корреспондент газеты "Страна" сообщает несколько фактов к разъяснению известной истории "рас-

---

[1] Там же. 5 (17) октября.
[2] Там же. 8 (20) октября.
[3] Там же. 10 (22) октября.

пределения" башкирских земель в Уфимской Губернии. "При раздаче земельных участков, местные администраторы руководились какими-то особыми мотивами, и, вместо лиц, служивших в крае долгое время, лучшие участки сделались или достоянием иногородных, никогда не выезжавших из столиц, или таких высокопоставленных лиц, которые состояли на службе в крае не более одного года. Так, например, попечитель оренбургского учебного округа П.А. Лавровский получил участок в 2000 десятин земли, хотя служил в Оренбургском Крае только с 1875 по 1879 год. Замечательно также, что люди, исполнявшие самые лёгкие и ничтожные обязанности, наделены очень щедро. Так, два учителя гимнастики получили участки в несколько сот десятин самой лучшей земли, на берегу реки Белой, в Уфимской Губернии, причом один из участков, отданный в аренду, приносит до 1000 руб. годового дохода. Спрашивается: какие особенные услуги могли оказать отечеству люди, дрыгавшие ногами и руками? Неслужащий поляк (прежде сосланный) получил такой участок земли, который продал за 15 000 руб. Таких случаев можно насчитать сотни. И все эти новые помещики распродали свои участки, а многие из них поспешили удалиться из Оренбургского Края. Таким образом, чрезвычайная мера раздачи земель, долженствовавшая служить наградою для тружеников, обратилась только в источник зла, лишив башкиров самых лучших и плодороднейших земель, составлявших их родовую собственность. Между тем, наплыв крестьян-переселенцев из внутренних губерний увеличивается с каждым годом. Так, в нынешнем году 2000 семейств явились в казённую палату с просьбою о водворении их на оренбургских свободных землях, и так как большей половине из них в этом отказано, то они направились во вновь построенный в Оренбургской Губернии город Николаев, лежащий на Тоболе, на самой границе Сибири"»[1].

№ 283:

«По поводу напечатанной в газете "Страна" статьи о разобрании земель на крайнем востоке Европейской России и беззаконной деятельности оренбургской администрации в этом деле редакция этой газеты получила от правителя кан-

[1] Там же. 11 (23) октября.

целярии оренбургского губернатора, г. Холодковского, письмо[1], где говорится, между прочим, следующее:

"В статье продажа башкирских земель смешана с продажею земель на льготных условиях. Башкирские земли продавали сами башкиры, земли же на льготных условиях продавало правительство, которое, очевидно, не могло продавать чужой собственности. Такую же путаницу понятий представляют и все подробности статьи, обнаруживающие совершенное незнание того дела, за разъяснение которого редакция взялась. Подробный разбор статьи вовлёк бы меня в необходимость коснуться сложных административных мероприятий; но не считая за собою прав на это, я изложу здесь только то, что прямо касается моей личности. Продажа участков на льготных условиях совершалась не келейно, как написано в статье, а по установленным правилам, и со стороны канцелярии не требовалось в этом деле никакой компетентности для оценки лиц всех ведомств уже по тому одному, что такое важное право не было, да и не могло быть ей предоставлено. Утверждение ваше, что всё дело регулирования землевладения башкирских земель в Оренбургском Крае оставалось в непосредственном и единоличном моём заведывании, совершенно ошибочно. Это – громадный государственный вопрос, обнимающий до 20-ти мильйонов десятин земли, с живущими на ней более двух мильйонов душ и на таких запутанных правах, что само правительство в течении целого столетия постепенно, шаг за шагом приступило к его разрешению. Не моим слабым силам непосредственно и единолично регулировать такой вопрос, а решали его высшие государственные учреждения и министерства и приводили в исполнение генерал-губернатор, губернаторы пяти губерний с крестьянскими присутствиями. Благодаря только таким высоким и многочисленным силам, регулирование башкирских земель в последние годы близится к концу".

Печатая это письмо, газета "Страна" замечает совершенно основательно: "Само собою разумеется, что дела, подлежащие, по букве закона, решению высших правительствен-

---

[1] По поводу этого письма А.Д. Холодковского Ремезов напишет свою статью «Публичный лгун» (См.: *Ремезов Н.В.* Быль в сказочной стране. Очерки. Уфа, 1986. С. 165–169).

ных инстанций, ими, в формальном смысле, и решаются, что, однако, не снимает с местных начальств солидарности с решениями, постановленными на основании данных, представленных с мест. Во всяком случае, желательно было бы, что б г. Холодковский не ограничился отзывом, что более подробные объяснения по настоящему делу завели бы его слишком далеко; предмет так важен, что было бы неудобно устранять его вовсе от общественного рассмотрения подобным доводом"»[1].

№ 288:

«Недавно мы перепечатали из газеты "Страна" ("Голос", № 283-й) письмо правителя канцелярии оренбургского губернатора, г. Холодковского, адресованное им в редакцию этой газеты по поводу её статьи о беззаконной деятельности оренбургской администрации в деле раздачи и льготной продажи башкирских земель. Автор письма, уверяя, что, "благодаря высоким и многочисленным силам", принявшимся за дело, "регулирование башкирских земель в последние годы близится к концу", упрекает почтенную газету в "незнании дела, за разъяснение которого она взялась", и в смешении продажи"башкирских земель с продажею земель на льготных условиях". Довольствуясь таким уверением, не подкреплённым никакими положительными данными, г. Холодковский вовсе не разъясняет сущность дела о башкирских землях, занимающего в последнее время русское общество и печать.

Не имея в виду отстаивать взгляды проводимые газетою "Страна", с своей стороны, в видах возстановления истины, которую могут только затемнять разъяснения, подобные разъяснению г. Холодковского, обращаем внимание на действительное положение вопроса о башкирских землях.

Земли в губерниях Оренбургской и Уфимской принадлежат, в большинстве случаев, башкирским обществам, поселённым на этих землях. Эти общества владеют означенными землями "на вотчинном праве и носят название башкиров-вотчинников". Право их на занимаемые ими земли, кроме безспорного спокойного владения в продолжении нескольких земских давностей, опирается на жалованные грамоты и другие подобные акты и планы генерального размежевания,

[1] Голос. 1880. 13 (25) октября.

из которых видно, что те земли "замежёваны в собственность за башкирами-вотчинниками".

С дозволения башкиров-вотчинников, на их землях селились впоследствии, в разное время, государственные и удельные крестьяне, мещеряки, тептяри и бобыли, которые и образовали значительные поселения и составили отдельные общества. Эти общества, в отличие от "вотчинников", получили наименование "припущенников". Для урегулирования земельных отношений между этими двумя видами поселенцев, в Оренбурге существовала до 1869 года особая комиссия. По упразднении её в этом году, обязанности её были возложены на мировых посредников и губернские по крестьянским делам присутствия. Для руководства им изданы утверждённые 10-го февраля 1869 года особые правила о наделе припущенников в башкирских вотчинных землях (приложение к ст. 15-й "Пол. о башк. " Т. IX, особое прилож. изд. 1876 года). На основании этих правил, все дачи, принадлежащие обществам башкиров-вотчинников, разделены на многоземельные и малоземельные.

К многоземельным отнесены такие дачи, в которых, за отчислением на каждую душу (по седьмой ревизии) вотчинников по 40 десятин, может быть отпущено припущенникам по 30-ти десятин на каждую душу, по той же ревизии. Дачи, не удовлетворяющие этим условиям, отнесены к малоземельным.

Распределение земель между вотчинниками и припущенниками должно было производиться таким порядком: в многоземельных дачах отрезывалось первоначально по 40 десятин на душу (по седьмой ревизии), и если, по разделении общего количества десятин на число душ по десятой ревизии, на каждую душу приходилось менее 15-ти десятин, то прирезывалось недостающее до этого размера количество по числу душ десятой ревизии. Потом припущенникам, по числу душ, поселившихся до 1837 года, отрезывалось по 30 десятин на душу, и из них 15 десятин поступали в надел, а 15 отчислялись в запас. Остающееся за приведённым разсчётом количество земли поступает в собственность обществ вотчинников. В малоземельных дачах земля делилась, согласно указанному выше размеру, пропорционально между вотчинниками и припущенниками, причом, если, за наделом припущенников

по 15-ти десятин на душу, оставалась ещё земля, то она поступала также в запас. Поступившие таким образом в запас земли назначаются, прежде всего, на надел поселённых в этой даче припущенников, если по разделу отрезанного им, на основании вышеприведённых правил, количества земли на число душ по десятой ревизии, окажется, что на каждую душу приходится менее количества, положенного в надел для той местности на основании "Положения" 19-го февраля 1861 года, т. е. менее пяти десятин (приблизительно) на душу. Остающееся за таким разделом количество запасных земель поступает в распоряжение управления государственных имуществ, но отнюдь не в распоряжение по усмотрению, а для строго определённой цели. Цель эта заключается в отдаче земли тем из припущенников, которые на обитаемых ими дачах не могут быть наделены количеством земли в указанном выше размере и пожелают переселиться на запасные участки.

Таким переселенцам даже полагается от казны пособие для устройства оседлости на новом месте, в размере от 15 до 55 рублей на семейство (ст. 26-я прилож. к ст. 15-й Т. IX-го, ос. прилож. издания 1876 года).

Из сказанного видно, что земли, отчисляемые в запас из числа принадлежащих башкирам-вотчинникам, вовсе не изъемлются из их собственности, а поступают лишь в распоряжение министерства государственных имуществ с целью обезпечения участи и земельного надела малоземельных припущенников, поселённых на башкирских землях. Признавать эти земли свободными, очевидно, не представляется ни малейшего основания, и такое признание было бы прямым нарушением закона.

Установив, таким образом, на основании существующих узаконений, определённое понятие о назначении вотчинных башкирских земель, отчисляемых в запас, и об обязанностях по отношению к ним управлений государственных имуществ, припомним законоположения о продаже казённых земель на льготных условиях.

Правила для такой продажи утверждены в законодательном порядке 4-го июня 1871 года и определяют порядок и цель продажи без торгов казённых участков в губерниях Оренбургской и Уфимской служащим лицам, водворение ко-

торых будет признано для края полезным. Для этой цели из свободных казённых земель образуются участки размерами от 500 до 1000 и от 1000 до 2000 десятин каждый. Участки второго, большего размера предоставляются лицам, особенно заслуженным, от водворения которых в крае ожидается наибольшая польза (прил. к ст. 31-й прим. 2-е п. 13-й т. VIII-го ч. 1-й изд. 1876 года). Продажная цена каждого из этих участков определяется капитализацией из 5% дохода, исчисленного с этих земель. Если исчисленный доход превышает более чем на 10% действительный доход с этих участков в последние три года, то оценка для продажи может быть понижена соответственно действительному доходу.

При совершении купчей крепости, покупателями вносится десятая часть стоимости, а уплата остальной суммы разсрочивается на 37 лет и производится ежегодною уплатою шести процентов с этой суммы. Впрочем, эту уплату покупатель может совершить во всякое время государственными процентными бумагами по их нарицательной стоимости. Уплата начинается только на третий год по совершении купчей крепости, и это совершение освобождается от взимания крепостных пошлин.

Из приведённых данных положительного закона видно, что продаваемы на льготных условиях могут быть только свободные казённые участки, что размеры этих участков не должны превышать 2000 десятин и что право покупки принадлежит исключительно лицам служащим, особенно заслуженным, от водворения которых в крае может ожидаться особая польза.

На деле же оказывается, что продавались вовсе не свободные казённые участки, а запасные земли, принадлежащие, на основании вышеприведённых узаконений, обществам башкиров-вотчинников. Теперь все эти земли уже проданы на льготных условиях и, притом нередко участками, далеко превышающими указанные законами размеры, да, вдобавок ещё, лицам не только незаслуженным, "от водворения которых в крае может ожидаться особая польза", но, большею частью, вовсе не водворяющимся в крае, очень часто даже неслужащим.

Таким образом, появилась масса новых припущенников на башкирских землях из числа лиц, вовсе не имеющих пра-

ва на надел из башкирских запасных земель. Башкирам-вотчинникам остаётся лишь право удивляться, каким образом земли, предназначенные для улучшения быта и обезпечения благосостояния малоземельных припущенников, перешли, в виде громадных участков, в собственность совершенно посторонних лиц, лиц достаточных и, притом, не имеющих ничего общего ни с вотчинниками, ни с припущенниками, поселёнными на их землях.

Крайне любопытно узнать, в силу кому принадлежащих и на чём основанных соображений произошло отнятие у башкиров-вотчинников земель, принадлежащих им на праве собственности и отчисленных лишь в запас для известной, указанной в законе цели?

Вместо того, чтобы излагать общие места, в роде того, что "правительство (т. е. местная администрация), которое продавало участки на льготных условиях, очевидно, не могло продавать чужой собственности", г. Холодковский, избегающий, очевидно, фактической стороны вопроса, оказал бы несравненно более важную услугу настоящему делу разъяснением выше поставленных вопросов. Нет сомнения, что такое разъяснение не может не интересовать общества, недоумевающего в виду прискорбных явлений, о которых мы говорили. Таким разъяснением может быть, по нашему мнению, лишь представление доказательств, что проданные на льготных условиях земли – не те, которые отчислены в запас на основании приведённых нами узаконений. Есть основание сильно сомневаться в существовании таких доказательств»[1].

№ 293:

«Сегодня, 22-го октября, в "Правительственном Вестнике" напечатано следующее высочайшее повеление:

"По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел о включении Уфимской Губернии в число губерний, подлежащих ревизии на основании высочайших повелений 27-го августа и 22-го сентября сего года, Государь Император, 9-го октября сего года, высочайше повелеть соизволил: произвести ревизию Уфимской Губернии, возложив таковую на сенатора, тайного советника Ковалевского".

---

[1] Там же. 18 (30) октября.

Эта правительственная мера говорит сама за себя. Положение Уфимской Губернии уже давно обратило на себя внимание и целого общества, и печати. Известие, что правительство нашло, наконец, нужным подвергнуть подробному исследованию всё, что происходит в этом отдалённом крае, будет принято без сомнения, с живейшим сочувствием. Печать считала своею обязанностью не проходить молчанием долетавших до неё известий о злоупотреблениях, совершавшихся в этой местности по поводу распродажи башкирских земель на льготных условиях.

Несмотря на относительную скудость и неполноту сведений, проникавших в общество мы полагаем, в настоящее время уже не подлежит сомнению существование целого ряда самых непонятных, необъяснимых злоупотреблений, предметом которых сделались башкирские земли, отошедшие в запас. С тех пор, как на столбцах газет появились первые известия об этих злоупотреблениях, до сих пор к нам не дошло ни единого, сколько-нибудь серьёзного и положительного опровержения этих известий или хотя бы разъяснения того, что действительно происходило при раздаче злополучных башкирских земель. Только правитель канцелярии оренбургского генерал-губернатора, г. Холодковский, обратился в газету "Страна " с письмом, о котором мы уже имели случай говорить ("Голос", № 283-й). Письмо это не только ничего не разъясняет, но, напротив, вносит новую запутанность в представление о действительном положении вопроса о землях. Такое упорное молчание со стороны лиц, заинтересованных в этом деле, возводит все сообщения, появившиеся в печати, на степень несомненного факта. Не подлежит сомнению, что земли, отчисленные в запас на основании правил 10-го февраля 1869 года, проданы на льготных условиях разным лицам. Это обстоятельство само по себе составляет уже весьма существенное и серьёзное злоупотребление. Такое беззаконие может быть исправлено только возвращением неправильно проданных земель в собственность их законных владельцев-башкир-вотчинников. Но рядом с этим обстоятельством стоит другое, не менее важное и, пожалуй, ещё более незаконное: земли продавались на льготных условиях лицам, которые не имели никакого права на их приобретение.

Мы уже говорили, что, на основании утверждённых в законодательном порядке, 4-го июня 1871 года, правил для продажи на льготных условиях казённых земель, пользоваться этой льготой могли только лица, служившие в крае, оказавшие особые заслуги на поприще этой службы и, вдобавок, такие, водворение которых могло принести особую пользу краю.

Следовательно, чтоб известное лицо имело право приобрести в Уфимской Губернии участок земли, разумеется, казённой, на льготных условиях, оно должно было совмещать в себе, по крайней мере, два из приведённых условий: должно было служить в крае и обладать какими-нибудь данными, на основании которых можно было бы предполагать, что водворение его в этой местности в качестве землевладельца может принести какую-нибудь пользу.

Но ни для кого не составляет тайны, что из числа лиц, купивших башкирские земли, большая половина не только никогда не служила в Уфимской или Оренбургской Губерниях, но едва ли и бывала там когда-нибудь. Да и те, которые там действительно служили и сделались землевладельцами на праве льготной покупки, в большинстве случаев поспешили, тотчас же по совершении акта приобретения, передать свои права другим лицам, приобретавшим землю уже в виду чисто спекулянтских целей.

Таким образом, почти все те, которые теперь владеют башкирскими землями, несомненно никогда не служили в крае. Тем менее мы имеем право и основание предполагать, что их водворение там может принести пользу кому-нибудь, кроме их собственного кармана.

Очевидно, если окажется необходимым, согласно с законом и чувством справедливости, возвратить земли их законным владельцам, то настоящие, импровизированные "припущенники" этих земель не имеют права разсчитывать на какую-нибудь особую льготу относительно вознаграждения их за отнятие от них собственности, на которую они и права-то никакого не имели. Совершенно в ином положении находятся те немногие лица, которые действительно имели право приобретать земли на льготных условиях. Не их вина, что им была продана земля, которую администрация сама не имела права продавать. Эти, относительно, законные собственники

башкирских земель имеют право на известное вознаграждение.

В виду такого обстоятельства, представляется крайне настоятельным привести в известность и предать гласности, кто именно владеет землями башкир в настоящее время, и относительные права этих владельцов на приобретение означенных земель.

Надо думать, что сенатор Ковалевский, на которого возложена чрезвычайная миссия – обревизование Уфимской Губернии, не замедлит обнаружить всё, что могло бы пролить какой-нибудь свет на действительное разъяснение вопроса, каким образом земли, отчисленные в запас и оставшиеся, по закону, всё таки, собственностью башкир-вотчинников, могли быть приняты за казённые свободные земли, и проданы на льготных условиях, вдобавок лицам, не имевшим права пользоваться этими условиями.

Была ли это только ошибка со стороны администрации, или действительно, вопиющее злоупотребление – во всяком случае, нарушенное право должно быть возстановлено и виновные в том или другом наказаны.

Такого возстановления нарушенной правды и законности общество и ожидает от предстоящей ревизии Уфимской Губернии»[1].

№ 322:

«– Нам передают из Уфы: "По распоряжению губернатора, на базарах в городе запрещено продавать ржаную муку выше 1 руб. 10 коп. за пуд и до 12-ти часов дня распродажа дозволена исключительно розничная, по пудам. Во избежание скупки муки кулаками или прасолами, воспрещена продажа хлеба возами"»[2].

№ 325:

«– Нам сообщают из Уфы: "Здесь упорно распускаются нелепые слухи, будто сенаторская ревизия не приведёт ни к чему, и даже её вовсе не будет, потому что сенатора Ковалевского отзовут в Петербург! Сверх того, разсказывают, что из Оренбурга последовало распоряжение приготовить ещё одну, четвёртую, серию запасных участков земель, предназначаю-

---

[1] Там же. 23 октября (4 ноября).

[2] Там же. 21 ноября (3 декабря).

щихся к новой продаже. Весьма было бы желательно, чтоб впредь, до окончания сенаторской ревизии, все работы по формированию участков, все предположения о раздаче их и всякого рода обещания были приостановлены. Приезда сюда сенатора Ковалевского ожидают не ранее нового года"»[1].

№ 330:

«Уфа, 20-го ноября (корреспонденция "Голоса"). – Сообщаю некоторые сведения о проданных земельных участках разным лицам. Прежде всего упомяну, что пожалованные два участка оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому и министру государственных имуществ, князю Ливену, находятся в Мензелинском Уезде. Участок генерала Крыжановского находится в четырёх разных местах: 297 десятин около Святого Ключа на Каме и 4870 десятин близ пригорода Заинска[2]. Участок князя Ливена весь взят из афанасьевской казённой дачи, но вырезан в трёх разных местах, а так как вырезки делались из самых лучших и самых ценных частей дачи, то афанасьевская казённая дача этими вырезками совершенно обезценена. Святой Ключ и вся афанасьевская казённая дача ещё очень недавно принадлежали к низовому казанскому корабельному округу и переданы были в управление государственными имуществами, говорят потому, что лес перерос и сплав его затруднителен. Теперь начну перечень: А.Д. Холодковским, участок в 2000 десятин, куплен по 2 руб. 45 коп. за десятину. Какова земля эта, можно судить по следующему разсказу, передаваемому здесь всюду. Один генерал просил дать ему участок. Его спросили: где он желает получить? Где угодно – отвечал он – прошу только об одном, чтоб рядом с землёю г. Холодковского. Рядом, смежно с этим участком, получил землю бывший управляющий государственными имуществами Уфимской Губернии, В.С. Ивашенцев, всего 1851 десятину, за 4537 рублей. Замечательно ценный участок достался Ф.Д. Климову, всего 1939 десятин, за 6546 рублей. Земля эта составляет насущную потребность крестьян, которым и была часть её сдана казною в аренду по 2 р. 40 к. за десятину, на 24 года, причом 5-й пункт кон-

---

[1] Там же. 24 ноября (6 декабря).

[2] В газете – «Залиска», корреспонденцию писали от руки, пишущих машинок ещё не было – *М.Р.*

тракта гласил, что он может быть уничтожен лишь в том случае, если эта земля окажется необходима казне. Когда эта земля перешла в руки г. Климова, назначены были новые торги, на которых цена была страшно поднята и сдана прежним арендаторам уже по 12 руб. за десятину.

Бывшему уфимскому губернатору, В.Д. Левшину, участок отведён в трёх разных местах: в Мензелинском Уезде 956 десятин (за 3000 руб.), которые отрезаны от деревни Бикляньчей, в Бирском Уезде 588 десятин (за 1500 руб.) и, наконец, третий участок в Уфимском Уезде.

Для того, чтобы дать понятие, как низко ценились участки, приведу следующий пример: от деревни Силантьевой был отрезан участок земли в 329 десятин, который продан казною по купчей крепости уфимской палаты гражданского суда, 7-го ноября 1879 года, за 506 руб. и в том же году, 5-го декабря, т. е. через 28 дней перепродан крестьянам деревни Силантьевой по купчей крепости за № 449, за 15 000 р. Генерал-майор Гейнс, по купчей крепости 13-го сентября 1876 года, за № 128, приобрёл от казны 2227 десятин за 7373 руб. и продал их коммерции советнику Варшавскому, по купчей крепости 1878 года 19-го июля, за 55 084 руб.[1] Таких примеров можно набрать десятки.

Из имеющихся в моих руках данных видно, что продано земли 289-ти заслуженным чиновникам 355 641 десятина, на сумму 673 193 руб. Из этой земли перепродано в третьи руки 34 001 десятина, т. е. менее 1/10 части, и выручено за неё 354 471 руб., т. е. более половины. Нужно помнить, что самые лучшие и самые ценные участки остаются непроданными и что в купчих крепостях весьма часто уменьшается продажная цена.

Средняя цифра продажи казною оказывается по 1 р. 88 к. за десятину; и средняя цифра продажи в частные руки – 10 р. 42 ½ к. за десятину. Если по последней расценке оце-

---

[1] Возможно, сведения из этой статьи (или близкие по происхождению источники) были использованы С.М. Шпицером в работе «Из прошлого башкирского народа» (Уфа, 1929), а затем Х.Ф. Усмановым (см.: *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 42–43). Информация этой статьи по ряду фактов близка к сведениям Н.В. Ремезова, но прямого совпадения в тексте и цифровых данных не установлено – *М.Р.*

нить всю землю, уступленную казною, то окажется, что казна потерпела убытку на 3 016 202 рублей! При этом нужно помнить, что платёж казне разсрочен на 37 лет, и так как новые владельцы крепостных пошлин по четыре коп. с рубля не платили, то казна потеряла ещё на этом 116 713 рублей»[1].

№ 358:

«– Нам передают из Уфы: "Приезд оренбургского генерал-губернатора в Уфу назначен на 24-е декабря. Здесь передают за достоверное, что сенаторская ревизия Уфимской губернии назначена по ходатайству оренбургского генерал-губернатора. Весьма было бы желательно, чтоб одновременно была произведена ревизия и Оренбургской Губернии, потому что сколько говорят о злоупотреблениях, бывших при продаже башкирской земли в Уфимской Губернии, столько же, если не более, разсказывают о покупках, совершённых в пределах Оренбургской Губернии. Весьма было бы хорошо, если б все эти слухи были выяснены и разсеяны сообщением достоверных сведений о покупках"»[2].

---

[1] Голос. 1880. 29 ноября (11 декабря).
[2] Там же. 29 декабря (10 января 1881).

Глава 2. Официальный взгляд («Санкт-Петербургские ведомости»)

Одна из старейших газет Российской империи, основанные ещё в 1728 году (а их предшественник «Ведомости» были учреждены Петром I в 1702–1703 годах), «Санкт-Петербургские ведомости» на рынке периодики выступали как официальное, проправительственное издание[1]. Мною просмотрена подшивка за первое полугодие 1883 года (№ 1–174). Это была газета в два листа очень большого формата, где читатель находил всевозможные новости из России и со всего мира, аналитические обзоры, судебную хронику, внушительный литературный «подвал», обзоры прессы, объявления, рекламу и в том числе корреспонденции из провинции, «Санкт-Петербургские ведомости» имели сеть представителей во многих городах империи. Редактором-издателем «ведомостей» в 1883 году был В.В. Комаров[2].

Информация из российской провинции занимала в «Санкт-Петербургских ведомостях» небольшое место, преобладали сравнительно маленькие по объёму заметки в основном в рубрике «внутренние известия». Можно сказать, что внутрироссийские сведения являлись второстепенным материалом для редакции, главное внимание уделялось «большой»

---

[1] Подробнее см.: *Чердаков Д.Н.* «Санкт-Петербургские ведомости», газета // http://www.encspb.ru/ru/article.php?kod=2804027901 (Санкт-Петербург. Энциклопедия) (лит.: *Шерих Д.Ю.* Голос родного города: Очерк истории газеты "С.-Петербургские ведомости". СПб., 2001).

[2] Комаров Виссарион Виссарионович (1838–1907), полковник российской и генерал сербской армии, журналист и общественный деятель, убеждённый монархист. После возвращения с русско-турецкой войны в 1878 году редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», издавал также газету «Свет» и ряд других изданий // Википедия. В Интернете приводятся разные даты ухода В.В. Комарова из «ведомостей». В первой половине 1883 года он оставался редактором-издателем. Племянницей В.В. Комарова была известная советская писательница Ольга Форш (1873–1961).

политике и международным событиям. За первую половину 1883 года статьи из Уфы и Уфимской губернии в «Санкт-Петербургских ведомостях» были напечатаны в 10 номерах из 174, подписчик этой газеты весьма слабо был информирован о жизни далёкой восточной окраины. Абсолютно преобладали небольшие сообщения. Газета, видимо, ориентировалась на столичного читателя, хотя её выписывали и в Уфе[1], поэтому среди присланного из Уфы материала преобладала криминально-«развлекательная» информация (5 статей из 10), или «официозная» (три, № 111, 112, 131) о реакции в провинции на коронацию Александра III. «Образ» Уфы для петербургского подписчика формировался журналистами и редакцией «ведомостей» как далёкой экзотической губернии, но в то же время преданной обожаемому монарху.

Редакция «Санкт-Петербургских ведомостей», видимо, испытывала проблемы с получением информации из Уфы. Первые две заметки за 1883 год представляли собой перепечатки из «Казанского листка» и «Уфимских губернских ведомостей», был взят также материал из «Казанского биржевого листка». Примерно в апреле 1883 года у «Санкт-Петербургских ведомостей» в Уфе появился (или возобновил работу) собственный корреспондент, почти все заметки в апреле – мае это телеграммы, что уже ограничивало объём информации, либо собкора «ведомостей» (№ 94, 97, 111), либо просто телеграммы «Северного телеграфного агентства» (СТА) (№ 96, 112, 131). Тематически они затрагивали одинаковые сюжеты. Например, в № 94 собственный корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщает о пожаре в Катав-Ивановском заводе, а в № 96 публикуется телеграмма СТА о помощи погорельцам. В № 111 собкор говорит об избрании делегации от Уфимской губернии на коронацию императора, а в № 112 в телеграмме СТА идёт продолжение этой темы. Скорее всего, одно и то же лицо являлось представителем телеграфного агентства и «Санкт-Петербургских ведомостей» в Уфе. Отправленный материал не отличался высоким качеством, собкор петербургской газеты иногда посылал откровенную халтуру, видимо, ради гонорара. В № 97

[1] В 1868 году «Санкт-Петербургские ведомости» входили в число лидеров по подписке, в Уфе их получали 15 человек, в губернии – шесть (*Пугачёв В.В.* Указ. соч. С. 82).

столичный читатель узнал животрепещущую новость, что в Белой, оказывается, «воды мало». Наверняка, редакция часть подобных заметок отправляла в мусорную корзину.

Информацию об Уфимской губернии находим также среди объявлений. Например, правление Общества взаимного поземельного кредита объявляло о продаже помещичьих владений за неплатёж взносов. В № 102 за 15 (27) апреля 1883 года на торги были выставлены имения Афанасия Яковлевича Аверьянова при с. Левашёве Стерлитамакского уезда, Петра Ивановича Добротворского при сельце Богородском Уфимского уезда, Николая Васильевича Авдеева при сельце Буруновка Стерлитамакского уезда, три владения Ивана Михайловича Бунина в Белебеевском уезде и др.

Но, конечно, редакция «Санкт-Петербургских ведомостей» стремилась найти качественную информацию из провинции и единственный раз за первую половину 1883 года в газете появился добротный материал. В № 89 была опубликована очень большая корреспонденция из Уфы описательного характера. Она не подписана, но, согласно исследованию Л.П. Атановой[1], авторство принадлежит известному краеведу Руфу Гавриловичу Игнатьеву. В 1883 году он проживал в Оренбурге[2], поэтому Игнатьев не может быть собкором «Санкт-Петербургских ведомостей», отправлявшим заметки в апреле – мае. Содержание статьи свидетельствует о хорошем знакомстве автора с текущей ситуацией в крае, историей, местными изданиями. Фактически создан обобщающий портрет положения всей губернии. Автор использовал данные Н.А. Гурвича о скотоводстве, опубликованные в «Уфимских губернских ведомостях» в январе 1882 года и прочитанные в виде доклада (об этом прямо говорится в статье). В тексте заметки есть почти дословное цитирование материала Гурвича о верблюдах, гигиенической пользе от кочёвок и пр. Но это не пересказ публикации Н.А. Гурвича[3], безымянный автор творчески переработал информацию, добавил немало

---

[1] Из личного архива Л.П. Атановой в ЦГИА РБ (находится на обработке). Правда, там указано, что статья Р.Г. Игнатьева была в № 96 за 1883 год, но в 96-м номере есть только краткая заметка о пожаре в Катав-Ивановском заводе и больше никакой другой информации из Уфы нет.

[2] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 36–37.

[3] Там же. С. 42–43.

своего, оригинален и литературный язык (явно не гурвичевский), которым создана статья. Мнение Л.П. Атановой (опиравшейся на самого Р.Г. Игнатьева) вполне обосновано. Видимо, в один из приездов в Уфу, с помощью коллеги и давнего товарища Н.А. Гурвича Руф Гаврилович написал этот материал. А может Игнатьев отправил текст сначала в Уфу, на согласование с Гурвичем, чьи данные он использовал, а тот уже переправил их в Санкт-Петербург (дал возможность бедствующему коллеге немножко подзаработать) в редакцию «ведомостей», поэтому заметка вышла с уфимским «адресом».

Редактор В.В. Комаров оценил качество работы и не пожалел газетной площади, подобные корреспонденции из провинции были редкостью. Впрочем, возможен и третий вариант. Комаров одновременно редактировал газету «Свет» (об этом далее) и Р.Г. Игнатьев, сотрудничавший со «Светом», отправил туда эту статью, а В.В. Комаров, увидев, что перед ним отличный материал, напечатал его в «Санкт-Петербургских ведомостях». В целом же интерес к провинциальной жизни в этом официозном издании был невелик. Заметим, что к 1883 году шумиха вокруг расхищения башкирских земель сошла на нет, никаких публикаций в «Санкт-Петербургских ведомостях» на эту тему не было, хотя, возможно, придерживавшийся правых взглядов редактор просто не пропускал подобную информацию (Н.В. Ремезов в 1883–1884 годах продолжал печатать свои разоблачительные статьи). Далее приводятся все опубликованные в первой половине 1883 года в газете «Санкт-Петербургские ведомости» материалы из Уфы, озаглавленные по номерам:

№ 13:

«Уфа. – По словам "Казанского Листка", много толкуют о продаже одним прокутившимся помещичьим сынком своей жены. Покупателем явился какой-то ташкентец, заплативший супругу 100 руб. за выдачу им вида жене на свободное проживательство. Парочка уже уехала в Ташкент»[1].

[1] Санкт-Петербургские ведомости. 1883. 14 (26) января. В этой газете название месяца нередко указывали сокращённо: «янв.», здесь приводится полностью – *М.Р.*

№ 70:

«Буздань[1] (деревня Богадинской волости). – "Уфимские Губернские Ведомости" сообщают, что 13 минувшего января, здесь умер дворянин Ахаир Мамлеев, имевший от роду 120 лет. Несмотря на это, он сохранил до последних двух лет свежую память и силы, которые потерял только в последние два года, вследствие бывшего в 1860 году пожара, которым истреблены как дом, так и имущество Мамлеева»[2].

№ 89:

Уфа, 25 марта. (Корреспонденция "С.-Петербургских Ведомостей"). – Уфимское губернское земство, в заседаниях декабря 1881 и января 1882 г., разрешало и обсуждало более местные, а не обще-губернские предметы и касалось преимущественно ассигнования суммы на земские расходы, а не каких-либо вопросов, требующих особых мер и распоряжений. Можно упомянуть только, что оно решило пожертвовать на памятник в Бозе почившему государю, в стенах московского кремля, 3000 руб., и на церковь[3], строющуюся на месте катастрофы 1 марта, 6000 руб., разложив этот расход на всю губернию; ассигновала 4560 руб. для перестройки губернской больницы в г. Уфе, с отдельным помещением для тифозных, лаборатории и усыпательницы. Возбуждено им также ходатайство у министра внутренних дел, образовать пенсионную кассу для лиц, служащих по земству, в соединении с теми земствами других губерний, которые того пожелают. На устройство в г. Уфе случной конюшни ассигновано 12 800 руб., из запасного губернского капитала. Вопрос о перестройке казарм в г. Уфе собрание решило тем, чтобы передать это здание военному ведомству для постоянного квартирования войск, а отопление и освещение его возложить на средства местного батальона. Решено также ходатайствовать о слиянии продовольственного капитала в один общий губернский фонд и устройство его на правилах страховых комиссий. Для прибывших в Мензелинский и Бирский уезды, Уфимской губернии, переселенцев разрешено выдать ссуды из запасного капитала, обязав все их общество круговою порукою в возврате этой ссуды, составив список нуждающихся и просимой

---

[1] Видимо, Буздяк – *М.Р.*

[2] Санкт-Петербургские ведомости. 1883. 14 (26) марта.

[3] Храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге – *М.Р.*

для каждого лица суммы. Состав членов управы решено увеличить четвёртым членом, ассигновав в смету 1883 г. ему жалованья 2000 руб., и также на составление подробной общей карты Уфимской губернии 700 руб. из запасного капитала мастеровых Златоустовского завода, постановив 1 апреля 1881 г. воздвигнуть памятник почившему государю на вершине сопки Урала, на котором восседал Государь, будучи наследником в бытность свою 11 июня 1837 г. в Златоустовском заводе: на этом камне они желают воздвигнуть колонну чугунную и таковую же статую Государя Императора во весь рост, держащую в руках манифест об освобождении крестьян; кругом устроить фонтан и чугунную решётку. По всеподданнейшему докладу министра об этом намерении, Государь приказал их "усердно благодарить", а губернское собрание решило выдать мастеровым на этот памятник ещё своих 1000 руб. Губернский гласный, г. Гурвич, прочёл в собрании статистический свой обзор Уфимской губернии, собственно по скотоводству, из которого мы извлекаем некоторые данные. Скотоводство в Уфимской губернии служит более предметом домашнего обихода, нежели экономической эксплуатации землевладельцев: оно постоянно уменьшается, за недостатком способных людей для ухода за скотом. Главные статьи скотоводства: лошади и овцы обыкновенной породы; у чувашей, кроме того, сильно развито свиноводство. На полевые работы употребляются исключительно лошади; рогатый скот, из-за беспрерывно проявляющихся эпизоотий, преимущественно у русских крестьян, – у башкир зараза эта почти вовсе не случается. Пастбище для скота отводится в степях и лесных местах, а свиньи загоняются в лес и ими сильно портится, как лес, так и поля, но, по неразвитию в народе сознания о сохранении чужой собственности, этого предотвратить нельзя. Луга близ больших и малых рек в губернии весьма хороши – искусственных лугов нет и надобности в них не предстоит: о травосеянии или плодопеременной системе вовсе понятия у народа нет, да оно бы и не окупило здесь трудов. Кормят скот зимою сеном, а при неурожае соломою; где есть винокуренные заводы, там и бардою; подножный корм у башкиров (тибенёвка) состоит в угоне лошадей табунами в степь с 1 октября до 15 ноября; теперь таких угонов меньше, потому что башкиры переходят из кочевого состояния в земледельческий быт, и число лошадей у них

уменьшается. Польза скота в земледелии вся почти лежит исключительно на лошади: она не только возит на продажу хозяйственные предметы, но и производит кумыс и круту (сыр), и доставляет говядину, когда её убивают за негодностью. Рогатый скот в Уфимской губернии пригоняется из киргизской степи: в Белебеевском уезде, смежном с Оренбургскою губерниею, скупается он гуртовщиками и гонится далее, на главный его сбыт, в г. Троицк. Молочное хозяйство вовсе не развито; о сыроварении даже во время крепостного состояния не было и помину, хотя домашнего скота было довольно. Кроме лошади, калмыки прежде употребляли верблюдов на полевые работы (в Стерлитамакском и Белебеевском уездах), но теперь этот скот совершенно исчезает. Долина реки Дёмы осталась ещё типичным представителем традиционной Башкирии, с её кочёвкою, юртами, номадами и проч. и находится в первом и втором стане Белебеевского уезда, но и здесь жили привольно только зажиточные и влиятельные башкиры-вотчинники, бедные же и ленивые хуже теперешнего, потому что заработков никаких не существовало, да и некому было арендовать их беспредельные земли. Тут остались ещё верблюды от прежних табунов: верблюд может только существовать как вьючное животное; лишь только местность культивируется, он уже не может жить привольно и уступает место лошади, пригодной и для пашни. Верблюды паслись на свободе возле озёр Кондрикуль и Ассаликуль, но теперь их насчитывают не более 220 штук, где были тысячи. Кочевание башкир стало исчезать со второй половины этого столетия, как только начали урегулировать их поземельную собственность; оно было необходимым условием их экономического быта и достояния, состоящего преимущественно в скоте; в настоящее время оно сократилось. Хороша была гигиеническая сторона этой кочёвки: в четыре лучших месяца в году, башкир раздобреет, а также и его скот без работы и ухода, и если у него есть чем просуществовать зимою, то он остаётся здоров и силён; уходя в степь, он проветривает всё своё жилище, увозя весь хозяйственный свой скарб и к зиме становится здоровым: самая убогая хижина башкира зимою чище хорошего дома русского мужика. Скот не улучшается в Уфимской губернии, а напротив того, падает; одно коневодство, прежде бывшее огромных размеров у крупных землевладельцев, ещё теперь существует от приплода жеребцов

случной конюшни, находящейся в г. Уфе, приносящей, впрочем, земству убыток. У башкиров ещё сохранилась чистая порода выносливых и крепких лошадей, но теперь она мельчает от смеси с другими породами.

Овцеводство в губернии слабеет и мало развито сравнительно с прежним временем, когда помещики Белебеевского уезда (гг. Таккелев[1], Дурасов и др.) ими славились. Овец держат для добывания шерсти и её изделий, стригут весною и осенью; весною выростает более мягкая шерсть, употребляемая на валенки, подхомутники и проч., и продаётся от 7–12 р. пуд. Местные овцы простые; тонкорунные водятся у некоторых помещиков и их немытая шерсть сбывается в Симбирске и Москве по 20–25 р. за пуд: стригут овец самым примитивным образом, железными ножницами, и пропускают шерсть сквозь решётку, для прочистки: промывка шерсти производится в шерстомойнях и в проточной воде, в деревянных ящиках, а потом мнётся дровяными шестами или ногами. Битая шерсть идёт на чулки, онучи, кушаки и частью сбывается в Уфе. Этим делом всего более занимаются в Оренбургском крае, в г. Челябе, где оно составляет важную отрасль местной промышленности. Численностью все породы скота в последнее десятилетие скорее уменьшились, нежели увеличились, кроме свиней: в городах теперь более скота, нежели прежде, а в селениях она убывает, преимущественно от эпизоотий. Ценность лошади в Уфе 75 р., в уездах от 30 – 50 руб.; рогатый скот, быки и коровы также в городе стоят 30 р., а в селениях 15 р.; овцы везде 3 р.; свинья и коза 4 рубля. От волков происходит большая убыль скота, и министерство внутренних дел требовало сведений, сколько их пожирается волками, но трудно было изыскать верные данные в селениях: настоящего исследования сделать нельзя, а без этого все сведения фантастичны – полиция их собрать не может»[2].

№ 94:

«Уфа, 6 апреля, среда. – В Катав-Ивановском заводе, Уфимского уезда, был вчера пожар. Сгорело 500 домов, большой дом, часть железоделательного завода, запасы дров

---

[1] Тевкелев – *М.Р.*

[2] Санкт-Петербургские ведомости. 1883. 2 (14) апреля.

и угля князя Белосельского, телеграфная станция и почтовая контора»[1].

№ 96:

«Уфа, 8 апреля, пятница. – Сегодня председатель губернской земской управы выехал в Катав-Ивановский[2] завод, для раздачи 27 000 р. страхового капитала погорельцам за понесённые убытки и для собрания сведений о степени нужды в продовольствии. Вчера на реке Белой тронулся лёд, но скоро остановился. Ночью стоят морозы, доходящие до 10 градусов; днём тепло»[3].

№ 97:

«Уфа, 9 апреля, суббота. – Лёд на реке Белой, выше Уфы идёт, а ниже стоит. Грузить рассчитывают с 13 числа. Воды мало»[4].

№ 100:

«Белебеевский уезд – В "Казанский Биржевой Листок" пишут, что случаи самосуда не прекращаются и до сего времени. Так, в ночь на 10 марта, шайка татар или башкир напала на хутор, находящийся всего в 8 верстах от деревни Томьяны и в 25 верстах от известной хлебной пристани на Белой, селения Дертюли, где проживают уездные власти; шайка была вооружена топорами, дубинами и т. п. орудиями; связав ночного сторожа, они бросили его в баню и подожгли её; затем заперли снаружи ставни окон и двери флигеля, где проживали управляющий с молодою женою, приказчик, тоже с женою и сыном, и полесовщик, и подожгли также и этот флигель. Судьба спасла лишь управляющего, находившегося в эту ночь в отлучке»[5].

№ 111:

«Уфа, 26 апреля, вторник. – Сегодня губернатор открыл экстренное губернское земское собрание, созванное для избрания представителей земства на коронацию Их Императорских Величеств и для обсуждения некоторых других вопросов. В собрание прибыло 25 гласных»[6].

№ 112:

---

[1] Там же. 7 (19) апреля.

[2] В газете: Катав-Пасновский, ошибка про чтении рукописи – *М.Р.*

[3] Санкт-Петербургские ведомости. 1883. 9 (21) апреля.

[4] Там же. 10 (22) апреля.

[5] Там же. 13 (25) апреля.

[6] Там же. 27 апреля (9 мая).

«Уфа, 27 апреля, среда. – Во вчерашнем заседании губернское земское собрание ассигновало 3000 руб. на блюдо для поднесения Их Императорским Величествам на коронацию. Затем собрание избрало двух ассистентов к председателю управы, которому назначило 1000 руб., а ассистентам по 600 руб. на время пребывания в Москве на коронации. Собранием избраны также два члена в открывающееся здесь отделение крестьянского земельного банка»[1].

№ 131:

«Уфа, 16 мая, понедельник. – Вчера, в 5 часов, по получении губернатором телеграммы министра внутренних дел, весть о совершившимся короновании облетела весь город. Жители массами устремились в собор, около которого, в парке, по прибытии всего духовного персонала, губернатора и других чинов, а также нескольких тысяч народа, совершено торжественное молебствие. По окончании его, хор певчих, вместе с военною музыкою, много раз сряду, исполнил народный гимн. "Ура" не смолкало до глубокой ночи. Город был небывало блестяще иллюминован и украшен флагами. Особенно выдавались губернаторский дом, Гостиный двор, дом занимаемый клубом, волжско-камский банк, управление государственных имуществ, собор и губернская земская управа»[2].

---

[1] Там же. 28 апреля (10 мая).

[2] Там же. 17 (29) мая.

Глава 3.
Общедоступная пресса («Свет»)

Опытный предприниматель и редактор Виссарион Виссарионович Комаров, возглавляя «Санкт-Петербургские ведомости», одновременно задумывает дерзкий широкомасштабный проект – издание массовой ежедневной общероссийской газеты, которую смогут выписывать во всех концах огромной империи люди со средними и даже ниже средних доходами. Возможно, среди прочих причин на это его подтолкнула невозможность разместить в «Санкт-Петербургских ведомостях» многочисленную корреспонденцию из провинции, а также письма рядовых читателей. Благодаря своей энергии и опираясь на ресурсы, журналистский коллектив и корреспондентскую сеть «ведомостей» редактор-издатель В.В. Комаров в 1882 году начинает выпускать газету «Свет»[1].

Надежда на успех объяснялась пониманием, что в России, благодаря усилиям государства и земства, больших ус-

---

[1] «Свет» – газета, издавалась в Петербурге в 1882–1917 годы. Издатели-редакторы – В.В. Комаров, с 1890 года П.А. Монтеверде, с 1896 года Н.Э. Гейнце, затем снова В.В. Комаров. По оценке советской эпохи «реакционная буржуазно-националистическая газета», которую несколько раз обругал В.И. Ленин (Русская периодическая печать (1702–1894). Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепахова. М., 1959. С. 644).

«Именно газета «Свет» была самым успешным издательским проектом Комарова, долгое время являясь единственной дешёвой газетой в России. Успеху газеты способствовало то, что в приложениях к ней печатались популярные беллетристы: Г.П. Данилевский, на дочери которого был женат Комаров, В.В. Крестовский и др. В лучшие времена её тираж доходил до 100 тыс. экз., что позволило редактору-издателю создать немалое состояние, и он даже купил огромный дом в Петербурге» // *Серганова Валентина* (http://www.hrono.ru/biograf/bio_k/komarov_vv.html). В.В. Комаров оставался редактором и издателем «Света» до конца своих дней. После его кончины в 1907 году газетой руководила Е.Г. Комарова, с 1911 года издатель «Товарищество газеты Свет» (*Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М.* Библиография периодических изданий России 1901–1916. Т. 3).

пехов достигло народное просвещение, резко возросло число грамотного населения. Не только «высшие» слои общества, но и «рядовые» жители – от формировавшегося «среднего» класса до образованных рабочих и крестьян стали интересоваться жизнью страны и мира, регулярное чтение газет и журналов становилось для них нормой, но финансовые возможности оставались достаточно скромными. Именно для такого (массового) слоя читателей и задумал В.В. Комаров создать общедоступную газету, прибыль в которой получалась от количества подписчиков. Само название нового издания звучало как призыв нести свет знаний в массы.

И в пятницу 1 января 1882 года в первом номере газеты редакция «Света» заявляла: «Мы начали дело в добрый час. Господь благословил наше начинание и общество откликнулось на наш зов. Мы искренно благодарим всех оказавших нам доверие, не злоупотребим им и направим эту могучую силу на общее благо и благо нашей родины. Да идёт же печатное слово вместе с "Светом" одинаково и в хоромы богачей и в хижины бедняков».

Действительно, новое издание, среднего формата «газета политическая, экономическая и литературная», стоило очень недорого. Годовая подписка (с пересылкой и доставкой!) обходилась всего в 4 рубля, полугодовая – в два целковых, на три месяца можно было подписаться за рубль, а отдельный номер продавался по 3 копейки. Печаталась газета в типографии самого В.В. Комарова в Петербурге на Гороховой, 46, где как раз находилась редакция «Санкт-Петербургских ведомостей». Редакция же «Света» обосновалась неподалёку, на Гороховой, 41.

С самого начала В.В. Комаров стал выпускать полноценную ежедневную (выходной – понедельник) газету за скромную плату. На трёх листах читатель получал буквально весь набор информации, как в самых фешенебельных изданиях. Тут были и передовицы с анализом важнейших событий, правительственные сообщения, телеграммы Международного телеграфного агентства, аналитические статьи и хроника, различные рубрики – внешние события, со всего света и пр., всевозможный познавательный материал (с первого номера печатаются «Беседы по сельскому хозяйству» Г. Бланка), а также «всякая всячина», репертуар петербургских театров, биржевые курсы, метеосводки по городам России, реклама и

пр. А на развороте второго и третьего листов регулярно появлялся большой литературный «подвал», в первом номере выходят стихи М. Розенгейма «Правда и кривда».

Кроме того, редактор В.В. Комаров понимал, что массовый рядовой читатель из российской глубинки желает видеть информацию из своего региона. И на второй странице «Света» подписчик встречает большую рубрику «Внутренние известия» (затем она именовалась «По городам и сёлам России»), где размещались краткие или среднего по размеру сообщения от читателей, собственных корреспондентов или перепечатки из других изданий. Уже в первом номере газеты «Свет» видим заметки из Пензы, Шенкурска, Москвы, Одессы, Варшавы, Харькова, Нежина, города Михайлов Рязанской губернии и других мест, включая очень маленькие населённые пункты. В отдельных номерах «внутренние известия» занимали целую страницу, преобладали заметки из западных регионов Российской империи, где, видимо, была наиболее плотная сеть корреспондентов.

Задуманный проект В.В. Комарова встретил живейший отклик в провинции. В «Свет» хлынули всевозможные письма, заметки, статьи не только от собственных корреспондентов, но и от простых подписчиков. Уже в 1880-е годы новая газета вырвалась в ряды наиболее массовых изданий страны. Так, в 1887 году в Уфе всех периодических изданий было получено 1467 экземпляров, а в Уфимской губернии – 4777. Лидерами подписки были: «Нива» – 485 штук, «Свет» – 406, «Уфимские губернские ведомости» – 288 и «Сельский вестник» – 258 экз. А в 1888 году, после открытия железнодорожного сообщения с Самарой и всей Россией, в губернии было получено всех периодических изданий 6218 экземпляров, в том числе в Уфе – 2245 штук. Лидировали по подписке «Свет» – 846, «Нива» – 545, «Сельский вестник» – 322, «Уфимские губернские ведомости» – 287, «Сын отечества» – 256 и «Церковные ведомости» – 222 экземпляра[1]. Именно недорогой, но «полноформатный» «Свет» стал самой популярной газетой нашего края.

И уже с января 1882 года здесь начинают регулярно появляться различные заметки из Уфимской губернии, много

---

[1] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / Сост. и ред. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889. С. 76 и «К стр. 76–77–78».

печаталось материала также из соседней Оренбургской губернии. Анализ этих сообщений показывает, что у «Света» не было своего «штатного» собкора в Уфе, рядовые читатели отправляли туда свои письма. Из Бирска много писал К.И. Галанов, приходили заметки из Стерлитамака и других уездных городов. Интересно, что уфимцы отправляли в «Свет» свои литературные произведения. Редактор единственной местной газеты «Уфимские губернские ведомости» Н.А. Гурвич наотрез отказывался публиковать художественные сочинения, перекрыв на несколько десятилетий «кислород» здешней творческой интеллигенции[1]. Среди уфимских авторов «Света» в 1882 году встречаем и В. Лоссиевского и, видимо, Н.В. Ремезова. При этом редактор В.В. Комаров, консерватор и монархист, специально не выбирал «разоблачительные» материалы, а, скорее всего, отвергал их, при этом публикуя самую различную информацию, в том числе по поводу затухавшего скандала с расхищением башкирских земель.

Рассмотрим основные публикации из Уфы (и, частично, Оренбурга) в газете «Свет» за 1882 год. Здесь пропустим коммерческую информацию из Мензелинска о ценах на ярмарке (№ 10), виды на урожай (№ 128), ряд заметок из Бирска и Стерлитамака и некоторые другие. Статьи приводятся в хронологической последовательности, по газетным номерам.

№ 4:

«Уфа. – Здесь предстоит громадное скопческое дело. В Бирском уезде на границе Вятской губернии обнаружено несколько деревень вновь оскоплённых. Привезено в уфимский тюремный замок для заключения до решения дела почти 200 человек»[2].

№ 12:

«Уфа. – На выезде из города, в так называемом Черкалихином овраге, найден труп застрелившегося из револьвера бывшего уфимского полициймейстера Н.М. Иванова»[3].

№ 44:

«Оренбург. – Отставной генерал Крыжановский, бывший оренбургский генерал-губернатор, хлопочет о получении места на оренбургской железной дороге»[1].

---

[1] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. С. 15.
[2] Свет. 1882. 5 января.
[3] Там же. 15 января.

№ 46:

«Оренбург. – Учреждённая по распоряжению министра внутренних дел комиссия по разбору архива упразднённого генерал-губернаторства под председательством вице-губернатора Тургайской области В.Ф. Ильина, начала усердно работы. Этот архив не разбирался целое столетие и был в полнейшем, какой только может быть, беспорядке. Кроме того, являются факты, имеющие общий, а не один местный интерес, где встречаем то о чём не знаем из истории прошедшего столетия. Дела здесь только с 1789 года. В секретном деле 1798 г. № 4 о колодниках, присланных из тайной экспедиции в Оренбургскую губернию и оттуда в экспедицию, узнаём, что в 1798 г., по совету уральского казака Фёдорова, беглый крепостной человек симбирского помещика Куроедова – Ксенофонт Владимиров выдавал себя сначала сыном Голландского короля, а потом сыном Петра III. Его и Фёдорова арестовали и отослали в тайную экспедицию. Самозванца выдумал уральский казак. Не в Урале ли же появился Пугачёв? Разбор архива, только что начатый, конечно, откроет многое в будущем. М.[2]»

№ 55:

«Белебеев. – Благодаря многочисленности начальства и страха, им наведённого на местное население, крестьяне слушаются не только начальства, но и того, кто заявит себя начальником, не будучи им в действительности. Частный поверенный и, вместе с тем, поверенный предводительства[3] дворян Бунина по всем делам, мещанин Шошин, проезжая из Уфы на селение Красный Яр, в средних числах февраля, в каждой попутной деревне, именем губернаторского чиновника, вызвал к себе крестьян и сельское начальство, заставлял их стоять перед ним во всё время его пребывания в деревне, брал с собою верховых для почётного караула, командовал ими, ругал их, словом глумился над забитыми, несчастными крестьянами. Не проходит ни одного лета, чтобы сельские власти не препровождали вереницу крестьян на работу к предводителю за ту цену, которую назначит он сам. Работали крестьяне в летний день по 15 коп., когда цена от

---

[1] Там же. 24 февраля.

[2] Там же. 26 февраля.

[3] Видимо, предводителя – *М.Р.*

50 к. до 1 рубля; снимали крестьяне серпом десятину хлеба по 2 руб., когда цена от 6 до 8 рублей, а между тем, хлеб их стоял на корню, сыпался и пропадал. Как на пострадавших от таких произвольных действий, можно указать на крестьян Ильинской и Чукады-Тамакской волости».

[второй материал, другого автора, из Уфимской губернии в этом же номере – *М.Р.*]

«С татарского

Азанча свой зов к моленью
Начинает с высоты.
Жду тебя я с нетерпеньем,
Скоро-ль, скоро-ль будешь ты?

Приходи скорей, желанный,
Здесь высок и густ ковыль;
Одр из трав благоуханных
Усладит любви нам пыль.

Брось ты мулл несносных право,
Им ли знать закон любви?
Нам дороже неба славы
Утишить огонь в крови.

Обовьюсь я змейкой гибкой
Вкруг тебя, о, милый мой,
И со страстною улыбкой
Распущу я пояс свой.

Пусть сожгут твои лобзанья
Кровь и сердце мне до тла,
Не боюсь я их, в сознаньи,
Что в твоих руках была.

Чу! Под лёгкими стопами
Шелестит, чуть-чуть ковыль…
Он со мной… Вот он руками
Стан мой трепетный обвил.

М.В. Лоссиевский[1]»

---

[1] Свет. 1882. 11 (23) марта. С марта в газете появился григорианский (западноевропейский, «новый» стиль). Написание месяца в газете иногда давалось полностью, иногда в сокращённом виде, здесь полностью – *М.Р.*

№ 109:

«Уфа. – Много горячих молитв и горючих слёз возносилось 24 февраля к Царю царствующих о Незабвенном Царе-Мученике Александре II. В межевом отделении губернского правления, по приглашению межевых чинов, отслужена была панихида перед сооружённою чинами отделения в память Царя Мученика иконою. На панихиде присутствовали: губернатор, вице-губернатор, все состоящие в Уфе межевые чины, весь состав губернского правления и много посторонних лиц. Помещаем и составленное на этот случай постановление чинов межевого отделения: "Межевые чины уфимской губернской чертёжной, движимые памятью о мученической кончине Царя-Освободителя, в Бозе почившего Императора Александра II, и стремясь единением мыслей в преданности церкви и престолу об увековечении этой памяти в своём учреждении, положили: 1) На добровольные, единовременные пожертвования соорудить образ святителей, чтимых церковью 17 апреля, в день рождения Блаженной памяти Императора Александра II, и к образу лампаду, которые поставить в губернской чертёжной. 2) Установить вид кружечного сбора с получаемого содержания, денег на командировку и задельной платы по ¼ процента, а из наградных по 1 проц., на ежедневные утренние возжигания лампады перед образом и на ежегодные в день 17 апреля: панихиды об упокоении души Царя-Мученика Александра II и молебствования о здравии и долгоденствии ныне царствующего Государя Императора Александра III. 3) Могущие образоваться остатки от кружечного сбора или присоединённые к ним добровольные пожертвования получают целесообразное употребление на дела помощи, с общего согласия чинов губернской чертёжной. 4) Просить г. губернского землемера изъявленное нами настоящее желание представить на усмотрение господина начальника губернии. Февраля 24 дня 188[2] года". Подлинное подписали: Александр Добрынин, Леонард Каминский, Николай Кудряшёв, Поликарп Фомин, Александр Иванов, Тимофей Богозин, Илья Васильев и губернский землемер Пётр Соловьёв. Землемер[1]».

№ 112:

«Уфа. – Сообщаем точные сведения относительно приобретения крестьянами-переселенцами башкирских земель. С

[1] Свет. 1882. 19 (31) мая.

1869 года башкиры получили полную свободу распоряжаться своими излишними землями (сверх душевого надела), но воспользовались этим не крестьяне, а местные аферисты. Земли десятками тысяч десятин скупались за безценок в одни руки, часто по 50 коп. и менее за десятину, при помощи задаривания мироедов, которых довольно в башкирских обществах, или посредством самого дерзкого обмана. Было несколько примеров, что, после совершения купчей, башкиры узнавали, что они продали и земли, находящиеся под их поселением. Всё это, конечно, проделывалось не без участия тех, кому об этом ведать надлежало, что и послужило поводом к закону 1878 года о пересмотре сделок о покупке башкирских земель, при чём по многим найдены видимые признаки злоупотреблений. Приобреталось, например, 35 000 десятин, без приплаты башкирам за излишнюю землю, а в натуре оказывалось 71 000 десятин; или, вместо купленных 15 000 десят., целая область в 50 000 десятин. Когда поверенные башкир, заметив неправильность, отказывали выдачею частных подписок, устраняющих, будто бы, недоразумение, а как скоро акт совершён, подписка, конечно, не признаётся и т. п. Обо всех таких сделках теперь производятся дела в судебных местах и некоторые купчие крепости уже признаны подлежащими уничтожению. Вот эти-то благодетели перепродавали земли тысячам переселенцев, от 10 до 20 руб. за десятину, обставляя их такими условиями, что немногим удалось получить акты на приобретённую землю. Часто уплатившие все деньги должны были выселяться, а то с ними расправлялись и ещё проще: как только выплачены все деньги, так благодетель указывает полиции, что на его земле проживают беспаспортные люди и просит их выдворить. Запрещения со стороны генерал-губернатора переселенцам строиться на арендованных излишних башкирских землях не было, а отдача на продолжительные сроки земель душевого надела не допускается законом, в предупреждение обезземелия башкир. После установления правила (1878 г.), что башкиры могут продавать излишние земли только с торгов, аферисты, чтобы предупредить конкуренцию со стороны крестьян, начали захватывать в аренду землю на продолжительные сроки, почему генерал-губернатор действительно рекомендовал тормозить подобные сделки, но и это было устранено при сенаторской ревизии. Вполне желательно, чтобы переселенцы получили

возможность непосредственно приобретать от башкир земли, но необходимо, чтобы правительство своевременно помогло им в этом не деньгами, а только ограждением от таких благодетелей. Уфимец»[1].

№ 112:

«Уфа. – Такого позднего вскрытия реки Белой и особенно такой большой воды у нас давно не было. Несколько "почалков" с хлебом, "белян" с лесными изделиями и не мало "коломенок" с железом снесло с фарватера. Некоторые суда крепко засели. Приходится паузиться[2]; всё это сопряжено с большими расходами. По пристаням реки Белой, начиная с Стерлитамака, унесло водою много брёвен, подмочило много мочалы, лубков, корья, частью и хлеба. За нагрузку хлеба предлагали крестьянам по 1 р. 50 к. и даже 1 р. 75 к. в день, но крестьяне не спешили приступать к работе, а удерживали друг друга: "авось, дадут дороже". Многие озимые поля затоплены водою; полагают, что озими вымокнут. Крестьяне уверяют, что на озими появился червь. Яровые поля на большом пространстве тоже залиты водою. Несмотря на то, что в прошлом году был очень порядочный урожай, особенно яровых хлебов, торговля даже деревенскими товарами в большом загоне. Крестьяне объясняют безденежье тем, что "земля уж больно дорога", и действительно, в Уфимском уезде землевладельцы из года в год непомерно возвышают цену за аренду земель: местами цена дошла за посев озимого хлеба до 9–10 р. за десятину, а за яровое 5–6 р., тоже за один посев. Хлеб относительно дёшев, дороги убийственно плохи; к тому же, подати взыскивают осенью, когда цены ещё не установились. Число питейных заведений, как в городах, так и в уезде, значительно уменьшилось, но вино дороже: чарками 8 р. за ведро, а вёдерное 5 р. 40 к.; пьют же ещё больше. Г.»[3]

№ 132:

«Уфа. – Бывший уфимский губернатор П.П. Шрамченко "решился ныне прибегнуть к печатному слову[4], чтобы сказать русскому обществу всю правду по поземельному вопросу

---

[1] Там же. 22 мая (3 июня). Возможно, автором статьи являлся Н.В. Ремезов – *М.Р.*

[2] Паузиться – перегружать товар на мелкосидящие суда, паузки – *М.Р.*

[3] Свет. 1882. 23 мая (4 июня).

[4] Речь идёт о следующей статье: *Шрамченко П.* Земельный вопрос в Уфимской губернии // Русский вестник. Апрель 1882. Т. 158.

в Уфимской губернии", при чём г. Шрамченко называет эту губернию злосчастною и поясняет, что и после сенаторской ревизии положение дел в этой губернии не улучшилось. Нечего и говорить, что статья г. Шрамченко произвела фурор в Уфе, составляет, так сказать, злобу дня у нас... О ней говорят чуть не на площадях, её читают на расхват. Действительно, с фактической стороны статья г. Шрамченко, в качестве губернатора, имевшего в руках богатый материал, – представляет ценный вклад в литературу о "хищениях" в Уфимском крае»[1].

№ 150:

«Уфа. – Из Катавского завода сообщают, что многие селения, благодаря советам станового пристава Н.Н. Макаровского, сознали необходимость иметь пожарные машины. Такие машины приобретены в Катаве, Усть-Катаве, Ерале, Самодуровке и других селениях. В Самодуровке жители составили приговор, кроме приобретения машин, так же и о том, чтобы детей, родители которых отлучаются на целые дни в поля, собирать в отдельную общественную избу, где будут присматривать за ними особо назначаемые женщины, так как много бывает случаев, что селения горят единственно от той только причины, что шалили огнём оставленные без надзора дети. Крестьяне благодарны г. Макаровскому за его старания. "Вот нашёлся добрый человек, становой, рассказал – нам всё, как следует, мы и собрали на машину, – говорил заслуживающий доверия старик одной из названных деревень: – Увидим пользу от неё – ещё напишем. А глядя на нас, и другие деревни сделают то же". С.В.»[2]

№ 161:

«Оренбург. – Недавно город посетил военный агент австрийских войск, задавшийся мыслью познакомиться со строевым образованием иррегулярных войск. Для осуществления своего предприятия, он отправился в лагерь башкирского конного полка, расположенный в глубине Башкирии, на расстоянии 120 вёрст от Оренбурга. Особенно понравилась австрийскому майору джигитовка»[3].

---

[1] Свет. 1882. 15 (27) июня.

[2] Там же. 7 (19) июля. Повторная информация о Самодуровке опубликована в номере за 29 июля (10 августа).

[3] Там же. 20 июля (1 августа).

№ 196:

«Оренбург. – 11 августа, в 5 часов пополудни, в лагере Башкирского конного полка[1], близ деревни Бурунчи, была произведена скачка на призы, пожертвованные гг. офицерами упразднённого Башкирского конного полка. Скакали служащие башкиры-конники на собственных лошадях, на дистанцию в 4 версты. Скачка происходила по кругу, заранее измеренному, и принимавших участье в этой скачке было 130 человек. Дистанцию в 4 версты прошли в 6 мин. 2 сек., хотя лошади не могли быть подготовлены к скачке, о дне и часе которой было объявлено лишь накануне, вечером. Из скакавших получили призы: 1-ый – 55 рублей, 2-ой – 30 рублей, 3-ий – 25 рублей, 4-ый – 15 рублей и 5-ый – 10 рублей. После скачки, для башкир было устроено угощение чаем. Нет для башкир лучшего удовольствия, как состязание в быстроте бега их, невзрачных на вид, но не знающих устали коней, и вот, на прощание с башкирами, преобразованными в милицию, офицеры решились позабавить этих азиатов, чтобы они, возвращаясь на родину, не поминали их лихом. Корреспондент»[2].

№ 204:

«Мензелинск. – Вместе с заявлением губернатору на благонадёжность учителей, инспектор Б. в этом же смысле позаботился оказать содействие и своему министерству. По первому последовало известное постановление уездного училищного совета, восстановившего репутацию наставников; результатом второго было министерское распоряжение о производстве следствия. В донесении инспектора есть курьёзы. Один учитель причислен к лику социалистов на том основании, что, слушая молебен в присутствии инспектора, он одну руку опустил в карман, другую засунул за борт сюртука, а ноги расставил вот так (следует анатомическое описание того, как расставил ноги учитель). Другая учительница, по словам инспектора, имеет необыкновенное сходство с Перовскою[3]. Трое выдающихся земских местных деятелей подроб-

---

[1] Башкирский конный полк (сначала эскадрон) существовал в 1874–1882 годы (см.: История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. I. Уфа, 2006. С. 150–151, автор – Р.Н. Рахимов).

[2] Свет. 1882. 2 (14) сентября.

[3] С.Л. Перовская (1853–1881), революционерка-террористка, повешена за участие в убийстве императора Александра II.

но охарактеризованы в доносе в смысле очевидных пособников нигилизму. Для производства следствия над этими социалистами, губернская дирекция, по распоряжению министерства, командировала своего чиновника. Г. Б. не может пожаловаться на недобросовестное исполнение поручения, возложенного на учебного следователя. Везде, где только есть ремесленные школы, следователь допрашивал мужиков, и уже потом начинал "проверять" самих учителей. Мужики, понятное дело, аттестовали наставников со стороны скромной домоседной жизни и трезвого поведения, а вот "про начальника ихнего, что наезжает частенько (это было в селе Боровецком), этого сказать нельзя: уж забавник только"... И к удивлению следователя, мужики начинают ему рассказывать некоторые пикантные подробности. Случайный»[1].

№ 211:

«Уфа. – Башкиры одной деревни предъявили иск о присуждении им во владение 6909 десятин. Ходатаем по этому делу со стороны башкир явилось лицо, занимающее видную общественную должность. Лицо это выговорило в свою пользу, за ведение дела, львиную часть всей суммы иска; дело было окончено, земля была присуждена в пользу башкир, но ещё не обмежёвана; ходатай нашёл нужным взыскивать по суду свою долю с доверителей. 30 августа обе стороны разбирались по совести у почётного мирового судьи. Ходатай предъявил к башкирам иск в 77 630 рублей, или ¾ всей ценности выигранного им иска; по рассмотрении дела, в пользу его было присуждено 67 273 рубля, с обращением взыскания, согласно указаниям обеих сторон, на землю. Для удовлетворения претензии было выделено 5175 десятин или ¾ всей башкирской земли, составлявшей предмет иска. Границы 5175 десятин были подробно определены и участок этот предназначен к продаже, на покрытие присуждённой суммы. Такой результат обратил на себя внимание администрации, как пробный опыт обойти новый закон, по которому башкирские земли могут приобретаться только казною или крестьянскими обществами, при том не иначе, как по приговорам самих сельских обществ, с ведома и согласия губернского по крестьянским делам присутствия. Н.В.»[2]

---

[1] Свет. 1882. 12 (24) сентября.

[2] Там же. 22 сентября (4 октября). Автором заметки, видимо, являлся Н.В. Ремезов.

№ 223:

«Уфа. – Здесь 7 градусов мороза. На Белой показался мелкий лёд. Буксирные пароходы располагаются на зимовку»[1].

№ 234:

«Белебей. – Башкиры Белебейского уезда считают себя крайне обездоленными продажею их земель. В силу этого, они считают необходимым отстаивать свои права. Некто Карвовский закупил участок в Белебеевском уезде. По приезде на новые владения, он был встречен башкирами с дрекольями и дубинами. Пришлось пригрозить револьвером; башкиры отошли на приличную дистанцию и во владельца полетели дубины, от которых ему с трудом удалось спастись. Этот случай до того напугал и владельцев и управляющих, что немногие решаются показываться на своих участках. Л.К.»[2]

№ 255:

«В Уфимской губернии многих интересуют теперь результаты исследований инженерных партий относительно проведения железной дороги чрез Уфу; как известно, одна партия направилась на Екатеринбург, а другая на Белебей. Землевладельцы, с картами Уфимской губернии в руках, следят за направлением предполагаемой линии и те, земли которых находятся на линии или вблизи её, заранее потирают руки и предвкушают великие и богатые милостыни от ожидаемой наживы. Ценность земель теперь неминуемо возвысится и вместо теперешних от 12 до 20 р. с. за десятину по купчей, будут брать втрое и более. Уже и в настоящее время некоторые участки вблизи населений более или менее ценны»[3].

№ 269:

«Кизганбаш (Бирского уезда). – Наша деревня населена сплошь вотяками-язычниками, охотно посещающими три кабака, "распивочных", по 5 к. за шкалик. Особенно безобразят в базарные дни по четвергам. М. Ш.»[4]

№ 288:

«Уфа. – Губернское земское собрание в заседании 21 декабря отклонило заявление управляющего крестьянским зе-

---

[1] Там же. 7 (19) октября.
[2] Там же. 20 октября (1 ноября).
[3] Там же. 14 (26) ноября.
[4] Там же. 1 (13) декабря.

мельным банком, в котором предлагалось земству избрать членов в отделение крестьянского банка, предполагаемое к открытию с будущего года. Свой отказ собрание мотивировало тем, что ему ещё неизвестен круг обязанностей членов от земства. В том же заседании собрание постановило дать гарантию в размере 100 000 рублей городскому обществу взаимного от огня страхования, которое было открыто в 1877 г. и, в скором времени, оказалось несостоятельным для выполнения своей задачи по недостатку в средствах. Вместе с тем, из капитала земского страхования ассигновано 100 000 р. на содействие обществам взаимного страхования, которые могут открыться в уездных городах. В настоящее время наличность земского страхового капитала простирается до 276 000 руб.; кроме того, 273 000 руб. состоит в недоимках».

«Мензелинск. – Временное отделение государственного банка выехало 22 декабря из Уфы в Мензелинск на ярмарку, где и будет производить операции с 26 декабря по 11 января»[1].

Таким образом, всего в течение 1882 года в газете «Свет» было напечатано 28 сообщений из Уфимской губернии (включая статьи из одного номера, но без повторной заметки из Самодуровки). Условно разделим их по темам: происшествия (криминал) – 10, экономических – 7, критически-разоблачительных – 7 (в их числе в четырёх сообщениях затрагивается башкирский вопрос), «описательных» – два, одно художественное (стихи) и одно патриотическое. Отметим, что, хотя редактор В.В. Комаров в первую очередь публиковал остросюжетные («жареные») материалы о происшествиях в глубинке, несмотря на патриотически-монархические убеждения руководства газеты, в 1882 году в «Свете» много было издано критического, разоблачительного материала, как продолжавшего шумиху вокруг истории с расхищением башкирских земель, так и других. Редакция не побоялась поместить заметку из Мензелинска о самодурстве местных чиновников, выискивавших неблагонадёжных «сицилистов» и нигилистов среди учителей (№ 204), а также привести факты силового сопротивления башкир новым собственникам (№ 234). Подобная позиция редакции «Света» вызвала наплыв корреспонденции из провинции, в том числе из Уфимской губер-

[1] Там же. 24 декабря (5 января).

нии, интеллигенция которой увидела в новом издании возможность опубликовать свои сочинения художественного или публицистического характера.

В следующем 1883 году «Свет» пожинал плоды популярности. На последней странице появляется новая рубрика «Почтовый ящик», где авторам редакция сообщала, что не будет публиковать их заметки. Например, в № 112 и 115 были отклонены корреспонденции из «Мясогутова» и Белебея. Редакция выбирала из наплыва писем со всей России устраивающий её материал. В объявлении о подписке на второе полугодие (№ 124) гордо сообщалось, что «Свет» «ни в настоящем, ни в будущем не изменит своей программы, которая сделала его самою любимою и самою распространённою газетою в России». При этом цена оставалась прежней от 4 рублей и ниже. Ещё на первом году издания газета начала печатать приложения романов и в 1883 году стоимость годовой подписки на «Свет» с романами стоила 8 рублей, на полгода – четыре и т. д. С лета типография резко улучшила качество печати, читатель теперь видел чёткий красивый шрифт.

Но в содержании происходили явные изменения. В стране утвердился консервативный курс нового императора и в газете доминируют бытовые, лёгкие рассказы и рассказики как живёт глубинка, по прежнему обильная провинциальная информация упрощается, криминально-развлекательные материалы преобладают. Например, в рубрике «По городам и сёлам» в № 218 читаем заголовки: дешевизна скота, поджоги, гибель виноградников, ужасная драма, жертва чести, сиятельная преступница, поджигатель Шварц, неуместное соседство, самоубийство, гимнастическое общество. Очень много становится перепечаток, что свидетельствует не только о слабости своей корреспондентской сети, но и желании редакции подстраховаться для цензуры, информация не наша. Так, в № 227 выходит большая статья из «Волжского Вестника» под названием «Лесоистребление». Иногда информация из Уфы поступала через Северное телеграфное агентство (№ 79).

Далее приводятся основные заметки по Уфимской губернии (без оренбургских), напечатанные в газете «Свет» в 1883 году.

№ 1:

«Уфа. – 11 декабря, по предложению губернатора и при его участии, состоялось заседание общества врачей по вопро-

су о появлении дифтерита в городе и в уезде. Врачи признали существование дифтерита, но в более слабой степени, чем предполагалось. В заседании выработаны правила санитарного надзора. По предложению губернатора, губернское земское собрание, в заседании 19 декабря, открыло управе кредит в 35 000 руб. на борьбу с дифтеритом, в случае, если болезнь эта разовьётся до значительных размеров. С.Т.А.»[1]

№ 12:

«Мензелинск. – В районе одного из призывных по воинской повинности участков нашего уезда уже давно ходили упорные слухи о том, будто членом воинского присутствия, состоящим в тоже время гласным уездного земства, взято с нескольких человек рекрутов до 800 рублей. На днях одному из членов присутствия, действительно, удалось доказать формально одну из этих взяток, по поводу чего и началось судебное следствие. Относительно же других взяток производится пока полицейское дознание. К.Н.Л (или Д.)»[2].

№ 30:

«Уфа. – На днях, по распоряжению губернатора, вследствие поданных ему жалоб, в сиротском суде началась ревизия, производство которой поручено советнику губернского правления»[3].

№ 58:

«Уфа. – 18 февраля управляющим государственными имуществами Уфимской и Оренбургской губернии закончено и отправлено в С-Петербург следственное дело о злоупотреблениях чиновника особых поручений Мартынова по Челябинскому уезду. М. растратил до 26 000 казённых денег, полученных им от арендаторов казённых земель, которыми представлены росписки в получении от них М. денег. Часть росписок М. уничтожил, отбирая их от арендаторов через сельское начальство; но растрата скоро была обнаружена и назначен для производства следствия г. Шаркевич, который весьма энергично повёл дело. М. сидит в замке, – у него жена, детей, к счастью, нет; по его чистосердечному признанию, он проиграл деньги в карты в Екатеринбурге и не толь-

---

[1] Там же. 1883. 1 (13) января.
[2] Там же. 16 (28) января.
[3] Там же. 8 (20) февраля.

ко 26 000 казённых, но ещё более своих, взятых в приданое за женою»[1].

№ 59:

«С. Мясогутово (Златоуст. уезда). – Вновь прибывший священник И. Высоцкий, высказывает беспокойный нрав. Он не только ссорится со старостою, псаломщиком, учителем, но высылает из церкви на паперть, где холодно и ветрено, крестьянок с детьми на руках, а 2 марта, в день восшествия на престол, совсем не пустил в церковь учеников училища, выгнав их за ограду церкви. Жаль, что некому прекратить эти безобразия. С.»[2]

№ 62:

«Уфа. – По распоряжению губернатора, производится ревизия сиротского суда членом губернского правления. Капиталы сирот разобраны под векселя разными лицами, близкими по своему служебному положению к сиротскому суду... Под векселя же, как утверждают, разобраны капиталы городского банка (от 700 000 до 400 000 руб.); В июле прошлого года один мещанин жаловался городской думе, что мещане, давшие основной капитал банку, не пользуются из него ссудами; что к банку присосалась небольшая кучка местных "дельцов"»[3].

№ 79:

«Уфа, 9 апреля, суббота. – В здешнем общественном банке изменяется весь состав правления банка. Директор, несмотря на просьбы думы, и товарищ[4] директора, оставили службу до срока; вчера думою вместо них избраны новые лица. Другой товарищ директора остался лишь до определения правлением кассира»[5].

№ 132:

«Старые грехи всплывают.

Уфа. – Недавно посажен в острог становой пристав Алексеевцев за присвоение и растрату денег, вверенных по службе... Алексеевцев – молодой ещё человек, выписан сюда из Духовщины бывшим здесь исправником Рульером, под покровительством которого и подвизался. Сам Рульер уехал не-

---

[1] Там же. 16 (28) марта.
[2] Там же. 17 (29) марта.
[3] Там же. 20 марта (1 апреля).
[4] Заместитель – *М.Р.*
[5] Свет. 1883. 10 (22) апреля.

медленно по прибытии в прошлом году губернатора Н.П. Щепкина; новый исправник, г. Вышенский, повёл дело на чистоту и хищения Алексеевцева всплыли на Божий свет. Привлечён к ответственности весь состав уездного по крестьянским делам присутствия за незаконные деяния, выразившиеся в превышении власти, подлогах и т.п. по делу засвидетельствования приговоров обществ Благовещенского завода на открытие питейного заведения крупного виноторговца г. Козел»[1].

№ 151:

«Киргизы шалят.

Уфа. – Постоянно повторяющиеся захваты башкирами земель и рубка лесов у частных владельцев, в последние годы, в особенности с 1883 года, принимают в данное время столь угрожающий характер, что владеть землёю в Уфимской губернии становится не безопасным. Большинство преступлений остаются безнаказанными и тем даётся только повод к ещё большему бесчинству, не только уже одних башкир, но и крестьян»[2].

№ 163:

«Уфа. – В последнее время, Уфа сделалась центром эпидемии дифтерита и оспы, но с летом эти "лихие болести" немного приутихли, за то умирают скарлатиною и коклюшем. В деревнях оспа свирепствует в полном просторе»[3].

№ 229:

«Солнце

Солнце весело
Всплыло на небо,
Разослало лучи
Во все стороны.

Осветило везде,
Улыбнулось вокруг,
И на сердце легла
Радость тихая.

---

[1] Там же. 19 июня (1 июля).
[2] Там же. 13 (25) июля.
[3] Там же. 29 июля (10 августа).

С ним и бедному
Легче нужды нести,
И больному оно –
Вестник радости.

Всех беспомощных,
Бесталантливых
Согревает оно
Лучём милости.
М. Соколов. Уфа, 15 авг. 1883 г.»[1]

№ 231:
«Тоска
Тоска смертная
В сердце вкралася,
Камнем к грудушке
Привалилася.

Всё кружит она
Неисходная:
Силы юности,
Дни весёлые.

Застилает свет
Чёрной думою,
Кладёт на сердце
Печать чёрную…

Где размыкать мне
Тоску смертную?
Поразсеять мне
Неотвязную?..

В чисто поле пойду
По дороге большой,
На просторе вздохну
Чистым воздухом.

Наболевшую грудь
Влагой чистою

[1] Там же. 21 октября (2 ноября).

Напою, освежусь
Приосанюся.

Вышел в полюшко,
Вздохнуть воздухом,
Пуще прежнего
Защемило грудь.

Божий свет потемнел,
Сердце просится вон,
А усталось сечёт
Мои ноженьки.

Не поможет, знать, мне
Поле чистое,
Годы съели меня,
День не вылечит!

М. Соколов. Уфа, 25 авг. 1883 г.»[1]

№ 247:

«– Уфимская городская дума сильно озабочена гарантиями местного банка от "краха". Недавно дума распорядилась учредить комиссию из 6 гласных (в которую избраны ею: Тюнин, Касимовский, Блохин, Эверсман, Волков и Ляхов) для производства внезапных ревизий банка во всякое время. Дума указала и способ организации комиссии для этих ревизий, а именно: по заявлению двух гласных председателю комиссии о производстве ревизии, последняя производится в тот же день в неприсутственные часы»[2].

№ 260:

«– На херсонскую кафедру, за кончиною архиепископа Дмитрия, назначается епископ уфимский Никанор, известный проповедник и учёный, автор сочинения о позитивной философии; на место же его в Уфу переводится преосвященный Дионисий, из Якутска»[3].

№ 283:

«Новобранцы. – В Уфимской губернии, по разношёрстности населения, половина новобранцев ставится из татар,

---

[1] Там же. 25 октября (6 ноября).
[2] Там же. 12 (24) ноября.
[3] Там же. 29 ноября (11 декабря).

башкир и др. Русская молодёжь обыкновенно задирает иноплеменников, которые долго, стойко и угрюмо отмалчиваются. С бритоголовых срывают шапки, тюбетейки. Наконец, терпение их лопается и происходит драка. 7 декабря такая сцена разыгралась в Уфе серьёзным избиением татарина, которому проломили голову»[1].

Таким образом, всего в газете «Свет» в 1883 году было опубликовано сообщений из Уфимской губернии (включая не вошедшие в данную книжку) – 23. Львиную долю (15) из них составляли заметки о происшествиях, вместо разоблачения общественных нравов теперь доминировала критика чиновников, казнокрадов, жуликоватых предпринимателей. Подобная информация, критика отдельных недостатков и отдельных нечестных личностей, с которыми борется мудрая государственная власть, заменила разоблачения системы. Обратим внимание на небольшую заметку в № 151, под заголовком «киргизы шалят». На смену разоблачениям расхищения башкирских земель, ещё недавно так волновавшего прессу, в газете, наоборот, уже башкиры обвиняются в нарушениях прав собственности. Кроме того в 1883 году среди уфимских публикаций «Света» можно выделить два издания стихов, две описательных и одну экономическую заметку, и лишь три сообщения можно отнести к разряду критических. Особенно интересен материал в № 132, где рассказывается о попытках нового либерального губернатора Н.П. Щепкина навести порядок в Уфе.

В 1883 году общее количество публикаций из Уфимской губернии в «Свете» уменьшилось по сравнению с предыдущим, 1882, годом: с 28 до 23-х. Схлынула «волна» журналистской шумихи вокруг башкирских земель (или печатать это стало нежелательным), а ничего другого особенно интересного для подписчика отдалённая Уфимская губерния и не представляла. В ещё большей степени это проявилось на третьем году существования газеты «Свет» – в 1884 году. Общее число заметок из Уфы и губернии сократилось до 16 (8 о происшествиях, 6 описательных, два экономических). Критика исчезла вовсе. Лишь криминал оставался востребованным: «безнаказанное бесчинство» из Бирска (№ 12) или «кровавая драма»

[1] Там же. 29 декабря (10 января).

из Мензелинска (№ 30). Приведём основные уфимские публикации за 1884 год.

№ 72:

«Мусульманское духовенство. – Все мусульмане России, за исключением Кавказа, Крыма и западных губерний, находятся в ведении оренбургского духовного собрания, состоящего из муфтия, назначаемого правительством и трёх членов казиев, избираемых мусульманами Казанской губернии. Его святейшество муфтий Хаджи Селим Гирай Тефкилев, в виду важного значения собрания, полагал более полезным и справедливым предоставить избрание членов его не только казанцам, но и мусульманам других губерний. Представление его в этом смысле, одобрено высшим правительством и впредь Казанская губ. будет избирать одного, а остальные губернии двух членов духовного собрания»[1].

№ 87:

«Преследование конокрадов. – Нам пишут из г. Белебея, что, с назначением туда нового исправника, энергично начали преследовать воров. Многие сельские общества, давно ожидавшие только почина, предоставили своих конокрадов в распоряжение правительства и г. исправником заключены уже в тюрьму. Конокрады, не попавшие в приговоры, теперь ищут работы, конечно из опасения попасть на одну дорогу с своими одноремесленниками»[2].

№ 95:

«Сибирская жел. дорога. – Обширный Оренбургский край с нетерпением ожидает решения по вопросу о сибирской железной дороге. Местное земство давно хлопочет о направлении дороги с Самары на Уфу и далее на восток – в Сибирь. По этому поводу уфимский городской голова г. Волков, по уполномочию земства, имел счастье ходатайствовать два года назад, лично пред Государем Императором. По описанию "Справочной книжки" Уфимской губ., почва её содержит громадные залежи железных и медных руд, пласты каменного угля, фарфоровой глины и проч., есть признаки нахождения золота... Все естественные богатства края остаются не

---

[1] Там же. 1884. 30 марта (11 апреля).

[2] Там же. 20 апреля (2 мая). Сельские общества имели право выслать (удалить) конокрадов и прочих преступников в Сибирь – *М.Р.*

эксплоатированными единственно по отсутствию дешёвого передвижения грузов»[1].

№ 113:

«Бездействие власти. – В д. Бекетово, Воскресенской волости, Уфимского у., общество решилось составить приговор об удалении заведомо известных поджигателей, причём даже собрало сумму денег для отправки их; но лица эти почему то не были удалены и поджоги возобновились. Часть деревни (и то благодаря только случайности, остановившей распространение пламени), сгорела. Озлобленные крестьяне составили новый приговор и вручили его уряднику. В приговоре решено приговорённых к выселению подвергнуть самосуду»[2].

№ 146:

«Поездка стат. секр. Островского. – Поездка министра государственных имуществ, г. Островского, в Западную Сибирь главным образом имеет ту цель, чтобы на месте изучить, насколько Уральский край нуждается в проложении железной дороги в Сибирь через Самару – Уфу, как этого желают все уральские заводчики...»[3]

№ 163:

«– 5 июля, на пароходе бр. Якимовых "Латник", совершающем рейсы между Нижним и гор. Уфой, лопнул поршень цилиндра на полном ходу. Пассажиры пересели на проходивший пароход Курбатова (арестантский)»[4].

№ 176:

«– Ревизионная комиссия в Мензелинске нашла: что весь кредит местного банка как по учёту, так и под залоги распределён между 450 кредиторами, что почти половина всего кредита разделена между членами банка главою городского управления, их родственниками и приятелями, в числе около 9 человек, которым выдано 97 675 руб., т. е. весь основной и запасный капиталы банка и ещё из вкладов добавлено 6736 руб. 26 ¼ коп. Директор банка А.Н.Б. забрал 43 740 руб.; городской голова А.Г.П. 21 275 руб.; товарищ директора 11 000 руб. и т. д. Все эти долги 9 лиц более чем на половину ничем не обеспечиваются»[5].

---

[1] Там же. 29 апреля (11 мая).
[2] Там же. 25 мая (6 июня).
[3] Там же. 5 (17) июля.
[4] Там же. 26 июля (7 августа).
[5] Там же. 11 (23) августа.

№ 190:

«– В Уфимской губернии открылось три инородческих одноклассных училища ведомства министерства народного просвещения для чуваш и башкир»[1].

№ 206:

«Две жертвы насилия. – В июле, в сельце Диашеве, Белебеевского уезда, совершено жестокое насилие над становым приставом и врачём местными крестьянами. Случай этот вышел из-за крестьянина, которому пришлось везти станового и врача, ехавших по служебным обязанностям. Он притворился избитым этими последними и вернулся через несколько времени по выезде из дома опять в своё селение. Крестьяне, поверив ему, изуродовали станового до беспамятства и побили врача. Виновные, частью заключены в тюрьму, частью отданы под строгий полицейский надзор»[2].

№ 211:

«Загадочные явления. – В Уфе, в доме покойного пекаря Голицынского при жизни завещавшего всё имущество: – дом и деньги, помимо родственников, посторонней женщине, произошло следующее: Вступив во владение доставшимся ей от г. Голицынского имуществом, женщина эта пригласила к себе на житьё родную сестру, вдову, с двумя малолетними детьми. С переселением их, днём и ночью, в окна дома неизвестно откуда стали летать огромные булыжники и кирпичи, бросаемые невидимою сильною рукой. Оба ребёнка были ушиблены и в настоящее время больны. Та же невидимая рука нанесла сильный удар явившемуся в дом, по заявлению хозяйки, частному приставу. Строгое полицейское дознание и тщательный осмотр дома пока ни к чему не привели. Караул ещё не снят и полицейское наблюдение производится»[3].

И в дальнейшем самая дешёвая и самая распространённая газета в России пользовалась популярностью у уфимских читателей, наверняка, будущий исследователь ещё найдёт на её страницах немало важной информации о жизни Уфимской губернии и Башкирии. В заключение отметим один любопытный факт. С газетой «Свет» сотрудничал известный уфимский и оренбургский краевед Руф Гаврилович Игнатьев

---

[1] Там же. 29 августа (10 сентября). См. также номер за 31 августа.

[2] Там же. 20 сентября (2 октября).

[3] Там же. 26 сентября (8 октября).

(1818 года рождения). В начале 1880-х годов он проживал в Оренбурге, нигде уже не служил, вёл скромное, если не бедное, существование и денег, чтобы выписать газету, у него хватало только на самый дешёвый и общедоступный «Свет».

Можно даже примерно предположить начало и причину сотрудничества Р.Г. Игнатьева с этим изданием. В № 126, ещё в июне 1882 года, когда газета выходила первые месяцы, читатель познакомился с душераздирающей историей из Оренбурга. Редакция не могла пройти мимо такого вопиющего факта и газетной площади не пожалела. Автор заметки подписался сокращённо: «Р.И.» Знакомство с самой статьёй показывает, что её написал образованный, профессионально пишущий человек, чётко изложивший суть вопроса и, вполне вероятно, историк. В тексте встречаем параллель со временами крепостного права, что вряд ли, спустя двадцать лет после его отмены, вспомнил бы рядовой обыватель. Вот сама заметка:

«Оренбург. – У нас случилось вопиющее происшествие, поразившее так сказать целый город, возбудившее и возбуждающее столько толков. 17 мая мы узнали, что отравилась 16-летняя девушка Вера Владимировна Гарина, кто говорил от любви, а кто от жестокого и многим известного обращения с нею тётки Г.; в детстве, вместе с братом, моложе её на 5 лет, ранее того лишась матери, лишилась и отца, чиновника, сосланного в Сибирь, и была вместе с братом взята на воспитание родным дядею, занимающим в Оренбурге видное место и человеком достаточным. Г. отдана была в женскую гимназию и вскоре стала одною из лучших учениц, и уже была в 4-м классе, но вдруг дядя Г. женился на бывшей акробатке, а потом актрисе какого-то провинциального театра. Акробатка-актриса тотчас-же забрала в руки всё и вся в доме, начиная с мужа, и Г. взята из гимназии и обращена в прислугу, с применением всего, что было во времена крепостного права, побои, – истязания сыпались на бедную девушку, и чем более подростала и развивалась девушка, тем хуже с нею стало обращение тётки, не признававшей и того, что девушка обладает красивою наружностью. Посватался – было – жених отказано, прислуга-де нужна… И вот, теперь, за какую то неисправность на кухне, 17 мая, тётка, в отсутствии мужа, снова побила племянницу и побила так сильно, что та уже и не вставала, брошенная на кровать кухарки. На

крик девушки прибежал начальник телеграфной станции, в том же доме помещающейся, но уже было поздно, жертва только хрипела, прикусив язык... Чтобы придать вид отравления, несчастной влили в рот керосину, но керосин не прошёл, а только обжёг дёсны, а судебно-медицинский осмотр и вскрытие тела открыло, что никакого отравления, как об этом было заявлено полиции, не было, а побои причина. Кухарка получила богатые подарки за молчание, но не замолчала и не молчит, где следует. Не замолчит и целый дом, наполненный жильцами, видевшими прежние проступки тётки с племянницею. Из желания всё прикрыть, да ещё и порисоваться, когда уже началось следствие и самое энергическое со стороны прокурорского надзора, Г. схоронили, как можно приличнее и на дорогом кладбище. Тётка артистка разыграла роль неутешной, плакала, неистовствовала, падала в обморок, её вели под руки, но в публике, собравшейся посмотреть процессию, слышалось вроде: "Полно, актриса, привыкла к ролям" и т.п. Неутешен дядя, человек честный и добрый, но что делать, поддавшийся слабости к жене. Судебное следствие откроет, конечно, ещё многое. Как жаль, что у нас ещё нет покуда гласного суда. Р.И.»[1]

Судя по этой заметке, её написал один из соседей, проживавших в многоквартирном доме (кроме квартир там располагалась телеграфная станция), и, скорее всего, по просьбе жильцов, наблюдавших страдания молодой девушки. Автор также являлся одним из очевидцев происходившего, он знает бытовые подробности (роль кухарки и позицию дяди), провожал в последний путь гроб с несчастной жертвой, с которой, наверняка, был лично знаком. И в то же время это совестливый, неравнодушный и весьма образованный человек, заканчивавший свой печальный очерк призывом о необходимости гласного суда, опасаясь что историю с убийством влиятельные лица «замнут».

Престарелый краевед, а Р.Г. Игнатьеву в 1882 году шёл уже 64-й год, не мог по состоянию здоровья продолжать свои научные изыскания, но, познакомившись с газетой «Свет», где регулярно публиковались литературные произведения, Руф Гаврилович решил реализовать свой накопленный опыт

[1] Там же. 1882. 8 (20) июня.

в художественном творчестве[1]. В январе 1884 года тысячи подписчиков «Света» увидели историческую повесть Р. Игнатьева под названием «Самодур XVIII века»[2], сюжет которой, вероятно, родился не только из исторических познаний автора, но также из его нелюбви к любому виду порабощения – от солдатчины и крепостного права до домашнего издевательства. Необходимо также заметить, что в своих краеведческих сочинениях Руф Гаврилович широко использовал художественные приёмы и определённый опыт у его имелся (см., например, его работу «Устинья Кузнецова – жена лже-Петра III»[3]).

После первого успеха в качестве беллетриста, а также получив от «Света» скромный гонорар, который для бедствовавшего краеведа был совсем не лишним, Руф Гаврилович задумал более масштабное произведение. Как уже я говорил, с первого же года существования газеты редактор-издатель В.В. Комаров, близкий к литературному миру Петербурга, организует «приложение романов к газете "Свет"». Подписавшийся на них читатель ежемесячно получал довольно увесистую книжку, в которой обычно публиковалось несколько произведений, реже одно. Например, в январской книжке (первой) за 1885 год были изданы роман П.В. Полежаева «До побега», рассказ Н. Стремоухова «Джарна» и комедия в трёх действиях А. Соллогуба «Чужое счастье». Во вторую, февральскую, книжку вошли исторический роман П.В. Полежаева «Побег и смерть», а также повесть «Тёща» Дюбю-де-Лафаре в переводе М.А. Сороченковой. Мартовский и апрельский выпуски состояли только из романов Маттеи «Наследство» и «Уголовный процесс». Все книги выходили в издательстве В.В. Комарова на Фонтанке, 74.

---

[1] Появление массовых изданий с обязательными литературными разделами привело к возникновению целой «индустрии» по написанию художественных произведений. Многие журналисты, в том числе такие известные как Александр Чехов и Влас Дорошевич, как блины выпекали подобные сочинения, зарабатывая себе на жизнь (см.: *Летенков Э.В.* «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. Л., 1988. С. 118, 135, 137 и др.). Возможно, и Р.Г. Игнатьев, решив, что он не хуже подобных беллетристов, тоже увидел в этом возможность дополнительного приработка. О художественной ценности произведений Р.Г. Игнатьева судить специалистам – литературоведам.

[2] Свет. 1884. 17–21, 24–28 января.

[3] Уральские войсковые ведомости. 1882. 6 июня и др.

А в майской книжке приложений романов к газете «Свет» на суд читателя была представлена историческая повесть Р.Г. Игнатьева «Альберт Бёниг». Давно осевший на Южном Урале краевед-историк вспомнил начало своей научной карьеры, свою молодость, свои изыскания по истории Господина Великого Новгорода в 1850-е годы, и сюжет романа связан именно с этим древним русским городом. «В Великом Новгороде, в начале 1400 года, на Софийской стороне, на Фёдоровской улице, отслушав по рану святую божью литургию и молебен св. пророку Предтече и Крестителю Господню Иоанну в церкви св. великомученика Феодора-Стратилата, стали вечем на площади пред тою церковью все люди почётные с Софийской стороны: бояре, купцы, духовные, огнищане, житые люди или домохозяева; тут же были и старосты от каждой улицы, как представители благочиния и непременно избираемые тоже из огнищан-домохозяев». Так начиналась первая глава «Вече» в повести Руфа Гавриловича[1]. Без сомнения, а почта тогда работала исправно, Игнатьев получил свой роман и порадовался успеху, через несколько месяцев, в январе 1886 года он скончался в Уфе.

В приложении же к этой книжке помещена повесть Руфа Гавриловича Игнатьева «Самодур XVIII века», с которой уважаемый читатель сможет познакомиться через столетие забвения.

---

[1] Альберт Бёниг. Историческая повесть XV века Р.Г. Игнатьева. СПб., 1885. С. 1 (в этой майской книжке также находится историческая повесть из грузинской жизни Валериана Черни «Княгиня Нэктарина»).

Глава 4. Соседи

Постоянный, но разный по величине интерес к ситуации в Уфимской губернии проявляла пресса соседних регионов. В значительной степени уровень подачи материала зависел от наличия надёжных коммуникаций (транспортных связей). В работе «Судьба редактора» (глава IV) я уже отмечал, что в 1890-х годах «Самарская газета» открыто позиционировала себя как издание в том числе и для уфимского читателя, помещая просто громадное количество корреспонденций из Уфы и Уфимской губернии. Но так было не всегда, до постройки железной дороги в 1888 году, соединившей оба города и позволившей оперативно получать самарской редакцией информацию из Уфы (большие по объёму материалы, которые было дорого отправлять телеграфом), а, с другой стороны, быстро доставлять свежие номера подписчикам, в ежедневной «Самарской газете» уфимская информация была весьма скудна.

Так, при объявлении о подписке на «Самарскую газету» в 1886 году вообще ничего не говорилось, что это издание рассчитано на читателей из соседних городов[1]. В маленькой рубрике «иногородная хроника» лишь изредко мелькали заметочки с востока. Для уфимского исследователя газета данного периода интересна лишь информацией о строительстве Самаро-Уфимской магистрали. Причём часто самарские журналюги, под боком у которых велась стройка, сами ничего не знали и пользовались сведениями других изданий. Например, в № 259 было помещено сообщение из «Русских ведомостей», где говорилось, «что железно-дорожные работы быстро подвигаются вперёд. Земляные работы почти все окончены на всей линии от Самары до Уфы. Теперь строятся мосты. На реке Белой спущено уже окончательно два кэсона,

[1] Самарская газета. 1886. 2 марта.

да два спускается. Река Дёма на днях спущена в новое русло. Рабочие поезда ходят на 7–8 вёрст. С 25 числа начинаются городские выборы. Кандидатов на должность городского головы является несколько. Ходят слухи, что прежний голова Волков, намерен отказаться. Насколько верны эти слухи, – не знаем»[1].

Самарская пресса активно пользовалась информацией из разных источников. Например, в феврале 1886 года газета передаёт «два противоречивых известия! "Новое Время" сообщает, что находящийся в Петербурге Путиловский завод взял на себя поставку рельсов, в количестве 767 000 пудов для строющейся самаро-уфимской дороги, с доставкою в Самару по 1 р. 48 к. за пуд, а "Волжский Вестник" уверяет, что временное управление казённых железных дорог, в ведении которого находится постройка самаро-уфимской железной дороги, заключило контракт с князем Белосельским-Белозёрским[2] на изготовление для этой строющейся линии 255 912 пудов стальных рельсов, по 1 р. 51 к. за пуд, всего на сумму 386 327 руб. 51 к. и что рельсы за означенную цену должны быть поставлены князем Белосельским-Белозёрским в течении навигации нынешнего года в гор. Уфу. Кому верить!...»[3] Любопытную заметку находим в № 49: «в Уфе – скандал. На журнал думы о присвоении городскому голове г. Волкову звания почётного гражданина г. Уфы поданы протесты»[4]. Уфимский городской голова Д.С. Волков, любитель истории и один из самых активных сторонников постройки стальной магистрали, тем не менее имел среди уфимской элиты устойчивую оппозицию.

Особое значение имела казанская пресса. Казань, тогда своеобразная культурная столица региона, поддерживала давние и прочные связи с Уфой через речную транспортную систему и в местных газетах очень много появлялось информации из Уфимской губернии. Часто именно казанские газеты выступали в роли своеобразных посредников, именно через них московская и петербургская пресса получала (перепечатывала) новости из Башкирии. Рассмотрим одно казан-

---

[1] Там же. 3 декабря.

[2] К.Э. Белосельский-Белозёрский – владелец Катавских заводов – *М.Р.*

[3] Самарская газета. 1886. 4 февраля.

[4] Там же. 5 марта.

ское издание – «Казанский биржевой листок»[1] на рубеже 1870–1880-х годов.

К 1878 году это была отличная коммерческая газета (редактор-издатель А. Чугунов, с № 20 – А. Миропольский), где помещалась разнообразная информация о торговле в крае, заготовках и вывозе хлеба с уфимских пристаней, речном судоходстве и т. д. Кстати, сравнение этих данных с материалами «Уфимских губернских ведомостей» показывает, что редактор последних, Н.А. Гурвич, не читал соседнюю прессу, откуда можно было брать просто шикарную информацию по бельским и камским пристаням. В 1878–1879 годах «Казанский биржевой листок» оставался чисто коммерческим изданием, другие сведения (местные новости, общественно-политические события и пр.) здесь практически не встречались. Лишь в № 62 была опубликована большая заметка «о пчеловодстве в Закамском крае.

Лет тридцать тому назад Закамский край вообще и Уфимская губерния в особенности славились своим мёдом. Если в количестве медов здешний край отчасти и уступал другим местностям, то по качеству их он справедливо мог занимать одно из первых мест в России. Великолепные, чисто липовые меда Уфимской губернии, как например так называемый Казанчинский мёд, издавна не имели себе соперников по достоинству. Хотя меда из Оренбургских степей имеют также совершенно белый цвет и на вид не уступают здешним, но они не обладают тем необыкновенно приятным, ароматическим вкусом, какой свойствен нашим липовым медам. Без сомнения этому способствовали те благоприятные условия, в которых находилось раньше здешнее пчеловодство. Обилие лесов, отсутствие каких либо стеснений и достаточный надел земель вообще давали удобную почву для развития пчеловодства в нашем крае. Село Казанчи Белебеевского уезда, Уфимской губернии, наприм. пользовалось для своих пчельников огромными лесами соседнего Иштеряков-

---

[1] «Казанский биржевой листок». Общественная, политическая, литературная и коммерческая газета, созданная по инициативе профессора Казанского университета А.К. Чугунова. Выходила в Казани в 1869–1892 годы два раза в неделю (См.: Наследие, достойное изучения: Казанские дореволюционные периодические издания на русском языке (1811–1917) / Сост. Равиль Амирханов // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1999. № 1/2). См. также: Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999.

ского завода. Крестьяне этой местности в прежнее время воздерживались от посева гречи на своих полях, чтобы не повлиять дурно на доброкачественность своих медов, потому что собираемый с гречи мёд красного цвета и примесь его к липовому значительно понижает достоинство продукта. До пятидесятых годов в Иштеряковском заводе было медеплавильное производство, потом фарфоровое и винокуренное; завод и добрые люди не стеснялись нисколько истреблять прекрасные леса и пользовались полной рукой богатствами их. Такая истребительная деятельность привела к тому, что все лучшие липовые леса теперь остались только в воспоминаниях старожилов и на месте их небезуспешно ныне идёт хлебопашество. Постоянная разчистка лесов под пашни из года в год всё суживает район, в котором процветало некогда пчеловодство. Прославленное обилие земель Уфимской губернии также год от году становится сомнительным, что видно частию из того, что крестьянство здешнее ныне, в видах успехов пчеловодства, уже не рискует держаться посевов одних хлебов в ущерб другим. Греча, называвшаяся здесь в прежние годы "дикушей" и бывшая почти в пренебрежении, ныне с устройством крупянок стала равноценна ржи, а иногда и дороже её, всегда же дороже овса; она засевается ныне везде, где только можно надеяться на порядочный её урожай. Поэтому в настоящее время уже немного остаётся таких пчельников, с которых получается чистый липовый мёд. Не редкость ныне встретить пчельники в полях, в лугах и в кустах, где встречается иногда всего каких нибудь две – три чахлых липки. В прежнее время министерство государственных имуществ, поощряя пчеловодство, допускало безплатную постановку ульев с пчёлами в лесах; ныне же десятина леса для пчельника отводится у нас по цене 25 р., каковая сумма для крестьянина не может считаться незначительной. Вследствие этого одного многие из пчельников уничтожились в лесах, а в другой обстановке они, конечно, дают уже совершенно иной продукт»[1].

В следующем 1880 году редактор А. Миропольский продолжал прежнюю стратегию на издание чисто коммерческой газеты, но, видимо, спрос на такую (пусть даже ценную для предпринимателей) прессу был невелик и чтобы окупить за-

[1] Казанский биржевой листок. 1879. 9 августа.

траты редакция постепенно начинает трансформировать «биржевой листок» в обычную общедоступную газету, рассчитанную на массового подписчика, которому нужна «обычная» информация. Видимо, повлияло и закрытие в июле 1879 года казанского конкурента – «Волжского вестника». Редакция сообщала, что подписчики последнего могут получать «Казанский биржевой листок»[1].

С конца 1880 года, наряду с коммерческой информацией, всё чаще стали появляться заметки о жизни региона, в том числе и из Уфы. Анонимный корреспондент извещал в сентябре, что «ещё до 18 начались пожары в городе. Между прочим сгорел один из лучших каменных домов на Большой Успенской улице, только что отстроенный, принадлежащий приказчику купца Мамина, заявившему претензию к страховому обществу на 10000 руб. сер. Дом этот был построен так хорошо, что первый этаж его не пострадал нисколько, во втором-же не прогорели сквозь даже потолки, пострадали только мезонин и второй этаж в тех местах, где было дерево. 22 случилось три пожара одновременно: в Архиерейской Слободке, на Старой Уфе и за Успенской улицею, но убытки ещё не приведены в ясность». Автор отмечал слухи о поджогах, «молва указывает на необычайный наплыв к нам каких то подозрительных личностей, именующих себя "сербиянцами", до крайности нахальных в вытребовании подачек, в чём особенно отличаются "сербиянки"»[2].

В отличие от уфимской казанская пресса позволяет увидеть детали очередного голодного года, наступившего вслед за неурожаем в 1880 году. «В ясную погоду первой половины сентября (5–20 числа) от границ Самарской губернии тянулись в Мензелинский уезд (Уф. губ.) безпрерывные обозы голодающих, сначала под рогожными, потом под холстовыми кибитками, натянутыми на телегах в виде шатров; это – самарские многоземельные крестьяне, пустившиеся на зиму в наши прикамские, непрославившиеся неурожаем, но и не особенно обильные места»[3]. В ноябре «Казанский биржевой листок» перепечатывает сведения газеты «Молва» о голоде уже в самой Уфимской губернии. «По словам корреспонден-

[1] Там же. 1880. 17 января.
[2] Там же. 2 октября.
[3] Там же. 12 октября.

та, особенно страдает угол между р. Дёмой и казанским трактом»[1]. В Уфе ситуацию усугубила нехватка дров, «дрова нынче тоже дороги и в них ощущается большой недостаток, вследствие того, что на берегу р. Белой их затопило и унесло много осенним разливом»[2]. А в следующем номере у казанской газеты появился свой уфимский корреспондент, подписавшийся как «Буква Люди». Он уже в деталях обрисовал положение в городе.

«Дороговизна на хлеб и прочие предметы необходимости заставила нашу городскую думу составить комиссию для выработки таксы, по которой должен будет продаваться хлеб в городе. Что же касается крестьянского населения нашей губернии, то некоторые деревни представляют крайне печальное зрелище в материальном отношении: крестьяне в них нынешний год собрали хлеба так мало, что не только не могли обсеменить полей, но и на своё продовольствие теперь же не имеют ничего и прибегают, вместо хлеба, к разным суррогатам его. В настоящее время ощущается недостаток даже в муке из лебеды, которая сейчас покупается крестьянами на сельских базарах по 80 к. за пуд, да и той, говорят, скоро будет конец. Чем тогда будет питаться крестьянин, что измыслит он в замену лебеды, трудно конечно угадать. Для губернского земского собрания будет не мало хлопот по продовольственному делу, когда на земстве есть уже громадный долг. Заседания собрания впрочем по общему отзыву, идут крайне вяло и скучно даже для гласных, благодаря особенной системе в постановке вопросов и руководстве прениями новоизбранного предводителя дворянства, князя К. Резкие переходы от оттепелей к морозам и наоборот начинают порождать у нас особые болезни: головные боли с переходом в лихорадочное состояние, оканчивающееся иногда смертью, преимущественно молодых людей. Немалое, может быть, оказывает влияние на развитие болезней и постная пища, так как посты у нас в известных классах выполняются строго, а дороговизна породила немало и невольных постников. Картофель и другие суррогаты хлеба находят у нас себе повсеместное применение, особенно первый: недостаточные классы с жадностью ухватились за него, хотя хлеб из него теряет много во

[1] Там же. 9 ноября.
[2] Там же. 11 декабря.

вкусе и питательности. Буква Люди»[1]. На примере этой статьи можно видеть образец так называемой разоблачительной (критической) публицистики. Из под пера «Буква Люди» вышли: голод, суррогаты, земство в долгах и вообще земство неважно работает, плохое руководство князя К. (Кугушева), болезни вплоть до смертных исходов, даже пост (удар по религии) оказался под огнём критики. Ни одного положительного факта!

В конце 1880 года, вслед за развернувшейся в российской печати шумной кампании вокруг расхищения башкирских земель, «Казанский биржевой листок» тоже публикует ряд материалов. В октябре выходит единственная крупная заметка о положении крестьянства, без подписи. «Уфа. Несмотря на обилие земель у нас вообще, население здешнего уезда, особенно бывшие помещичьи крестьяне, сильно стеснено в отношении земельных угодий. Разные кулаки, скупщики земель и арендаторы земель помещичьих и находящихся в опеке эксплуатируют соседнее с ними население самым безпощадным образом. В последнее время наприм. ногаевский волостной писарь Р. арендовал опекунское имение гг. Охлебининых при д. Монтазы и, вместо прежних цен по 4 р. за дес. под пар, сразу объявил 6 р., чем вызвал крайнее неудовольствие и без того до нельзя стеснённых крестьян, желавших арендовать ту же землю по высшей против Р. цене, так как собственный их надел по 3 дес. на душу, не даёт им никакой возможности к прожитку, не только к уплате подушных, казённых, земских и других повинностей. При таком печальном положении дел, крестьян ожидает только накопление недоимок и полнейшее раззорение. Крестьяне эти подали будто бы заявление предводителю дворянства, но чем кончится их ходатайство, не известно; не обратит ли на него внимание ревизия, назначенная над опекой в конце сентября. Ревизия эта вызвана, как говорят, корреспонденциями в разных изданиях о злоупотреблениях по разным имениям, в особенности-же по имению г-жи Матиас. Арендатор имения Матиас мещанин Л.А. так поступает с крестьянами: он не только берёт с крестьян, вместо 7 р., по 11 р. за десятину (сам он 485 дес. арендует за 300 р.), но ещё при этом за каждую десятину требует обязательно штоф водки, не говоря

[1] Там же. 14 декабря.

уже о других поборах и требованиях, для исполнения которых крестьяне бывают вынужденными бросать собственные работы. О всём этом и других злоупотреблениях опекунов подан, говорят, подробный донос губернатору. В Уфе с живейшим интересом следят за ревизией опеки и с нетерпением ждут её результатов, жалея только о том, что Уфимской губернии не коснулась сенаторская ревизия, составляющая в Уфе для многих и многих pia desideria. Интересно кстати заметить, что, отправляясь по имениям, опекуны записывают прогоны до каждого имения непременно от Уфы, хотя-бы эти имения лежали в недальнем разстоянии друг от друга, и хотя они все объезжаются обыкновенно сразу»[1].

Но уже в следующем номере «листок» поместил телеграмму из Санкт-Петербурга, что «ревизия Уфимской губернии возложена на сенатора Ковалевского»[2]. И последнее, казанский бизнес внимательно следил за усилиями уфимцев и самарцев «пробить» железную дорогу через свои города, хотя первоначально планировалось вести магистраль на восток через Казань. В октябре «листок» перепечатывает информацию «Биржевого вестника», что уфимский голова Д.С. Волков представил проект строительства железной дороги от оренбургско-самарской линии до Уфы и на Екатеринбург. Уфимское земство подчёркивало, что этот маршрут не оставит в стороне Южный Урал и «не потребует сооружения двух великих мостов чрез Волгу и Каму», сэкономив казне 15–20 млн руб. Казанская газета делал вывод: «Таким образом, оказывается, что, не смотря на Высочайшее утверждение направления сибирской дороги, противники его не унывают ни мало»[3]. Через несколько лет сладостные иллюзии казанского бизнеса о прокладке через их город стальной магистрали рухнут, сменятся унылыми возгласами об упадке.

В 1881 году в «Казанском биржевом листке» произошли существенные перемены. Сначала газету по прежнему редактировал А. Миропольский (издателем вместе с ним являлся И. Пеньковский), но с № 23 от 19 марта власть поменялась. Издателем (то есть собственником) стал С.А. Гисси (известный казанский предприниматель в газетном деле), редактором-

---

[1] Там же. 23 октября.
[2] Там же. 26 октября.
[3] Там же. 30 октября.

издателем был назначен Д.А. Соколовский, которые в ещё большей степени взяли курс на превращение газеты из коммерческой в общедоступную.

Информация из соседней Уфимской губернии (исключая «нейтральную» коммерческую) подаётся исключительно в негативном свете. Главной темой казанской газеты стал голод. В первом же номере за 1881 год некий М.П. сообщал, что в Ирехтинской волости Мензелинского уезда население голодает, участковый врач Черемшанский на свои деньги купил хлеб, поднял тревогу среди местной общественности[1]. Через пару номеров «Буква Люди» продолжает свою чёрную летопись из Уфы. «Результаты нашей голодовки теперь выяснились и разрешились эпидемией: в городе свирепствует пятнистый тиф уже унёсший немало жертв. Главным разсадником и питомником эпидемии являются Старая Уфа, Золотуха и Архиерейская слобода, т. е. места, где по преимуществу живёт беднота, вынужденная питаться чем Бог послал и терпеть всевозможные лишения. Больные тифом удалены из городской больницы в особое помещение при богоугодных заведениях, но к сожалению помещение это крайне тесно и недостаточно, и совершенно не приспособлено к эпидемическим больным. Трудно передать, что говорят по поводу этого помещения и эпидемии, которая застала нас совершенно неприготовлеными. Усилия врачей, как бы ни были громадны и энергичны сами по себе, оказываются ничтожными в сравнении с громадным числом жертв; земству и думе, конечно, следует немедленно позаботиться о принятии более целесообразных мер для успешной борьбы с страшным врагом. Совет врачей видит причину эпидемии в плохом питании и холодах. Дороговизна решительно на все припасы заставила наше городское общественное управление открыть 2 склада, из которых и продают хлеб по уменьшенной цене, но это, конечно, капля в море, и следует непременно измыслить что либо более серьёзное для успеха дела. Буква Люди»[2].

В периодической печати положительная информация исчезает со страниц – доминирует критика и в этот же период в русской журналистике начинается расцвет юмористических изданий. Если официоз почти не замечал бедственного

---

[1] Там же. 1881. 1 января.

[2] Там же. 11 января.

положения населения (например, за этот год в «Уфимских губернских ведомостях» редактора Н.А. Гурвича тема голода еле была слышна), то либеральствующая пресса специализировалась на критике и подцензурном высмеивании. «Буква Люди» во второй своей заметке упоминает об усилиях врачей и городских властей, которых, конечно, недостаточно. Автор дважды упоминает слово «следует» – журналист (прикрывшись анонимностью) уже считает возможным требовать чего то, воспринимает себя как рупор общественного мнения, правда, не предлагая ничего конкретного, власть должна «измыслить что либо более серьёзное».

В «Казанском биржевом листке» информация из Уфимской губернии появляется регулярно – в № 5, 6, 7, 8, 10, 11, 16, хотя в основном коммерческого характера. Газета замечает, что в 1880 году в Казани не получали ни одного номера «Уфимских губернских ведомостей»[1]. Уфимская пресса никого в Казани не интересовала, тогда как казанское издание рассчитывало на читателей из Уфы, и не только из мира бизнеса. «Казанский биржевой листок» в 1881 году стал брать на себя функции своеобразной «оппозиционной» уфимской прессы, здесь помещалась информация критического, разоблачительного характера, которую на пушечный выстрел не подпускал в «Уфимских губернских ведомостях» редактор Н.А. Гурвич. Этим казанская редакция завоёвывала уфимский читательский рынок, приобретала дополнительных подписчиков. В 1890-е годы по этому пути пойдёт «Самарская газета» (см. вторую часть трилогии: книжку «Судьба редактора»). Здесь нужно обратить внимание на значение местной цензуры, тесно связанной с региональными элитами. Если редактор Н.А. Гурвич и уфимский цензор не могли позволить критиковать какого нибудь уважаемого «Фёдора Абдрахмановича», с которым они по пятницам играли в преферанс, то для далёкого казанского или самарского цензора эта фамилия ничего не говорила, никаких интересов не затрагивала и он со спокойной совестью пропускал критический материал, прекрасно понимая, что «на верху», в Санкт-Петербурге глав-

[1] Там же. 22 февраля.

ному цензурному начальству мелкий уфимский «шишка» тем более не интересен[1].

Поэтому именно в прессе соседних регионов встречается масса интересных, остросюжетных, пикантных подробностей из жизни Уфы и губернии, которые в принципе не могли появиться на страницах единственной уфимской газеты. В этом и отличие провинциальной (из соседних регионов) прессы от петербургской, для которой всё таки частности не интересны, если это не жуткий криминал или какая нибудь башкирская экзотика. В газетах близлежащих губернских центров сообщались детали, чрезвычайно важные для исследователя.

А Уфимская губерния к 1881 году приобрела стойкий негативный имидж в российском общественном мнении из-за расхищения башкирских земель и «Казанский биржевой листок» не отставал от конкурентов. Февраля 15-го числа корреспондент «листка» сообщал из Уфы: «Здесь теперь все и всюду толкуют о сенаторской ревизии; присутственные места подтянулись в струнку. В город со всех концов стекаются обездоленные башкиры, тептяри, припущенники и прочий обобранный и голодный люд, в надежде найти правду у сенатора. В *Газете Гатцука*[2] сообщалось, что "уповающие на благости сенаторские башкиры жгут достояние частных землевладельцев". Но бывши там лично, я убедился, что в крае совершенно спокойно и приведённое известие не больше как вздор. Заметно лишь некоторое оживление в поселянах, но они ждут спокойно и с уверенностью в лучшем будущем, благословляя имя г. Добротворского, которого считают виновником раскрытия угнетавшего их зла. Поговаривают в городе об отобрании земель, расхищенных сильными мира. Однако

---

[1] К примеру, когда имевший огромную известность столичный журналист Влас Дорошевич, специализировавшийся на развенчании пороков и язв общества, в 1890-е годы уехал в Одессу и стал сотрудником «Одесского листка», его первая же попытка «обелить нравы» одесского начальства закончилась плачевно. Редактора-издателя и журналиста вызвал градоначальник и запретил критиковать должностных лиц (*Летенков Э.В.* Указ. соч. С. 150–151). Что было позволительно в московской и петербургской прессе категорически не допускалось в провинции.

[2] «Газета А. Гатцука» (выходила в 1875–1890 годы, с перерывами), одна из еженедельных газет «буржуазно-либерального толка», рассчитанная на массового читателя. В разгар шумихи вокруг расхищения башкирских земель в погоне за сенсациями в «жёлтой прессе» публиковались всякие сплетни – *М.Р.*

мы хорошо помним пословицу: "суд да дело собака съела", а потому мало верим всем розсказням о грядущих будто бы благах; хотелось бы только надеяться, что будет же положен предел дальнейшим расхищениям земель и лесов, столь дорогих для здешнего края и столь полезных для всей страны. Но и эти упования наши, само собою, в руце Божией... М.П.»[1] Казанская редакция направила в Уфу своего корреспондента («М.П.», он и раньше печатался в рубрике «Из-за Камы»), чтобы на месте выяснить обстановку.

Затем в «листке» появляется ещё несколько заметок на самую острую в российской журналистике тему. Уже уфимский корреспондент сообщал 3 марта: «Сенаторская ревизия у нас началась и идёт очень деятельно по всем частям управления. Сам сенатор Ковалевский, квартирующий в д. купца Полетаева на базарной площади, в приёмные часы буквально осаждается просителями; целые сотни русских и башкир теснятся и гудят на дворе сенаторской квартиры; 6 чел. полицейских у входа в квартиру едва сдерживают напор толпы. Инородцы с одним прошением являются человек по 30; в начале они подавали прошения, падая на колена и держа бумагу над головой; многие из них добиваются взглянуть на этого "царского чиновника".

Сегодня утром пришла к нам печальная телеграмма из Петербурга[2]. В полдень совершена была в соборе панихида и принесена верноподданическая присяга как в соборе, так и во всех приходских церквах»[3]. Через неделю весьма информированный уфимский собкор добавлял: «Уфа, 11 марта. Несколько проходит паника, охватившая перед сенаторской ревизией местных заправил, не на шутку перепугавшихся, потому что многие из них не могли отрицать, что их рыльце не в пушку... Много толковалось, как бы смягчить грозу ревизии; предлагалось, напр., устроить сенатору торжественную встречу с обедами, обильными возлияниями и пр.; нашлись и такие, которые, меряя всех на собственный аршин, советовали поразведать; – "не возьмёт ли земелькой?"... Конечно, им пришлось жестоко разочароваться. Результаты ревизии ещё не известны, но присутственные места деятельно

---

[1] Казанский биржевой листок. 1881. 26 февраля.
[2] Об убийстве императора Александра II – *М.Р.*
[3] Казанский биржевой листок. 1881. 12 марта.

готовят планы и тексты к ним для выяснения бывшего и настоящего положения земель Уфимской губернии; этим пока и ограничивается деятельность специальной комиссии. На днях распространился слух, что печальное известие о кончине Государя приостановит ревизию и что даже сам сенатор 15 числа уезжает в Оренбург, а оттуда прямо в Петербург. Жаль очень, если этот слух осуществится, потому что затянется, таким образом, и – пожалуй надолго – изследование безвыходного положения крестьян, которые нуждаются в безотлагательной помощи и немедленном удовлетворении своих законных прав»[1]. Живописные подробности сенаторской ревизии в Уфе могли появиться только в свободной от влияния местных (уфимских) элит посторонней прессе, как, например, в «Казанском биржевом листке».

Именно в этой газете находим ещё один очень важный материал. Наследием публицистики тех времён стала аксиома в советской и современной (башкортостанской) историографии о расхищении башкирских земель как незаконных, неправовых актах. Но многоземельные башкиры-вотчинники проживали и в соседних губерниях, где земля была размежёвана, юридически оформлена в собственность, но при этом там тоже происходила массовая распродажа, уже на законных основаниях, башкирами своих владений. Собкор «листка» сообщал из Бугульмы (Самарской губернии) 9 апреля 1881 года (приводим только начало большой статьи): «Контора бугульминского нотариуса чуть не ежедневно полна подгулявшими башкирами, совершающими с местными купцами, чиновниками и прочим предприимчивым людом всякого рода акты, окончательным результатом которых должны быть купчие крепости на несколько сотен, а иногда и тысяч десятин дешёвой земли. Здесь теперь только и разговора, что об этих покупках. Покупают башкирскую землю все, у кого хоть сколько нибудь есть свободных денег или имеется доступ в общественный банк, и покупают исключительно только для лёгкой и быстрой наживы, в разсчёте на безземье мужика. На сколько мне известно из самых верных источников, покупка совершается около четырёх рублей за десятину и комбинируется двумя различными способами: либо прямо заторговывается на сельской сходке башкир известное количество

[1] Там же. 22 марта.

десятин, либо скупаются души. Последний способ, как наивыгоднейший для покупателя, теперь в наибольшем употреблении. Способ этот заключается в том, что предприимчивый человек является в облюбованную башкирскую деревню и объявляет, что он приехал "земляные души" покупать. Собирается, под председательством "каштанов" (по русски – "мироедов"), беднейшая часть населения деревни и начинается "галденье", т. е. ряда, во время которой "каштаны" берут очень крупные взятки с покупателя, а народ, "для приятельства", получает от него осьмушки кирпичного чая и водку. Без спаиванья и подкупов, как известно, никакое дело в деревнях не делается, а при покупке земель у башкир эти "подвохи" практикуются в самых непозволительных размерах. "Галдят", т. е. рядятся иногда два – три дня сряду и, наконец, к взаимному удовольствию, кончают ряду тем, что покупатель должен выдать на душу рублей около тридцать, или около двух рублей на десятину, с тем условием, чтобы покупатель же уплатил и податные недоимки за продавцёв, которых причитается тоже около рубля за купленную десятину. Нужно объяснить, что башкиры имеют право продать только ту землю, которая осталась излишней за наделом пятнадцатью десятинами на душу, а такого излишка оказывается на душу от 20 до 40 десятин, так что всего может быть продано ими только в бугульминском уезде более 50 тыс. десятин. И земли эти одни из самых благодатных, большею частью ещё не тронутых сохою…

Когда ряда между башкирцами и покупателем их земли закончена во всех подробностях, составляется два сельских приговора: один – уполномочивающий нескольких однообщественников на заём денег под вексель, другой – постановляющий самую продажу земли. С приговорами, конвоируемые покупателем, "уполномоченные" едут в город, прямо к нотариусу, где и завершается сделка, т. е. выдаются деньги, получается приговор о продаже и вексель, гарантирующий покупателя от всякого риска до совершения купчей крепости и ввода во владение. По предъявлении приговора и не задерживая дела, член присутствия по крестьянским делам делает поверку, после чего покупщику остаётся только послать приговор, с прочими относящимися к делу документами, в окружной суд и через месяц – земский список крупных землевладельцев увеличивается новым членом, чаще всего из

породы гг. Колупаевых...»[1] Вот таким образом, совершенно законно и с полного согласия самих башкир-вотчинников осуществлялась продажа земли.

«Казанский биржевой листок» ещё не раз обращался к теме расхищения башкирских владений. Так, в № 33 он перепечатал материал из «Правительственного вестника», где говорилось, что после ряда публикаций в газетах «Голос», «Новости», «Новое время» и других бывший управляющий министерством государственных имуществ князь Ливен обратился к царю с просьбой вернуть полученный им участок в казну, «на приём его уже воспоследовало Высочайшее соизволение». Также жена товарища министра государственных имуществ Е.Д. Куломзина, которая получила два участка в Бирском уезде (всего 2148 дес.), ходатайствовала о возврате их в казну. Ей вернули уплаченные 3000 рублей, а землю приняли в госсобственность[2].

Изучение казанской прессы подтверждает моё предположение о причинах появления обличительной статьи Н.В. Ремезова про редактора «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвича[3] (среди сотен лиц, получивших «льготные» участки из башкирских земель, Ремезов почему то остановился именно на нём). Дело в том, что наш «разгребатель грязи» публиковался в газете Гурвича, который близко не подпускал «крамолу» о пресловутом расхищении башкирских земель, и одновременно в Казани печатал свои будущие очерки «дикой башкирии». В 1881 и 1882 годах в Уфе в консервативных гурвичевских «ведомостях» выходят замечательные этнографические работы Николая Васильевича Ремезова. Одновременно в № 83 «Казанского биржевого листка» за 18 октября 1881 года «некий» аноним, прикрывшийся псевдонимом «Певцов», размещает первый очерк о расхищении башкирских земель (про Корнилу Аверьяновича Морозова, полное текстуальное совпадение с книгой Ремезова). И пошло, поехало. В № 98 за 10 декабря читатель видит уже третий очерк (про купцов Петровых), в 1882 году печатаются «певцовские» очерки четвёртый (7 февраля), пятый (25 февраля, про Бунакова) и т. д. И в то же время до самого декабря 1883

---

[1] Там же. 19 апреля.
[2] Там же. 26 апреля.
[3] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. С. 39–41.

года Н.В. Ремезов с удовольствием публикуется у одного из тех самых «расхитителей», которых он страстно, но анонимно обличал и развенчивал. Как уже известно, редактор «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвич казанский «листок» регулярно не читал (это видно из сравнения коммерческой информации) и лишь к началу 1884 года, по всей видимости, догадался, что один из его авторов живёт двойной жизнью. В Уфе – милейший и симпатичный этнограф, любитель русской старины, в Казани – страстный обличитель общественных язв и пороков[1]. Можно с большой долей уверенности предположить, что между Гурвичем и Ремезовым состоялось бурное объяснение, что ж ты меня, пас..да, подставляешь, ведь губернские власти могут за такое по шее дать и из редакторов выгнать – так или примерно так выражался в тот момент не очень интеллигентный Николай Александрович Гурвич. Получив под зад, обиженный Николай Васильевич Ремезов отомстил уфимскому редактору, включив во второе издание книги (1889 год) злобную статью про Гурвича под лихим заголовком из бурлацко-разбойничьей жизни «Сарынь на кичку!» Любопытно, что среди названий ремезовских статей про расхитителей, часто хлёстких и жёстких, больше ни разу не использован народный фольклор. Это намекает, что «фольклорист несчастный» узнал про себя от Гурвича много интересного. А «Казанский биржевой листок» в 1882 году под руководством Гисси и Соколовского эволюционировал в общедоступную газету, появился большой художественный «подвал», где, кстати, и помещался Ремезов, и, видимо, в 1880-е годы казанский «листок» выполнял функцию «второй уфимской оппозиционной» газеты, из которой жители Уфы узнавали о скандалах, разоблачениях, тёмной стороне местной действительности, про что напрочь молчали официозные «Уфимские губернские ведомости» (в 1890-е годы эту функцию возьмёт на себя самарская пресса).

---

[1] Впрочем, подобная практика сотрудничества в разных, противоположных по общественной позиции, изданиях не являлась чем то исключительным. Например, публицист В. Розанов «одновременно работал и в "Русском слове", по мнению буржуазной интеллигенции, "ярко революционном", и в реакционном "Новом времени". В первом под именем Варварина В. Розанов проявлял себя в качестве смелого и бесстрашного вольнодумца, а во втором уже под своей фамилией – в качестве рьяного реакционера» (*Летенков Э.В.* Указ. соч. С. 72).

В периодике соседних регионов можно найти самые неожиданные сюжеты, связанные с Башкирией. В городе Уральске – столице славного Уральского казачьего войска, приравненного по административно-территориальному делению империи к губернии, тоже выходили свои «Уральские войсковые ведомости»[1]. Еженедельно по воскресеньям редактор П. Корин в 1878 и 1879 годах выпускал скучную казённую газетку, где неофициальный отдел состоял из небольших объявлений, происшествий и прочего. Иногда неофициальный отдел вообще не печатался. Так продолжалось до осени 1880 года, пока в Уральск по заданию оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского, собиравшегося издать историю Оренбуржья, для сбора материалов не приехал нам хорошо знакомый Руф Гаврилович Игнатьев[2]. И началось...

В № 39 за 1880 год выходят сразу две работы Р.Г. Игнатьева: небольшая статья «Театр в Уральске» и краткая информационная заметка «О сообщении сведений по истории Оренбургского края»[3]. Затем, необыкновенно быстро собрав данные по местной истории, Р. Игнатьев выпускает один из своих знаменитых сериалов «Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского, в Уральске»[4]. Последняя работа Р.Г. Игнатьева в уральской газете вышла в ноябре 1883 года, но, самое главное, неугомонный Руф Гаврилович вызвал настоящий переворот в местной прессе. Вслед за ним в «войсковые ведомости» буквально хлынул поток различной интересной и важной информации. Местная пишущая братия увидела пример и завалила «ведомости» заметками о начале пароходства на реке Урал, о сборе и проводах на службу казаков, Ф. Коновалов оставил любопытное описание Гурьева – «Кто в Гурьеве не бывал, тот и комаров не видал» (№ 34)... Газету просто не узнать, из тоскливого официоза вырос изумительный цветок. Сменившаяся редакция публикует материалы по истории края (например, Н. Бородин выпустил «Об-

---

[1] «Уральские войсковые ведомости» – официальный орган Уральского казачьего войска, издавались с 1867 по 1917 годы (Русская периодическая печать. С. 503; см. также: *Белый А.И.* Полузабытая газета // Пятые уральские бирюковские чтения. Челябинск, 1980. С. 74–76).

[2] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. С. 30.

[3] Уральские войсковые ведомости. 1880. 5 октября.

[4] Там же. 2, 9, 23, 30 ноября.

зор литературы об Уральском казачьем войске» в № 13 за 1883 год), о природе («Царство животных в кульджинском крае» в № 1 за 1883 год) и очень много предоставлялось места литераторам. Выходят стихи Александра Любимова «Река Урал» (№ 47 за 1881 год), другие произведения, а ведущее место занял поэт-самоучка Н.Ф. Савичев. Из номера в номер читатель получал огромные стихи, в которых автор излагал историю Уральского (ранее Яицкого) казачьего войска. Руф Гаврилович Игнатьев недолго пробыл в Уральске, но и после его отъезда культурный подъём продолжался.

Поэт из казаков Н.Ф. Савичев умер в конце 1885 года. Газета поместила обширный некролог: «28 минувшего Ноября мы лишились уважаемого всеми казаками – Уральцами поэта и вместе с тем историка Уральского казачьего войска. В этот день после тяжкой и продолжительной болезни скончался уволенный от службы войсковой старшина Никита Фёдорович Савичев.

Смерть свела его в могилу на 65 году скромного его существования.

Никита Фёдорович Савичев происходил из казачьих детей Уральского войска; будучи 19-ти летним юношей, он окончил курс наук в Уральском войсковом училище, откуда поступил в службу урядником в ряды нашего славного казачества в 1839 году. В продолжение своей службы он некоторое время провёл при письмоводстве по внутреннему войсковому управлению, но более служба его протекала в строевых казачьих частях; в 1840 году он находился в походах и сражениях в киргизской степи, за Уралом». В 1870 году в чине есаула «по домашним обстоятельствам» Савичев оставил службу и был уволен в отставку войсковым старшиной. В многочисленных стихах и прозе он создавал картины жизни уральских казаков, добывая «материалы отчасти из казачьей старины на Яике, отчасти в Войсковом архиве»[1].

Среди его большого творческого наследия я неожиданно обнаружил сюжет о попытке башкир овладеть Яицким городком. Пройти мимо этих красочных, увлекательных стихов было просто невозможно. В поэме Н.Ф. Савичев не указывает никаких конкретных исторических деталей и хронологии. Судя по тексту речь идёт о каком то предании (или он нашёл

[1] Там же. 1885. 8 декабря.

документы в архиве) очень далёком, восходящем к первопоселению яицких казаков. По мнению большинства историков казачья община на Яике появилась в XVII веке. С точки зрения Н.М. Карамзина около 600–700 волжских казаков поселились на берегу реки Яик, возвели городок «и сделались ужасом ногаев, в особенности князя Уруса… который непрестанно жаловался царю на их разбои». В литературе высказывались разные версии местонахождения первого казачьего городка. К.И. Железнов и В.Н. Витевский считали, что первым местом поселения казаков было «Голубое городище (Кош-Яик), которое по их мнению, возникло в двух десятках вёрст ниже впадения в Урал р. Илек. Городок неоднократно переносился с места на место. Пока он не оказался у места впадения р. Чаган в Яик». Известно о неоднократных столкновениях уральских казаков с башкирами, казачьи отряды участвовали в подавлении башкирских восстаний XVII века[1]. Возможно, о тёх далёких временах и говорит Н.Ф. Савичев, фрагмент из произведения которого приводится ниже.

Н. Савичев

«Эпизоды из жизни уральских казаков» (отрывок)

«…День вечерел. Над Кош-Яиком
Стоял на вышке часовой,
Глядя в степную даль. Вдруг с криком,
Махая правою рукой,
Он знать давал, что видит что-то.
Сдержалось тотчас всё кругом –
Безделье праздное, работа,
Разгула праздного содом.
Но видна только пыль густая –
Клубится, к облакам взлетая;
Но что скрывается в пыли,
Никто не видит издали.
Бегут все к вышке. "Что такое?
Уж не башкиры-ли опять?!"
– "Быть может, только больше вдвое,
Чем прежде, движется к нам рать," –

[1] *Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара – Челябинск, 2008. С. 20, 23.

Ответ толпе был часового.
И больше не сказав ни слова,
Тотчас разсыпался народ
И в торопливости метался:
Кто за оружие берётся,
Кто свой домашний скарб несёт
С слободки в стены крепостные,
И с берегов домашний скот
Сгоняют к крепости иные.
Но скоро стихла суета;
По установленному строю
Все заняли свои места,
И все уже готовы к бою.
Вот масса движется густая,
Как в перелёте саранча,
Стальными копьями сверкая,
Кривыми саблями стуча;
Луки тугие за плечами,
Колчаны полные стрелами, –
Башкир свирепая орда
Идёт как полая вода,
Напоминая те народы,
Что из покинутой земли
Свершали грозные походы,
Европу грабили и жгли…

Башкиры в сборище великом
Уже стоят пред Кош-Яиком,
И их последний к цели шаг –
На этот город нападенье
Остановил вечерний мрак.
Но их ласкало убежденье,
Что город завтра будет взят,
Падёт от мести их кровавой,
И все с добычей и со славой
Они воротятся назад.

Раскинут лагерь их широко;
Огни пылающих костров
Идут по берегу далёко;
Над ними тысячи котлов

Кипят ключом, а в них варится
Коневье мясо, и глядят
Башкиры, как котлы кипят,
И алчностью горят их лица:
Коневины любимый вид
В них раздражает аппетит. –
Окончился весёлый ужин,
Но никого не клонит сон
И не покой башкирам нужен, –
Теперь домбры дву-струнной звон
И заунывное жужжанье
С артистом вместо чебызги[1] –
Степному ветру подражанье –
Им в час веселья дороги.
Кумыс сердца их оживляет
И веселиться заставляет,
Как бы они пришли на пир
И принесли с собою мир, –
Перед врагом пируют смело
В надежде скоро кончить дело,
Считая за успех в бою
Лишь многочисленность свою.

Настало утро золотое
И первый солнца луч блеснул.
Как пчёл жужжание глухое
Уж в лагере носился гул.
Начальник армии башкирской –
Свирепый вид, рост богатырский –
На жеребца гнедого сел
И битву начинать велел.
Вдруг огласился воздух криком,
Как громом; туча стрел
Обрушилась над Кош-Яиком.
Но это был лишь первый знак
Вражды кровавой, объявленье
Начала грозного сраженья:

---

[1] «Дудка из ствола того растения. Башкирские музыканты, чебызгичи, играя на чебызге, в то же самое время акомпанируют ей горловыми звуками, похожими на гуденье» – примечание *Н.Ф. Савичева.*

Чтоб знал, с кем будет биться, враг.
Но враг их огненным приветом
Не удостоил, и одна
Таинственная тишина
На вызов их была ответом.
Тогда начальник приказал
Под казаков подплыть плотами…
И лес окрестный застонал
И затрещал под топорами.
Работа кончена и вот
Плывёт башкирский грозный флот.
Но он построен не искусно
И связан лыком, в торопях,
Людьми заставлен слишком грузно,
И эти люди как в цепях
Лишились вольного движенья.
Ошибку поняли тогда,
Как плот один терпел крушенье,
Другие быстрая вода
Несла в неверном направленьи,
И ими справить не могли;
Иные сели на мели…
Смущённое недоуменье,
Безсилье в крайности, смятенье
Башкир к погибели вели…
Вот тут то казаки открыли
Огонь убийственный по них!..
Тут страшные картины были,
Но рисовать не будем их,
Лишь скажем только: в битве той,
Кого не поражали пули,
Те иль бежали, иль тонули,
Похоронённые волной, –
И тем окончилось сраженье.
Но заключён ли честный мир?
Нет – роковое пораженье
Не образумило башкир.
В них поражения тревога
Прошла; Чтоб драться вновь –
Их оставалось слишком много,
И кровью отплатить за кровь –

В них было сильно озлобленье
И с ним кипело чувство мщенья.
Надежда – завтра победить,
Пятно безславья кровью смыть
Влекло их в новое сраженье.
Опять в их лагере огни,
Но скоро скрылися они;
Нет песен, музыки и шуму;
Наверно лагерь думал думу,
Считая страшный свой урон
В друзьях, в родных; но утомленье
И от работ, и от сраженья
Его повергло в крепкий сон.

В убитых, раненых урона
Не потерпели казаки:
Легка была их оборона
При верной помощи реки.
Заметив днём приготовленье
Башкир, чтоб дать ещё сраженье –
Решились их предупредить
И окончательно разбить.
Они уверенности полны,
Что тёмной ночью, через волны
Башкиры к ним не поплывут:
Тяжёл ленивцам этот труд.
Лишь только в небе потемнело,
Как казаки взялись за дело:
В домах, на площади они
Зажгли весёлые огни
И город ярко осветили,
Потом и ужин заварили,
И окружая огоньки,
Запели песни казаки,
Как будто празднуя победу,
А не задуманный обман.
Вдали, в потёмках атаман
Со стариками вёл беседу,
Как стан башкирский *разбудить*
И пробуждённых истребить.
А неприятель издалёка,

Смотря на радость казаков,
Считал на завтра жертвой рока
Своих недремлющих врагов, –
И тем смягчив свою досаду,
Он с сладкой негой ощутил
Потребность обновленья сил,
И сон, за тяжкий труд награду,
Под веяньем ночным вкусил.

Огни казачьи всё горели,
Хотя уж было за полночь,
И песни казаки всё пели,
Не уставая, во всю мочь.
Меж тем давно уж атаман
И казаки с ним в лодки сели,
Чтоб выполнить свой страшный план.
В молчаньи, в тишине глубокой
И не сближаясь, вдоль реки
Плывут не слышно казаки.
Уже к расщелине широкой,
Размытой вешнею водой,
Зиявшей чёрной темнотой,
Они пристали осторожно.
В ночь роковую казакам
Успех был в том, чтоб как возможно
Пристать без шума к берегам.
В овраге шепчут меж собою,
Как лучше к делу приступить
И чтобы меньшею ценою
Победу верную купить.
Чтоб выведать удобства к бою,
Два казака вперёд идут
И, споря с тишиной ночною,
Они, едва дыша, ползут. –
Их молодцов недолго ждали,
Они вернулись и сказали,
Что лагерь как убитый спит;
Ни одного нет часового;
Табун коней вблизи стоит
И что труда нет никакого
Разбить оплошных, "и не грех
За глупость перебить их всех".

Окончено распоряженье;
Но казаки, чтобы скрыть движенье,
Едва касаясь до земли,
Тремя отрядами пошли.
Обязанность была на первом:
Табун к рукам своим прибрать
И вместе с тем служить резервом,
И приказанья ожидать;
Второй отряд, что посильнее,
В котором был сам атаман,
Степного вихоря быстрее
Ударить должен был на стан;
Последнему начать вторженье
С другой, противной стороны…
Ни моря бурного стремленье,
Ни шум клокочущей волны
Изобразить того не в силе,
Как в лагерь вторглись казаки
И смерть повсюду разносили.
От разгулявшейся руки,
Души, в то время кровожадной,
От сабли острой, беспощадной
Всё повергалось в смертный страх
И падало на землю в прах.
Так, если в темноте, в смятеньи
Проснуться кто ещё успел –
Врага увидев, цепенел
И в этом кратком замедленьи
Он защищаться уж не мог
И поражённый падал с ног,
Не успевая о пощаде
Врага жесткого молить.
Кто в ратоборство мог вступить,
Тот меж врагами, как в ограде,
Стеснённый, сбитый погибал.
Тут не могло быть обороны,
Тут сонный и не сонный – пал.
Какие были крики, стоны…
Никто б их в жизни не слыхал!..
Иные к коням побежали, –
Спастись от гибели на них,

Но там их также поражали
И этих тот же рок постиг».

Но в битве погиб казачий атаман.

«А он в предсмертной тошноте –
Победы жертва дорогая –
Лежал простёртый на хребте
С стрелой башкирской в животе,
Как искра в пепле догорая»

А потом

«На острове, нам неизвестном,
Зарыли друга и отца
И атамана – молодца
С обрядом грустным и "почестным"
Те удалые казаки,
Что в песнях славят старики»…[1]

[1] Уральские войсковые ведомости. 1885. 24 февраля, 24 марта.

Заключение

Это последняя часть трилогии о судьбах уфимской прессы XIX века, её первого, начального этапа истории. Единственная на протяжении целого столетия газета – "Оренбургские губернские ведомости" (с 1865 года – Уфимские) начала издаваться в Уфе, гражданской столице края, с 1838 года (официальная часть). В 1844 году появилось прибавление – часть неофициальная, которая фактически и явилась первым периодическим изданием. Сначала (по июнь 1845 года) они выходили без подписи, хотя Р.Г. Игнатьев утверждал, что в 1844 году "первым редактором и учредителем неофициального отдела был Правитель Канцелярии Губернатора Павел Ильич Маслов"[1]. Блистательные эпохи редакторов И.П. Сосфенова, П.Н. Чоглокова и Н.А. Гурвича, усердные труды В.В. Завьялова оставили богатейшее наследие, без изучения которого невозможно воссоздать объективную, максимально достоверную картину истории Уфы и Башкирии в XIX столетии. Но во второй половине века местные жители во всё возраставшем количестве начали выписывать иногороднюю прессу, которая являлась своеобразным альтернативным источником информации. В различных масштабах "внешняя" пресса освещала ситуацию в Уфимской губернии, и необходимо в научных исследованиях привлекать и этот материал.

Когда со второй половины XIX века началось формирование предпосылок будущего информационного общества, газеты стали самой главной частью средств массовой информации, оттеснив журналы, книги и личную переписку, не говоря уже о первых технических достижениях – телефоне и телеграфе, в снабжении широких масс (грамотной публики)

---

[1] *Игнатьев Р.Г.* Хроника достопамятных событий Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1883. Отдел II. С. XXII.

новейшей информацией. С этого времени, ***образ*** страны, региона, города, правителя, общественного деятеля, коммерческой структуры, социальной, национальной, конфессиональной группы населения и т. д. и т. п. во многом, если не в решающей степени, зависел от журналистского сообщества, которое не случайно назовут четвёртой властью. Так, возникший в западных СМИ к середине XIX века, в николаевскую эпоху образ «жандарма» Европы, «тюрьмы народов» до сих пор несмываемым клише висит над Россией, вспомним конфликт в Южной Осетии в 2008 г.

Не так ярко и эффектно, но в принципе аналогично складывался образ регионов: Петербург – «культурная столица», Нижний Новгород – «карман России», Урал – становой хребет, опора страны, Сибирь – «матушка», Урюпинск – без комментариев. Возникший по тем или иным причинам образ / имидж региона приклеивался на долгие времена и избавиться от него было трудно. Выделившаяся в 1865 году из прежнего обширного социокультурного пространства «Оренбургского края» новая Уфимская губерния в массовой культурной традиции собственно говоря ещё не имела никакого образа – какая то глухомань где то на востоке. Даже в соседних городах – Самаре и Казани – сначала наблюдался минимальный интерес к Уфе.

Первый общероссийский «образ» Уфимской губернии / Уфы возник на рубеже 1870–1880-х годов и был глубоко негативным. Летом 1880 года на всю страну разразился шумный скандал. Ведущие газеты Москвы и Петербурга, «жёлтая пресса», провинциальная печать из номера в номер давали материал о расхищении башкирских земель. Уфимская губерния и Башкирия стали символом беззаконий, злоупотреблений, коррупции, в которой погрязла высшая администрация, обмана и жульничества над народом. И этот образ оказался чрезвычайно устойчивым, что показывает художественная литература. Вслед за публицистическими статьями П.И. Добротворского, уже после прекращения расхищения башкирских земель циклом разоблачительных публикаций в 1880-е годы разразился Н.В. Ремезов. Через двадцать лет после событий, которые казалось бы должны были все забыть, А.М. Фёдоров в 1897 году выпускает свой роман на этот же сюжет «Степь сказалась». В начале XX века к «башкирской

теме» обратится Н.А. Крашенинников[1]. В российском читательском сообществе сохранялся «спрос» на разоблачения махинаций с башкирскими землями.

В условиях всё нараставшей грамотности населения и появления недорогих общедоступных газет (потребителями книг и журналов оставались в основном высшие классы) начинает складывается сложное, многоярусное информационное общество[2]. Не только разные индивиды, но и разные социальные группы начинают жить в параллельных мирах, воспринимая не только различающиеся оценки одних и тех же событий (иногда диаметрально противоположные), но даже подборка фактов в каждом таком информационном «поле» может быть абсолютно иной. Степень различия между информационными полями достигает принципиальных, просто гигантских величин, доходя до основ морали и мировосприятия. Можно убить прогуливающегося человека? А если это царь? Достигшая расцвета в начале XXI века, в современном компьютеризированном мире информационная расколотость общества, когда посмотрев официоз по TV, следом по инету читаешь компромат на самодовольного отца нации, истоки берёт в уже далёком XIX веке.

Изложенный в этой книжке материал показывает существование параллельных информационных полей / миров в России 1870–1880-х годов. Пронародническому читателю газеты «Северный вестник» хочется страданий угнетённого народа-кормильца, бедненького мужичка; подписчика солидных «Санкт-Петербургских ведомостей» интересуют глобальные проблемы миропорядка; в газете «Голос» материал рассчитан на средний городской класс, который читает прессу на удобном диване после жареной курочки, надо беречь пищеварение подписчика; в газете «Свет» редактор В.В. Комаров по сути реализовал проект всеобщей прессы, которая (и за недорого) снабжает потребителя абсолютно всем – от художественных произведений до новостей и любовных скандалов. Подобное СМИ как бы совмещало в одном лице и журнал, и книгу, и газету, как современное телевидение.

---

[1] См.: История Башкортостана во второй половине XIX – начала XX века. Т. II. Уфа, 2007. С. 271–274.

[2] См.: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; др.

И каждое такое информационное поле принимало свой материал из Башкирии. Пронароднический «Северный вестник» с удовольствием печатал критические статьи П.И. Добротворского; официозные столичные «ведомости» брали статистику Р.Г. Игнатьева или Н.А. Гурвича; коммерческий «Голос» штамповал происшествия, криминал и, конечно, не мог остаться в стороне от всероссийской шумихи вокруг расхищения башкирских земель; всеядный «Свет» стал прибежищем замученных уфимских литераторов, которым негде было напечататься.

Меньшего размера информационные поля сформировались в провинции, но, находясь в крайне конкурентном пространстве, они оказывались в трудной ситуации в борьбе за подписчика. К 1880-м годам в Уфе сложился своеобразный социум внештатных корреспондентов столичных и провинциальных изданий, которые непрерывно поставляли туда информацию о жизни Башкирии, но абсолютно не сотрудничали с достаточно консервативными «Уфимскими губернскими ведомостями», единственной местной газетой под редакцией Н.А. Гурвича. В 1894 г. тот даже открыто вступил в полемику с этим сообществом «папарацци»: «Не проходит в последнее время дня, чтобы из Уфы не выносили сора из хат и палат, и собранного на улице», возмущался Николай Александрович[1]. Несмотря на все усилия в общем весьма энергичного и способного редактора Н.А. Гурвича, *его* «Уфимские губернские ведомости» оставались консервативным изданием, строго ориентированным на интересы местных элит. В разгар общероссийской шумихи вокруг расхищения башкирских земель, когда число публикаций о коррупции в Уфимской губернии исчислялось десятками, если не сотнями, редактор Н.А. Гурвич в своей газете ухитрился практически ничего не сказать о скандале, достигшем самого императора. По всей видимости, Н.А. Гурвич осознанно ориентировался на консервативного (традиционалистского) подписчика из средних и состоятельных кругов местного общества, с достаточно высоким образовательным уровнем, любителя статистики и краеведения.

В отличие от региональных баронов рубежа XX–XXI веков, которые прямо закрывали доступ на «свои» территории

---

[1] *Роднов М.И.* Судьба редактора. Уфа, 2009. С. 68.

нежелательным газетам и даже телевидению, в Российской империи губернская власть не располагала возможностями для подобных запретов, но также исправно поддерживала (финансировала) послушные региональные СМИ, прекрасно понимая их значение в современном обществе.

Важным отличием ситуации рубежа XIX–XX веков от ситуации на стыке XX–XXI столетий является существование, можно сказать, межрегиональной прессы. Ряд казанских и самарских газет открыто рассчитывали на подписчиков из соседних городов, надеясь тем самым увеличить тираж и доходность изданий. В постоянных и очень больших объёмах помещалась информация из соседних регионов. По сравнению со столичной прессой эти издания имели два преимущества. Во-первых, быстрота доставки (в пределах суток по железной дороге или пароходом летом, а уфимские «ведомости» долго оставались еженедельником, так что новости из Казани могли прийти раньше), и, во вторых, здесь размещались значительно более подробные, конкретные материалы. Общероссийские петербургские и московские газеты всё-таки старались печатать информацию, которая была бы интересна всем читателям в стране, а не одним уфимцам, не пропуская (убирая) слишком сиюминутные, злободневные (для уфимцев) статьи. А в Самаре и Казани это могли себе позволить. Самарская и казанская пресса в конце XIX в. выступала в роли как бы второй уфимской прессы, где преобладала разоблачительная, критическая информация, раскрывались тёмные стороны уфимской действительности, чего богобоязненный и осторожный редактор Н.А. Гурвич в «Уфимских губернских ведомостях» не мог даже помыслить. Спустя столетие, с учётом интернета, ситуация повторится, любопытно!

В заключение отметим роль цензуры. «Воспетая» в народнической, революционной литературе и советской историографии цензура в Российской империи в пореформенный период являлась непреодолимым препятствием лишь для откровенно политических, антиправительственных сочинений. А публикация критического материала по социально-экономической жизни, разоблачение конкретного чиновника в газете другого региона позволяла легко миновать давление местных элит. Это делает поиск уфимской информации в неуфимской прессе особенно значимым.

Приложение.
Р. Игнатьев.
«Самодур XVIII века»

(Историческая повесть).

В то самое время, когда в Польше и Литве дурил и самодурствовал полоумный магнат Радзивилл, известный под именем "пана Коханки", у нас, на святой Руси, при матушке Екатерине, был свой собственный Радзивилл – Демидов. Проказы, самодурства, смешанные с варварством несметного богача Демидова, и теперь ещё остались в памяти народной.

Среди всевозможных самодурств и безобразий, в голове магната зародилась однажды дикая мысль: отыскать[1] в Петербурге человека, и уродливее и безобразнее которого не было бы в целом городе. Долго не думая, Демидов тотчас разослал по Петербургу своих агентов и агентш, с условием непременно представить ему такого урода, обещая облаготворительствовать и озолотить его; щедрую награду обещал самодур и тому, кто отыщет и представит ему урода, во всех подробностях подходящего под его программу.

Программа же эта состояла в том, что урод должен быть ростом никак не более двух аршин, чтобы был горбат, имел огромное, отвислое брюхо, руки и ноги одна другой короче, голова или очень большая, или очень маленькая, но уже непременно с большими ушами, нос шишкою или огромный, в виде клюва, пожалуй, даже кривой; лицо должно быть испорчено оспою или какими нибудь пятнами, вроде застуженной рожи и т. д.; волосы курчавые, шапкою и преимущественно рыжие; голос хриплый или пискливый; руки корявые, в шерсти или краснокожие. Урод непременно должен быть

[1] В то время писали «отъискать» – *М.Р.*

русский, православной веры, холостой или вдовый, без детей и отнюдь не женатый и не семейный; летами от 22 до 33 лет, грамотен, трезв, а самое главное честен.

И что же?.. Сколько не рыскали сыщики Демидова по Петербургу, урода, подходящего под программу Демидова, нигде не нашли.

Разсердился Демидов и проклял Петербург на все вселенские соборы, говоря, что город этот, существуя чуть не столетие, не додумался произвести на свет Божий хотя одного порядочного физического урода, каждогодно производя тысячи уродов нравственных, и, не долго думая, поскакал в Москву, надеясь хотя там найти что нибудь подходящее.

Приехав в Москву, Демидов деятельно занялся преследованием своей странной задачи. Агенты его сновали взад и вперёд по Белокаменной, розыскивая урода по заданной программе.

Не ошибся же Демидов, приехав в Москву: урод отыскался скоро и неожиданно.

Двое агентов разом донесли Демидову, что в Гостином дворе, в суконной линии, в лавке у купца Чижова, состоит сидельцем крестьянин подмосковного села Черкизова, Иван Иванович Кандалинцев, 26 лет, грамотный, холостой, поведения честного; хозяин им весьма доволен и хочет сделать даже приказчиком, а уж урод – моё почтение! как есть по программе; только руки хотя и корявые, но ровные, а волосы чёрные, густою шапкою, через что он выглядит ещё безобразнее; впрочем, во всём остальном в совершенстве подходит под программу.

– Карету! – крикнул Демидов и, щедро наградив агентов, поскакал в Гостиный двор, или как называют москвичи – "город".

Когда цуг Демидова остановился перед лавками суконной линии, оттуда выбежали сидельцы без шапок, закричав на разные голоса:

– Сюда, сюда пожалуйте, ваше пр-во! У нас сукна, шерстяные и шелковые материи, заграничные; у нас изволили покупать…

В числе сидельцев выбежал и Кандалинцев и точно ворона закаркал затверженное приглашение, ковыляя костылём,

чтобы, по обычной манере сидельцев, схватить покупателя под руку и безцеремонно тащить в лавку.

Демидова схватило несколько рук, но он вырвался и, хохоча изо всей мочи, пошёл за Кандалинцевым в лавку Чижова.

– Кто здесь старший? – спросил Демидов.

– Я буду хозяин-с! – отозвался с низким поклоном Чижов.

– Это ли ваш сиделец, Иван Иванович Кандалинцев, из крестьян села Черкизова? Я Демидов; быть может слыхали? я вас спрашиваю серьёзно, как он себя ведёт? – обратился Демидов к Чижову.

– Как нельзя лучше; точно красная девушка: трезвый, честный; я им очень доволен, ваше пр-во; он у меня всех грамотнее и счетоводство ведёт; я его даже, вот по совести при всех говорю, хочу приказчиком иметь.

– Смотри же, хозяин, говори всю правду, как перед Богом. Я, Демидов!.. понял!..

– Ей Богу-с, хоть сейчас умереть! – и Чижов перекрестился.

– Хозяин! я беру от вас Кандалинцева к себе на час, не более; надеюсь, что вы согласитесь его отпустить со мною теперь же; он мне нужен и я этого от вас требую… поняли?..

Хозяин низко поклонился золотому тельцу и как-то особенно взглянул на Кандалинцева; тот понял хозяйский взгляд и, с шапкою в левой руке, с низким поклоном обратился к Демидову:

– Что изволите, генерал, приказать? Ваш слуга, готов-с.

– Здравствуй, душа Кандалинцев, не дивись, что я тебя знаю; дорогою разскажу, а теперь едем ко мне! Ты, как бишь тебя?.. да, Иван Иванович… не бойся! Про Демидова много плетут и правды и неправды, но не так страшен чёрт, как его малюют, и я тебе докажу, что не такой я зверь, как обо мне разсказывают… Будешь мною доволен на всю жизнь, а теперь едем, мне время дорого!..

И Демидов, подав руку Кандалинцеву, направился из лавки; Кандалинцев почтительно, без шапки, ковылял вслед за Демидовым.

Чижов, его приказчик, сиделец и мальчики стояли, выпуча глаза от удивления; даже и из других лавок прибежали сидельцы, позабыв и товар, и покупателей, и то, что в Моск-

ве воров и мошенников до Петербурга не перевешаешь; прибежали, посмотреть на чудо чудное, на диво дивное.

По приказу Демидова, два ливрейных лакея подсадили Кандалинцева в карету, указав место садиться, отнюдь не рядом, а против барина… Демидов весело вскочил в карету и карета тронулась шагом, а гостинодворский люд всё ещё не пришёл в себя от удивления. Знал этот люд про Демидова, знал, что связываться с ним опасно, не только мужику сиволапому, но и бедному и малочиновному дворянину, попу и протопопу; у Демидова для маленького человека расправа коротка, – на конюшню, если не желает вылететь из окна, из второго этажа. Слышала вся Москва, как Демидов отодрал честного пристава, майора, за то, что тот посмотрел в зубы подаренной ему Демидовым лошади.

Долго ещё толковали гостинодворцы по отъезде Демидова и всё таки не могли решить, откуда узнал Демидов про Кандалинцева и зачем ему нужен простой мужик-урод. "Наверное для того, чтобы надругаться над убитым Богом человеком, а потом отодрать его на обе корки".

Карета тихо двигалась, а Демидов заливался смехом, смотря в упор на сидевшего против него озадаченного, смущённого Кандалинцева. Ожидая от Демидова всего скверного, бедняга не мог понять, каким образом узнал о нём Демидов. Разве прежде не замечал ли его, бывая в Гостином дворе? Вероятно, уродство его бросилось в глаза Демидову и вот теперь он везёт его на показ своим приятелям, как дикого зверя… А то на что же более нужен такому знатному барину маленький и бедный человек?

А Демидов, между тем, был чрезвычайно доволен тем, что, наконец-то, урод отыскан по программе. Хвала тебе, мать Москва белокаменная!

А как было не восхищаться Демидову, глядя и разсматривая Кандалинцева во всех подробностях? Кандалинцев был действительно ростом не более трёх вершков, если ещё и не ниже, горбатый, кривой, нос огромный, клювом, уши, при большой голове, чрезвычайно малые, волоса курчавые, дыбом, как воз сена, лицо пятнами, одна нога короче другой, брюхо огромное, при коротких ногах; словом, урод был страшен и отвратителен, а этого-то и нужно было Демидову.

– Иван Иванович, – сказал как можно ласковее Демидов: – не бойся ничего, доверься мне, я хочу тебе благодетельство-

вать и вот тебе в том честное, благородное слово дворянина, вот тебе Бог и крест святой!

Демидов три раза перекрестился.

– Ободрись, Иван Иванович, и отвечай не скоро, но толково, о чём буду спрашивать и о чём мне крайне нужно переговорить с тобою. Главное, прежде всего, выкинь из головы, что я везу тебя на поругание или казать, как зверя; нет, божусь, не за тем розыскивал я тебя; ты крайне нужен совсем по другому делу и для твоей же пользы. Слушай же и отвечай толком: точно ли ты крестьянин села Черкизова, Иван Иванович Кандалинцев, 26 лет, православный, водки не употребляющий, немножко грамотный, холостой?

– Точно так, ваше превосходительство!

– А скажи-ка, на сколько грамотен?

– И церковную и такую грамоту знаю мало мальски, особенно церковную; как в монастыре жил, всему научился, даже немножко рихметике. Бывало в будни, как мало народа в храме, выйдешь в полукафтаньи монастырском на середину церкви да как начнёшь по уставу шестопсалмие ли, кафизмы, каноны и всё прочее другое, так знай наших, не зови своими!.. Вот писать хотя и могу, а плохо; одни каракули выходят, а научить некому. Считать знаю, на счётах мастак и все хозяйские счета веду; за то мною хозяин и дорожит и хоша он и есть купец, а на этом деле против нашего брата пас-с.

– Браво! да ты, я вижу, на все руки молодец. А уж урод, урод, одно слово, моё почтение! Стоит, глядя на тебя, сказать: создаст же природа Божия такое произведение; ну, просто, стоит все пальчики облизать! А скажи-ка мне, грамотей, читаешь ли книги?

– И ещё как, если только где достану книжку; всё более по ночам, а то нельзя, наше дело торговое-с. Поверьте Богу, ваше превосходительство, я себе во многом отказываю, а покупаю книжки, где подешевле продаются; вот я теперь купил сочинения Вольтера, Фонвизина, да ещё сказочку про Земиру и Азора[1], больно потешна-с.

---

[1] «Земира и Азор», опера на сюжет «красавица и чудовище», популярная в конце XVIII века. В 1771 году композитор Андре Эрнест Модест Гретри сочинил комическую оперу «Земира и Азор», в основу либретто которой положены сказка де Бомон и пьеса «Любовь за любовь». Либретто написано в 1771 году французским писателем, драматургом, либреттистом Жаном-

– Ха, ха, ха! да ты, Иван-урод, сам не хуже Азора; тебя стоит по целому свету в клетке возить, за диво показывать… ха, ха, ха! ты, чай, в окно взглянешь, то три дня собаки пролают? ха, ха, ха! Земира и Азор… Земира и Азор, ха, ха, ха!.. Ну, Иван, а не был ли ты комедиантом, не выдавал ли себя за дикаря-людоеда? чай, на эту штуку наверное сманивали тебя ловкие люди?..

– Точно так-с, да только не удалось.

– Слушай, Иван, ты теперь мне до крайности необходимый человек; для задуманного мною дела, великого дела, мне необходим такой урод и такой человек как ты, Иван. Ничего я не жалел, искавши такого человека по всему Петербургу, да не нашёл; поехал в Москву и тут сорил деньгами, и вот, наконец-то, мне указали на тебя. А для чего мне так нужно было в обеих столицах искать урода, сейчас узнаешь. Только вот что, брат, изволь без утайки, как перед Господом Богом, как перед отцём духовным, разсказать мне всю твою прежнюю жизнь; да смотри, говори по совести, чтобы там в твоей жизни не было, я тебе не судья, не доносчик, да и нас только двое с глазу на глаз… Говори же, я тебя слушаю.

Кандалинцев приободрился, сообразив, что Демидов далёк от обиды и надруганья, а просто хочет выкинуть какую-то шутку. Любопытно стало Кандалинцеву, чего хочет от него Демидов.

– Ваше превосходительство, – начал он: – не долог будет мой сказ и весь, как перед Богом, по совести. Родился я в селе Черкизове, были мы архиерейские крестьяне, а теперь стали экономические. По пятому году я лишился отца и матери, – в это время была чума на людях и в нашем селе много перемёрло народа. Уродом я родился, вот каким я и теперь есть. Отец и мать возненавидели меня за моё уродство, а крестьяне говорили, что "антихрист народился". Когда родители померли, взял меня в семью старший брат и житьё-бытьё моё стало ещё хуже. Били меня, и секли и тиранили,

---

Франсуа Мармонтелем (Marmontel) (1723–1799). Переведено и издано на русском языке: Зрелище феерическое с музыкой и балетами, пер. с франц. СПб., 1784 // *Бедненко Галина.* Красавица и Чудовище: социально-ролевой и интрапсихический анализ сказки (http: // flogiston. ru / articles / therapy / beauty_beast); Театральная энциклопедия (http: // culture. niv. ru / doc/theatre/encyclopedia/277.htm).

попрекали каждым куском хлеба: "Куда-де тебя, пустокорма, девать? работать не годок, в солдаты и подавно, только на то тебя и ростить, чтобы ты, антихрист этакий, из мироедов мироед вышел". Дома мне было худо, а вышел на улицу – ещё того хуже: всякий смеётся, пальцем на тебя указывает: "Вон, мол, антихрий вышел"! А ребятишки гурьбой, кто камнем, а кто и в потасовку. Только бывало и отрады, что уйдёшь в лес тайком, ляжешь на травку и рад, что один одинёхонек, никто-то тебя не тронет, а то и плачу бывало в лесу, куда как горько плачу и молю Бога, чтобы скорее прибрал меня; даже ребёнком не раз смущал меня лукавый самому покончить с собою; ещё ребёнком понял я, какое житьё уроду, особенно в нашем-то крестьянском быту. Погиб бы я хуже собаки, да видно не было на то воли Божией. Увидал меня, когда мне было семь годов, отец игумен с Москвы, из Сретенского монастыря, сжалился и взял на воспитание в монастырь. Прожил я это в монастыре семнадцать лет, научился грамоте, башмачному ремеслу и немного портняжить; к церкви Божией был усерден; все меня любили, за то что жил смирно, хмельного в рот не брал, а монастырской братии был всегда покорным слугою. Чеботарством да портняжеством зарабатывал деньги, и был я, видит Бог, счастлив уже одним тем, что никто надо мною не смеялся и уродством не попрекал, а скорее вся братия сожалела. Помер мой благодетель, отец игумен, поступил другой настоятель и архимандрит из учёных; а покойный-то мой благодетель-игумен был из простых. Выгнал он меня из монастыря, как лишнего и безполезного дармоеда: "Куда, – говорит: – мне такого урода? ворон, что ли, пугать на огороде? для монастыря нужен народ крепкий, громогласный; здесь не богадельня. Ежели хочешь, – говорит: – я оставлю тебя, только с тем, чтобы ты у нас юродивого и пророка представлял. Поведёшь дело умно, к тебе пол-Москвы придёт на поклон и, конечно, не с пустыми руками; монастырю доход, да и тебе хорошо; по утру ты ломай комедь, а вечер твой… Келья будет особая. Я тебе разскажу про одного купца, а когда он будет у нас при службе, ты обличи его всенародно. Накричат о тебе, о твоей богоугодной жизни, о даре пророчества, это уже наше дело! даже придумаем житие твоё написать, так что о тебе и по смерти не забудут. По рукам, что ли, муж Христа ради юродивый?"

Не захотел я после того и часу оставаться в Сретенском монастыре и пошёл к знакомому башмачнику просить принять меня в работники. Иду это я, костыляю себе по Сретенке, вижу за мной, как нарочно, идёт какой-то человек, не то монастырский, не то холоп, не то подъячий, а скорее на немца смахивает, и всё мне прямо в глаза глядит и улыбается. Наконец заговорил он со мною, и вижу я по разговору, что и впрямь немец.

"– Извините, – сказал он: – не ищете ли вы себе места? Мне бы крайне нужен человек, как вы. Позвольте узнать ваше имя?"

Я назвал себя и сказал, что действительно ищу места. Тогда он зазвал меня в трактир напиться чаю и сообщил, что у него есть место гораздо выгоднее башмачного ремесла.

Сидим это в трактире, балуемся чайком, а мой немец говорит: "Я, изволите ли видеть, фокусник; зовут меня Вильгельм Брейтман, а для пущей важности фон-Брейтман. Это я сам себя "фоном" пожаловал, то есть дворянином. Но дело-то в том, что кто бы я ни был, а мы с вами можем вместе деньгу наживать; будем разъезжать по городам да по ярмаркам; я буду показывать фокус-покусы, шатала-мотала по воздуху летала и разные кунтштюки на андер-манер, а вас буду показывать за дикаря-людоеда из Австралии; барыши пополам. Ежели согласны, так и по рукам, сейчас же перебирайтесь в мою хату, а завтра едем в Ростов на ярмарку. Ходит, что ли?"

Я на отрез отказался, невольно подумав о некотором сходстве этого штукмейстера с нашим всечестным архимандритом из учёных.

Знакомый чеботарь принял меня на работу и, спасибо доброму человеку, доставил мне место сидельца в лавке купца Чижова, на семью которого он работал. Много я в начале терпел обид от моих собратий гостинодворцев, да спасибо хозяину, берёг он меня и теперь бережёт за то, что я грамотнее и аккуратнее прочих, веду все книги и счёты и хозяйскою полушкою не покорыстуюсь, это видит Бог! Вы сами изволили слышать, что хозяин мною доволен; я скоро буду приказчиком, даром что урод из уродов... Что же делать, коли таким Бог сотворил? На всё Его святая воля!

Иван скончил разсказ и тяжело задумался.

– Ну, спасибо тебе, Иван, – сказал Демидов: – Вижу, ты парень не без ума, религиозен, не захотел быть дармоедом и

шарлатаном; я сам терпеть не могу дармоедов и приму к сведению то, что ты мне разсказал о себе.

Сделав Кандалинцеву ещё несколько вопросов по разным предметам, Демидов остался вполне доволен его умными, толковыми и почтительными ответами.

– Теперь я вполне убеждён в твоём уме, – сказал он: – если только дать тебе ход, ты далеко пойдёшь. Слушай моих советов, будь верен мне и вот тебе Бог и крест, не далее как через десять лет из полуграмотного мужика ты будешь генералом. Согласен ли ты повиноваться мне?

– По гроб жизни слуга и раб вашего пр-ва.

– Знаешь ли куда мы едем?

– К вашему пр-ву, как вы сами изволили говорить.

– Так-то оно так, да только ты знаешь ли зачем? Я тебя хочу, первым долгом, женить, Иванушка, а иначе не могу вывести в люди. Хочешь жениться?

– Ваше превосходительство, не извольте смеяться над уродом. Извольте разсудить: ну кто за меня пойдёт? Последняя корявая бабёнка из нищей братии, и та наплюёт.

– Не смеет наплевать: моё дело! Ты ведь читал про Земиру и Азора, и я тоже читал, и признаюсь, мне с тех пор пришло на ум отыскать, [где бы ни][1] было, такого урода, как ты, чтобы, как Азора, женить на лучшей красавице. Вот и составил я программу, какой мне нужен урод, и стал я, не жалея денег, искать урода по всему Петербургу; не нашёл, – в Москву поехал, опять разослал агентов, опять потратил деньги; наконец, мне указали на тебя и я доволен: ты как раз такой, какого мне нужно. Поверь, я тебя завтра же женю на семнадцатилетней красавице, богатой, образованной, умной. Одним словом, я выдаю за тебя мою единственную дочь…

Кандалинцев задрожал, слеза скатилась из его единственного глаза.

– Что же ты испугался, Иван? Я дело говорю, по совести; ты непременно будешь моим зятем и собственно за то, что ты такой урод, а она красавица. Я так хочу, – а моё слово закон!

– Ваше превосходительство, Бога ради не смейтесь! Статочное ли дело это? Пара ли я вашей дочери? Мужик, урод, нищий, – да разве согласится такая барышня за такого урода замуж идти?

---

[1] «Слепой текст», восстановлен мною – *М.Р.*

– Молчи! Сказано, отдаю за тебя дочь мою, и баста.

– Как же, ваше превосходительство, без ихнего-то согласия?

– Молчи, скот!.. Неужели я, Демидов, буду спрашивать согласия у дочери? Да разве она смеет не согласиться, когда я велю? Я её плетьми до полусмерти задеру, да ещё и в дальний монастырь ушлю, в чёрную работу; у меня жена вздумала было указывать мне, так я её отодрал и выгнал вон, не пощадя того, что она мать моих детей. Вздумала ещё с безумных-то глаз на меня жаловаться? Да разве надо мною, Демидовым, есть такой суд? Я в Англии всех принцев и лордов обидел, сам король на меня жаловался, да гриб съел. Дочь всё это знает, а также хорошо знает и то, что мне противиться нельзя. И так, по рукам, что ли, будущий зять?

Кандалинцев был уверен, что Демидов шутит.

– Ваше превосходительство, – сказал он: – смею ли я, ничтожный, не соглашаться, когда вы изволите приказывать? Я хорошо понимаю, что могу быть мужем вашей дочери лишь по имени, а жить врознь, даже в другом городе. Иначе какже-с?

– А, ты понял меня, мошенник!.. Именно, именно так; брак должен совершиться именно на этих условиях.

– Но, ваше превосходительство, хоша оно и так, а всё же муж и жена не башмак, с ног на сбросишь… Не будет ли это насилие?

– Ты ещё смеешь разсуждать, каналья! Да я тебя, подлеца, плетьми закатаю!.. насилие!.. насилие! Пускай насилие! Я так хочу?.. Слушай, Иван, свадьба завтра же, не далее! Даю тебе жену красавицу и умницу, но только знай – ты денег за неё не получишь, кроме платьев и разных вещей. Вам нужно будет для приличия, хотя и совершенно врознь, но прожить несколько времени на всём моём содержании, под одною кровлею; а там, после, если вы обнаружите полнейшую покорность, я дам вам два миллиона, и вы тотчас же уедете: ты, – ко мне в Петербург, а она за границу. Из мужичьего звания тебя скоро отпустят и ты поступишь на службу к самому Потёмкину… понял ли?..

– Совершенно понял-с, ваше превосходительство.

И Кандалинцев низко, пренизко поклонился.

– Значит, кончено, решено и подписано! дай руку, будущий зять и генерал.

– Ступай скорее! – закричал Демидов кучеру, высунувшись в окно, и карета быстро понеслась по улицам Москвы.

А Кандалинцев всё ещё не верил, что он будет хотя и номинальным, а всё таки зятем Демидова.

– Нет, каков я-то? – говорил повеселевший Демидов: – Говорят, нет такого молодца на выдумки, как польский пан Радзивилл; нет, я буду почище… что я теперь устроиваю, никакому Радзивиллу и в башку не придёт.

Карета, между тем, неслась по вновь устроенному через Москву реку каменному мосту и, поворотив по набережной, въехала в чугунные ворота четырёх-этажного каменного палаццо Деми[дова].

Демидов жил на берегу реки Москвы, в виду Кремля. Этот дом, не смотря на время и погром 1812 года, сохранил до сих пор свой внешний вид. По разсказам старожилов, дом этот был продан наследниками Демидова и переходил впоследствии из рук в руки разным владельцам. Но и теперь ещё целы ворота и решётка в каменной ограде, из чугуна с заводов Демидова. Исчезла только медная крыша, чугунная лестница и полы и фонтаны, да внутренность дома совершенно изменилась от перестроек. При Демидове дом внутри блистал убранством; огромный сад, расположенный, более, чем на десятине земли, был устроен со всеми барскими причудами того времени: тут были киоски, гроты, пруды, статуи, качели и различные затеи. Иногда Демидов, разпотешившись в саду, ставил на пьедесталах голыми лакеев и горничных в различных позах, в виде языческих богов и римских гладиаторов.

Демидов повёл гостя по парадной чугунной сквозной лестнице, устланной дорогими коврами и уставленной дорогими деревьями и цветами. Богато одетый швейцар с булавою, толпа напудренных лакеев во французских кафтанах или одетых по гусарски, по казацки, по турецки, встретили барина и, с большим любопытством, смотрели на гостя в засаленной сибирке и грязных сапогах, шедшего с барином по дорогим коврам, через всю амфиладу богато убранных комнат.

Вся дворовая челядь не могла не знать, что барин ищет повсюду урода, а для чего – неизвестно, и челядь толковала, что барин наверное или в шуты к себе возмёт, или непременно собаками затравит. Так, что увидя Кандалинцева, стар-

ший псарь задался вопросом: скоро ли ему придётся выпустить лихих псов-ухарей Догоняя и Урывая?.. то-то будет потеха!..

Подобные забавы бывали сплошь и рядом у самодуров-бар тогдашнего, безправного и безчеловечного времени.

Демидов ввёл гостя в кабинет.

– Вот тебе ключ от двери, – сказал он: – Запрись и разденься; я хочу видеть тебя в натуре.

Кандалинцев, взявши ключ, запер кабинет и беспрекословно исполнил желание Демидова.

При тщательном осмотре, даже с помощью увеличительных стекол, на теле урода ничего особенного не оказалось, кроме того, что кожа на животе была точно в складках.

– Ну, зятёк наречённый, урод не изречённый, садись вот в то кресло и знай, оно не простое, а царское; сама матушка наша царица изволила на нём возседать, удостоив меня, раба её, своим высоким посещением. На этом кресле она, великая государыня, изволила кушать кофе, который я варил для неё на ассигнациях. С тех пор я поклялся, чтобы на этом кресле никому не сидеть, опричь того, кого я нареку зятем, да и то один раз на всю жизнь.

Слыша это, Кандалинцев смутился, но Демидов толкнул его в царское кресло и громко позвонил, сказав, что "дело начинается".

Явился лакей, разпудренный и разодетый.

– Живей просить сюда барышню Надежду Прокофьевну[1].

---

[1] Скорее всего, Руф Гаврилович Игнатьев взял за прототип для своего персонажа Прокофия Акинфиевича Демидова, чей знаменитый портрет работы Д. Левицкого (1773 года) украшает Третьяковскую галерею.

Прокопий Акинфиевич Демидов (1710, Невьянск – 1788, Москва), с 1745 года владел Невьянской группой заводов, действительный статский советник, управлением заводами не занимался. Сам жил в Санкт-Петербурге или Москве, прославился чудачествами: так, в 1778 году он устроил в Санкт-Петербурге народный праздник, который вследствие громадного количества выпитого вина был причиной смерти 500 человек. Однажды он скупил в Санкт-Петербурге всю пеньку, чтобы проучить англичан, заставивших его во время пребывания в Англии заплатить непомерную цену за нужные ему товары. Громадные богатства, полученные по разделу (четыре завода, которые он в 1769 году продал купцу С. Яковлеву за 800 тыс. руб.), до 10 тыс. душ крестьян, более 10 сёл и деревень, несколько домов и пр.) сделали Прокопия Демидова одним из значительнейших общественных благотворителей. На пожертвованные им свыше 1 млн рублей основан Московский воспитательный дом. Им же учреждено петербургское коммерческое училище, на кото-

Лакей исчез, но в эту минуту отворилась боковая дверь кабинета и оттуда выпорхнула совсем голая женщина, с модною причёскою и в синих бархатных ботинках, вышитых золотом.

– После, кисынька, после! – сказал Демидов.

И голая женщина скрылась, хохоча во всю мочь.

– Рекомендую тебе мою кисыньку, – сказал Демидов: – она у меня всё и я весь в её руках. Она у меня камердинер, домоправитель, казначей и всё… миллионы прошли через её руки. За верность и честность я отпустил её на волю и наградил; помни же, Иван!

– Так, понимаем, – думал Кандалинцев: – вот в ком нам надо заискивать: в голой женщине, у которой ты, Демидов, весь в руках… Понимаем-с!..

Шумя длинным шлейфом синего, бархатного платья, вошла молодая девушка, высокая, стройная, в полном смысле красавица.

Девушка невольно отступила несколько шагов назад; её поразило безобразие и костюм гостя, а сверх того, этот урод-мужик возседает на царском кресле, где может, да и то один раз в жизни, сидеть лишь её жених.

– Иди сюда, Надя! рекомендую: твой жених, Иван Иванович Кандалинцев! Дочь моя Надежда Прокофьевна!

Кандалинцев поклонился.

Демидова, поражённая и удивлённая словом "жених", молча смотрела на урода, не делая шага вперёд.

– Сюда, Надя, говорю тебе; дай руку Ивану Ивановичу, он твой жених.

рое он пожертвовал 250 тыс. руб. (1772 год). Когда стали открываться народные училища и главные народные училища, Прокопий Демидов пожертвовал на них 100 тыс. руб. В русско-турецкую войну 1768–1774 годов он передал 4 млн руб. правительству на военные нужды; 20 тыс. – Московскому университету на выплату стипендий неимущим студентам; 10 тыс. – на здание Московского университета, 100 тыс. – на народные училища. В 1772 году основал Демидовское коммерческое училище в Москве. Писал Екатерине II о планах учреждения коммерческой конторы по обмену русской валюты на иностранную, предложил правительству идею организации Ссудной казны, содействовал капиталами осуществлению этой идеи. Развёл в Москве ботанический сад, написал трактат «Об уходе за пчёлами» (1765 год, опубликован в «Русском архиве» в 1873 году) // http://www.hrono.ru/biograf/demidovy.html.

Демидова не то с удивлением, не то с омерзением подошла и подала руку уроду.

– Садись сюда, Надя, по ближе к жениху.

Надежда Прокофьевна безсознательно опустилась в кресло, сама не понимая, что такое делается. Привыкшая ко всяким отцовским самодурствам, она ожидала, что отец её придумал новую шутку.

Несколько времени все молчали.

– Надя! – заговорил серьёзно Демидов, нахмурив брови: – шутки в сторону, слушай своего отца. Ты в таких летах, что пора мне подумать о твоём замужестве. Я нашёл тебе жениха в лице Ивана Ивановича Кандалинцева и уже дал ему за тебя слово. Ты знаешь, что моя воля – закон. Поняла, что ли? Предупреждаю, моя милая, что если ты осмелишься мне противиться, я на всю жизнь упрячу тебя в дальний монастырь, в чёрную работу… А вздумаете пугать меня истериками да обмороками, то я вас, моя ненаглядная, сей час же к колодцу и велю поливать водою, покуда не покаетесь. А простудиться изволите да умереть – туда и дорога непокорной дочери! Велю похоронить, как острожную колодницу… Всё, что я сказал, это только предисловие. Я не люблю на ветер слов терять. Иван Иванович Кандалинцев делает тебе предложение и я уже, повторяю тебе, дал за тебя слово.

Вся побледнев, Надежда Прокофьевна смотрела с недоумением на отца и не ожиданного жениха-урода. Ей всё казалось, что отец шутит.

– Что же ты молчишь? Ещё, что ли, тебе сказывать, что Иван Иванович Кандалинцев делает тебе предложение. Благодари за честь и сейчас же соглашайся!

– Да-с, – сказал Кандалинцев: – имея слово вашего родителя, я вам, Надежда Прокофьевна, делаю предложение; я, Иван Иванович Кандалинцев.

Надежда Прокофьевна упала в кресло и её истерическое рыдание огласило кабинет. Вбежал было лакей, но, по барскому жесту, тотчас же вышел на цыпочках из барского кабинета.

Надежда Прокофьевна рыдала.

– Ваше превосходительство, – умолял Демидова, вставши с царских кресел, Кандалинцев с низкими поклонами: – жалости достойно-с, не могу видеть их в таком положении; ей

Богу, не могу и готов от всего отказаться. Бросимте всё это дело-с, ей Богу, бросимте!..

– Да я тебя самого выброшу из окна. Как ты смеешь, каналья, обижать меня, Демидова, отказываясь от руки моей дочери? Я тебя размозжу! – Он схватил чубук и наверное вздул бы будущего зятя, но в эту минуту припадок и рыдание Надежды Прокофьевны усилилось.

Демидов бросил чубук и вскричав:

– Я тебя сейчас же к колодцу! – схватился было за колокольчик, как в это время Кандалинцев схватил его за руку.

– Ваше превосходительство, не делайте этого, побойтесь Бога! Ведь это ваше детище, ваша кровь!

– Да ты учить, что ли, вздумал меня, каналья ты этакая? Я тебя самого к колодцу, да ещё велю башку твою обрить, а не то голого посажу в извёстку.

– Делайте со мною, что хотите, но пожалейте родную дочь, ведь она у вас одна.

– Нет у меня дочери! Не нужно мне непокорной!

Произошла пауза, прерываемая рыданиями Надежды Прокофьевны. Вышедший из терпения Демидов опять было взялся за колокольчик, но Кандалинцев опять его остановил, сказав:

– Ваше превосходительство, не извольте много безпокоиться и не трогайте их. Припадок ихний пройдёт скоро сам собою, ей Богу, пройдёт. Когда они очнутся, позвольте мне с ними, по праву жениха, поговорить маленько, с глазу на глаз, и я им разскажу о всём, о чём мы касательно нашего будущего супружества говорили и условились в карете; они наверное повеселеют и я уже не буду казаться им таким страшным, как теперь, потому что Надежда Прокофьевна наших условий не знают-с, ну, и боязно им…

– Ого, да ты плут на широкую ногу! Вот тебе дочь, действуй!..

И Демидов с улыбкою вышел из кабинета.

Будущие супруги остались одни.

Демидова, наконец, очнулась и, молча, в упор посмотрела на жениха-урода, спросила его:

– Скажите, кто вы такой?

Кандалинцев назвался.

– Как же вы осмелились делать предложение мне, дочери Демидова?

Выслушав обстоятельный разсказ Кандалинцева о том, как его нашёл Демидов и какие условия он предложил ему, красавица презрительно усмехнулась.

– Вы глупы, – сказала она: – идите вон; я велю вас проводить, а отцу скажу, что вы бежали и отказываетесь.

– Это невозможно-с, никоим образом невозможно-с, Надежда Прокофьевна! Ваш батюшка не таков, чтобы поверить. Вы его только хуже раздражите и он, пожалуй, исполнит над вами угрозу. А меня он и на дне морском найдёт, я человек маленький.

– Вы, может быть, солгали, что будете мужем по имени и обо всём том, в чём условились с моим отцом. Вы, урод, уж не думаете ли и на самом деле быть мужем хорошенькой женщины? Вас, вероятно, прельстила мысль о моём богатстве?

– Я уже имел честь докладывать вам, что батюшка за вами денег не даст, пока мы, по его мнению, того не будем заслуживать; я буду вашим мужем только по имени и, пожалуй, по имени же и отцом ваших детей…

– Послушайте, Кандалинцев, – перебила Надежда Прокофьевна: – я знала, что отец с глупою тратою денег ищет везде урода, но не знала для чего. Дивлюсь отцу! неужели для брака на таких условиях он не мог приискать бедного, но природного дворянина, а не урода и мужика?

– Я сам скоро буду дворянином и даже ваш батюшка, как я уже вам говорил, обещал сделать меня генералом.

– Едва ли? посмотрите на себя, куда вы годитесь; вас не примут на службу? к тому же вы, вероятно, и не грамотный?

– Грамотный. Я много читал и читаю, смогу себя и образовать. Послушайте, Надежда Прокофьевна, наше дело решено батюшкою, нам нельзя и шагу сделать назад-с. Мы перед людьми называясь, по принуждению, мужем и женою, проживём месяц, другой под одною кровлею, в разных помещениях, а сами будем почтительно забегать с заднего крыльца к батюшке. Он, наверное, смягчится, а главное, разсудит, что без денег нельзя жить, ну и даст хотя часть из обещанных двух миллионов, а тогда вы, тотчас же, годиков, примерно, на пять, поедете за границу, а я в Петербург; вы в Петербург, а я в Москву, а не то в Пермь, в Сибирь, на батюшкины заводы; таким манером, мы никогда не встретимся, и живите себе как хотите, на всей вашей воле. Ну, разсу-

дите, что тут хорошего: положим, вы выйдете за знатного, богача, красавца, да ведь он тотчас же начнёт заявлять и искать своих прав и начнёт на каждом шагу стеснять вас. Ведь муж не башмак, с ноги не сбросишь! Вот тут и пойдут укоры, попрёки, ссоры, брань – одна только срамота. Ей-Богу так-с! Какое вам дело, что я урод и покуда мужик? Вам нужна, я вижу, свобода, воля вольная? Вы умная, очень образованная госпожа, а я простой мужик, воспитанный монахами Сретенского монастыря, прочитавший Вольтера и других писателей в российском переводе, говорю вам: Надежда Прокофьевна, лучше быть на таких условиях в браке за уродом, который не может требовать от вас никаких прав, нежели в законном и стеснительном браке с первым красавцем. Подумайте, обсудите и посоветуйтесь с батюшкою; разскажите ему всё, что от меня слышали, он поймёт!

Что при уме природном, кое какой начитанности в переводах французских и других энциклопедистов, идеи которых проникли в XVIII столетии везде на Руси, даже и в монастыри, Кандалинцев был тонкий плут, честолюбивый и корыстолюбивый. Ему представился случай вылезть из грязи; мог ли подобный умный человек не взяться всеми силами выйти из грязи в качестве зятя богача Демидова.

Демидов же был сыном своего времени, атеист в душе, напитанный учениями энциклопедистов; будучи ярым крепостником, всегда готовым угнетать своих рабов и оскорблять беззащитных и мелких людей, вроде высеченного частного пристава, Демидов кричал о правах человека, о свободе и равенстве и отвергал бытие Бога, утверждая, что его выдумали попы, ради своекорыстия.

В таких же понятиях, окружённая иностранными гувернантками, которые, быть может, были очень тёмными личностями на родине, воспиталась и Надежда Прокофьевна.

– Иван Иванович, – сказала она: – я во многом не поняла вас, а вы говорили что-то очень умно и дельно; но у вас страшный, как будто не человеческий голос.

– Это я знаю-с; говорят, будто на вороний похож; однако же, и с таким голосом я бывал церковным чтецом.

– Так вот как, вы человек религиозный? а я думала напротив…

Кандалинцев ничего не отвечал на это замечание и только развёл руками, как бы соглашаясь или удивляясь.

– Повторите же мне всё то, что сейчас говорили, но внятно, с толком; я вас слушаю, Иван Иванович, – настаивала Надежда Прокофьевна.

Кандалинцев повторил опять свой взгляд на брак и свободу супругов.

– Вы правы, – сказала Демидова: – брак с стеснением свободы – ложь; его выдумали попы и я ненавижу так называемый законный брак. Но, смотрите, не смейте и подумать, женясь на мне, искать своих прав супруга; я и отец этого не позволим, погубим вас! Слыхали ли вы, например, о Шешковском?

Как не слыхать-с… это страшный генерал. От одного его имени всякого коробит.

– Ну, так и не старайтесь узнать покороче Шешковского.

– Э! полноте, Надежда Прокофьевна; что нам за дело до Шешковского? мы его и знать не хотим… живите, как знаете, вот и вся недолга…

– Смотрите же, Иван Иванович!

– Что тут смотреть-с? решено и подписано: для людей, для прилики[1] и наружного исполнения закона – церковь и венец, а после того свобода! – сказал Кандалинцев.

Надежда Прокофьевна встала, лёгкий румянец покрыл её пухлые розовые щёчки и, улыбаясь, она протянула руку Кандалинцеву, сказав:

– Я только теперь поняла вас, Иван Иванович; вы умный и дельный человек, и если есть воля отца, то я, пожалуй, согласна на таких условиях быть вашею женою; вот вам моя рука.

– И прекрасно-с! А теперь советую сходить к батюшке и передать всё то, что от меня слышали; тогда вы узнаете всё и вам будет спокойно.

Вся просиявшая от удовольствия, Надежда Прокофьевна вышла из кабинета.

– Ну, Ванька, ты молодец, – думал Кандалинцев, развалясь на свободе в царском кресле: – думал ли ты, урод, вставши по утру, из сидельцев махнуть к Демидову в зятья, в богачи, в дворяне, генералы… Хе, хе, хе, залетела ворона в высокие хоромы! Смотри-же, ворона, не ударь лицом в грязь. А со скрягою, самодуром Демидовым как нибудь на счёт

---

[1] Приличия – *М.Р.*

двух-то миллиончиков обделаем… Только вижу, без голой бабы нельзя!..

– Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за кота!..

раздалась песенка и с ею из боковой двери вышла опять таже голая женщина, которая уже появлялась в кабинете. Теперь у неё в руках была зажжённая восковая свеча. Поставив свечу на стол, голая женщина или Кисынька, как её называл Демидов, достала с этажерки из богатого ларчика турецкого табаку, набила им трубку с черешневым чубуком и янтарным мундштуком, поднесла её с поклоном Кандалинцеву, зажгла на свечке бумажку, свёрнутую трубочкою и, наклонившись, помогла закурить трубку.

Не курив ничего, кроме махорки, Кандалинцев с жадностью затянулся дорогим табаком.

Желая, вероятно, доставить гостю более наслаждения, голая Кисынька, вдруг подняв одну ногу, стала кружиться, как танцовщица на сцене, потом сделав пируэт, послала рукою поцелуй, выбежала с хохотом в боковую дверь, ту самую, из которой появилась.

– Ну, Ванька, урод, – разсуждал про себя Кандалинцев: – живи теперь, поправляйся, богатей, лезь в гору, в чины и знать; будет вдоволь всего хорошего, будешь и отцом чужих детей и родоначальником знатных бар Кандалинцевых, хотя будешь жить от жены за тысячи вёрст.

В это время вошли Демидовы, довольные и весёлые.

– Ну, Иван, ты парень ухо, люблю! Дочь мне всё разсказала и я тоже с своей стороны разсказал дочери. Свадьба завтра в девять часов вечера; пиров и балов я терпеть не могу, а только в качестве необходимых свидетелей приглашу трёх приятелей-стариков, да ещё за посаженную мать генеральшу Афросимиху, известную Москве под именем бабы-яги. Всё это, конечно, глупости, эти попы, плошки, свечи и певчие, но что будешь делать! Свет того требует и закон государственный, а мы рабы того и другого, – сказал Демидов и, подошедши к боковой двери, кликнул Кисыньку.

– Сними и подай мне со стены вот тот образ. Оно хотя всё поповщина, да что станешь делать, дурацкий обычай дедов и отцов. А ты, Кисынька, не уходи.

Демидов держал в обеих руках образ.

– Ну, дети, благословляю вас, живите мирно и ласково, соблюдайте сказанные условия…

Жених и невеста приложились к образу, поцеловались с Демидовым, а жених, кроме того, поцеловал руку невесты.

По соблюдении всех формальностей, Демидов подошёл к Кандалинцеву:

– Вот тебе зятёк, пока пять сотенных, – сказал он: – поезжай, да, прежде всего, развяжись с твоим хозяином, возьми от него твой паспорт; а то пожалуй, без него и венчать не станут; вот тебе и записка моя к Чижову, чтобы скорее посылал за паспортом, если он на дому, а не в лавке. Потом поезжай по магазинам, накупи всего, экипируйся франтом, съезди к парикмахеру, остригись под гребёнку и купи парик с локонами, с длинною косою и с кошельком. Потом найми пять или шесть больших номеров в лучшей гостиннице, а если признаешь нужным, то и всю гостинницу, а прочих всех выгони. Устрой так, чтобы для тебя и Нади были совсем особые комнаты. Когда всё устроишь, приезжай сюда, я отвожу тебе до свадьбы весь нижний этаж моего дома; а завтра дам тебе кучера, паря вяток, коляску, дрожки, лакея, парикмахера, горничную, прачку, а если нужно и согласится хозяин, то и повара. А ты, Кисынька, распорядись, какую прислугу отдать моему зятю, да вели, чтобы лошади были мигом готовы. Что не в порядке найдёшь, сама расправляйся; можешь мою новую розгу в ход пустить.

Когда Кисынька вышла, Демидов обратился к Кандалинцеву:

– Я, брат Иван, выдумал розгу из тонкой проволоки, – сказал он: – Славная, брат, горячая выйдет штука, хочу просить привиллегию. Розга ведь необходима для полка, полиции, школы и на всякую домашнюю потребу.

Это говорил последователь западных идей о правах человека и равноправности. В XVIII столетии все либералы, в большинстве случаев, были такие же Демидовы, т.-е. были людьми одних только слов.

Чижов да и вся суконная линия не верила счастью Кандалинцева, не смотря даже на записку Демидова. Хозяин говорит, что у него точно правую руку отрубили, отняв Кандалинцева, а Кандалинцеву советовал не верить Демидову, бросить и наплевать на всё, оставаясь на своём месте, при лавке; говорил, что Демидов сыграет с ним какую нибудь шутку,

а дочери никогда не отдаст, да ещё в добавок отдерёт или затравит собаками; так не лучше ли быть приказчиком, а потом и приказчиком на отчёте, вроде хозяина, чем быть поруганым на всю Москву?

Истощив все доводы к увещанию Кандалинцева, купец Чижов возвратил ему паспорт с величайшим неудовольствием.

Во всём Гостином дворе только и было толков, что о Кандалинцеве; к вечеру о том же узнала и вся Москва.

Паспорт вручён, квартира в лучшей гостинице нанята и, разодетый франтом, по последней моде, с грузом покупок, Кандалинцев предстал перед Демидовым. В напудренном огромном парике с локонами, Кандалинцев казался ещё безобразнее к полнейшей радости Демидова.

– Ну, брат Иван, как я сказал, так и делаю; я отвёл тебе до свадьбы нижний этаж моего дома, а потому и можешь отправляться в твои апартаменты.

Здесь явилась к Кандалинцеву с поздравлением вся прислуга Демидова, состоящая из 200 человек, в том числе и ловчий, который не только всех больше дивился неожиданному исходу дела, но и негодовал, что псам Догоняю и Урываю долго придётся быть без работы.

На другой день Кандалинцева утром позвали к Демидову.

– Слушай, Иван, – сказал строго Демидов: – Наде я уже пропел, а тебе наказываю: после свадьбы ко мне ни ногою; не приму, лучше и не трудитесь по пусту лошадей гонять… Ждите с терпением, когда я сам к вам приеду. К приглашённым на свадьбу сделайте непременно визиты; примут вас – ладно; не примут – чёрт с ними!.. Вот вам и весь сказ. А ко мне ни ногою, а то… в особенности ты не жди милости… Отдеру, да ещё как, будешь долго помнить! А за тобою всё таки буду глядеть в оба, буду знать каждый твой шаг; посмотрю я, каков ты в хозяйстве и чем будешь заниматься, а если увижу, что ты зазнался, возмечтал о себе, награжу Надю, а тебя, бестию, до смерти убьют; со мною, Демидовым, не тебе, приятель, бороться!

– Я, ваше превосходительство, скажу на прямик: урод Иван Иванов Кандалинцев никогда не был лежебокою и дармоедом, даже когда и в монастыре жил… Благоволите, ваше превосходительство, дать мне какую нибудь должность в ва-

шей конторе, а не то, не желая сидеть без дела, ворочусь к Чижову или же займусь чеботарством.

– Ах, ты, разканалья, мошенник ты этакий! ты, мой зять, да хочешь меня срамить, да я тебя живого в землю закопаю. Видишь, что выдумал!

– Так укажите мне какое нибудь занятие, которое было бы вам приятно, и я готов исполнить волю вашего превосходительства. А есть чужой хлеб, хотя бы и демидовский, мне бы не хотелось.

– Ого-го, да ты, брат, из мошенников мошенник, даром, что урод! Слушай же ты, урод из уродов, – сказал Демидов: – пока не решу, места у себя не дам; а в чужие места не смей и подумать, мошенник! Имей терпение и жди! Помнишь, что я тебе обещал, оно так и будет, а покамест найди занятие, кроме моей конторы и суконной лавки. Да ты, Иван, о глупостях и не думай; твоё от тебя не отойдёт… Лучше ступай и устраивай в гостиннице помещение как можно лучше, да не забудь купить обручальные кольцы, вот для мерки кольцо Нади, а вот и деньги. Сколько их, сосчитаешь дома, а теперь марш!

Вся Москва была удивлена оригинальною свадьбою и толпы народа осаждали приходскую церковь Демидова, Воскресения в Катышах, где, по преданию, венчались Пётр I на Екатерине и Разумовский на Елизавете Петровне.

Полиция никого не пускала без записки от Демидова, даже публику, подъезжавшую в экипажах взглянуть на чудо чудное, диво дивное, до селе на Москве белокаменной не слыханное… С публикою в кафтанах, зипунах, чуйках полицейские драгуны и казаки не церемонились, пуская поминутно в ход ножны палашей и нагайки; но русский люд в те времена привык к потасовкам и побоям, за тычком не гнался и смело лез вперёд, отвечая смехом и шутками на полновесные удары блюстителей тишины и спокойствия.

Сошлись взглянуть и гостинодворцы; им было всего более любопытно посмотреть свадьбу своего товарища-урода; но, видя угощение палашами и нагайками, решились только поглазеть на свадебный оригинальный поезд бывшего собрата.

По совершенно пустой и ярко освещённой церкви раздавался громовой бас протодиакона. Хор митрополитских певчих в полном составе, парадно одетых, под управлением из-

вестного композитора церковных пьес Дегтярёва, гремел на славу. В церкви, кроме Демидова и приглашённых трёх старичков-генералов, одной генеральши, в качестве посажёной матери, да двух демидовских казачков с образами, жениха и невесты, никого посторонних не было. По желанию Демидова, у жениха и невесты правая нога была обута в шёлковые чулки и сафьянные башмаки с алмазными пряжками, а левая в онучи и лапти; у невесты, вместо вуаля или фаты, был привешен кулёк. Демидов не мог и тут не посамодурствовать.

Но вот в церковь вошла и ещё разодетая дама и поместилась за клиросом; лакей разослал перед нею богатый ковёр, а дьячёк с подобострастием подал ей стул. Щеголиха тотчас же опустилась на стул, как будто сильно была утомлена, пройдя от экипажа до клироса. Жених тотчас узнал в разряженной барыне Кисыньку. Это ещё более утвердило его в намерении снискать, а если понадобится, то купить расположение Кисыньки.

Но вдруг вошёл генерал, перед которым раболепно разступились полиция и растворились обе половины церковных дверей. То был не просто генерал, как всякие другие генералы бывают, а сам глава тайной экспедиции, Семён Иванович Шешковский, наводивший ужас на целую Россию. Шешковский не нуждался в приглашениях и везде являлся непрошенным гостем, даже на балы и обеды; он всё хотел знать, хотя бы это и не касалось его службы, и обо всём доводил до сведения императрицы Екатерины. Вот и теперь, услыхав об оригинальной свадьбе, само собою разумеется, что Шешковский поспешил всё увидеть во очию, собрать все нужные ему сведения и тогда уже писать в Петербург.

Как ни силён был Демидов у Екатерины и самого светлейшего Потёмкина, но так как за ним были не малые грешки, то он несколько побаивался Шешковского.

Увидав Шешковского, Демидов тотчас же пригласил его, после обряда, сделать честь пожаловать на вечер, выкушать бокал шампанского.

Но вот обряд кончен. По слову священника, новобрачные сделали вид, будто бы поцеловались, но и этот наружный поцелуй с уродом-мужем вызвал негодование на лице Надежды Прокофьевны. Демидов и все бывшие в церкви, в том числе

и Шешковский, поздравили молодых, новобрачные благодарили отца, который им опять сказал: "Помните, что я вам наказывал, не раздражайте меня; а ты, зять, знай, что рано ли, поздно ли, но дочери не обижу".

Молодые, по предложению священника, приложились к местным иконам, но молебна править Демидов не приказал, не смотря на то, что генеральша Офросимова на этом настаивала. Затем молодые сели в четырёхместную карету Демидова, как водится, рядом, казачки с образами сели напротив. Народ толпился, не смотря на драгунские палаши и казачьи нагайки, посмотреть на новобрачных. Когда карета двинулась, то кто-то из народа крикнул: "Прощай, Ванька урод"!

Всю дорогу новобрачные молчали и не глядели один на другого.

На крыльце гостинницы новобрачных встретили хозяин, дворецкий Демидова и данная Кандалинцевым прислуга.

Казачки поставили на стол иконы, хлеб и соль в серебряной вызолоченной солонке, положили венчальные свечи, поздравив молодых с новосельем, и, пожелав счастливой жизни, вышли вон.

Тотчас же был подан чай, а потом роскошный ужин, сервированный на два куверта. Ужин продолжался среди невозмутимой тишины и обоюдного молчания.

Отужинав, новобрачные, пожелав друг другу покойной ночи и приятного сна, разошлись по своим комнатам. А, между тем, около гостинницы, на улице стояла пропасть любопытных; им непонятен был такой свадебный пир и пересудам, по этому поводу, не было конца.

Надев турецкий халат, ермолку и вышитые золотом туфли, Кандалинцев, до сих пор ничего не пивший, потребовал себе бутылку шампанского, о котором прежде только слыхал, и, покончив с бутылкою, скоро заснул, растянувшись на пуховике, как следует зятю Демидова. Ему снились чины, миллионы, а также и то, что из урода он сделался первым красавцем.

Привыкнув рано вставать, Кандалинцев проснулся рано; всё, кроме его, в гостиннице спало. Ещё нежась на пуховиках, под атласным одеялом, Кандалинцев разсуждал о своей странной судьбе и тысячи мыслей сменяли одна другую в голове его. Не смотря на предупреждение тестя, Кандалинцев

решил ехать с женою, прежде всего, к нему с почтением, а потом уже с визитами к бывшим на свадьбе генералам, если они женатые, и к генеральше посажёной матери. Он разсуждал так:

– Ну, выгонит тесть раз, другой и третий, пожалуй, может быть и отдерут, но что же делать? Перетерпим как нибудь, а ехать к нему всё таки надобно. Я теперь понял, что ему нужна покорность, и он даст хотя часть обещанного. Как бы это подделаться к голой Кисыньке? – думал он, минуту спустя: – Денег ей дать? Но малым она не удовольствуется, а много то где мне взять?

Размышления его были неожиданно прерваны. Кто-то вошёл в комнату.

– Кто это? – спросил Кандалинцев, лёжа в постеле.

– Я-с, – отвечал робко вошедший: – парикмахер-с; за вашим париком пришёл-с.

– А, тебя-то мне и нужно, голубчик. Останься на пару слов.

Ещё вчера Кандалинцев, наделив деньгами данную ему Демидовым прислугу, заметил словоохотливость и болтливость парикмахера. Кандалинцев встал с постели, опять сунул ему рубль и стал разспрашивать про Кисыньку.

Он узнал от парикмахера, что Кисынька зовётся Елизаветою Ермолаевною, дочь мастерового тагильского завода, бывшая крепостная Демидова, по барскому приказу взятая на барский двор в прачки; но барину пришла шальная мысль устроить из крепостных людей балет, и шестнадцатилетняя красивая Лизавета как раз подошла под его затею. Её стал обучать танцам вызванный из Перми ссыльный, вместе с прочими, выбранными из дворни в балет мужчинами и женщинами. Демидов вдруг почему-то разлюбил театр, разогнал актёров, а Лизавету взял к себе камердинером, за собою ходить... С тех пор ей приказано было ходить голою и постоянно быть при барине, неотлучно день и ночь. Это не понравилось барыне, жене Демидова, началась ссора, кончившаяся очень печально для самой Демидовой; он безчеловечно отодрал её, выгнал вон из дому и она пропала без вести. Прогнав жену, Демидов стал открыто жить с Лизаветою, отдал на её волю весь дом, прислугу, деньги на хранение и стала Лизавета полною хозяйкою; она разсорила Демидова с сыновьями, гнала и притесняла всячески Надежду Прокофьев-

ну, толкала и била её даже при отце, а однажды, сильно разсердясь на барышню, обещала непременно выдать замуж за урода и простого мужика. Демидов был весь в руках Лизаветы, делавшей из него всё, чтобы ни вздумалось; захотелось ей на волю и Демидов тотчас же выдал ей отпускную, присоединив к ней десять тысяч. Стала Лизавета совсем барыня.

– А и самой Лизавете достаётся подчас, – закончил свой разсказ парикмахер: – Покажется барину, что она с кем нибудь амуры разводит, сейчас и на конюшню её, драть при самом барине. А потом опять ему её жалко станет, начнёт он ей руки и ноги целовать, на колени встанет, плачет перед нею, просит его простить. Тогда Лизавета начинает мучить его, дуется дня два, три. А потом прощает и тотчас же ей Демидов накупит нарядов и денег дарит. А то бывает так, что от Лизаветы и самому барину достаётся, и барскому тупею и барской косе и барским пухлым щекам. Ничего! барин под добрый час терпит, благо всё это происходит на едине, в барской спальне. Наш дом Демидовский, – говорил парикмахер: – не дом, но ад кромешный, что твоё лобное место, где только и знай, что порют и в будни и в праздник. Теперь нашей Надежде Прокофьевне будет лучше, подалее от отцовского дома, а то случалось, что и ей Лизавета мяла причёску и теребила косу; да и свадьбу-то вашу она же устроила; на выдумки Лизавета хитрее барина, на выдумки и озорство она мастерица; многого и Демидову не выдумать. Бывши с барином за границею, она и там выдумывала разные штуки, а Демидов исполнял; вот и в Англии, так за проказы чуть не в Сибирь не попал, да хорошо, что догадался задобрить матушку-царицу тем, что обещал построить воспитательный дом; ну, да и сам Потёмкин заступился за него, вот и простили.

После этого разсказа Кандалинцев обратился за советом к парикмахеру о том, каким бы манером подойти и сойтись ему с Лизаветою Ермолаевною, чтобы Демидов наградил дочь, то есть выдал обещанные два миллиона?

– Легко, сударь, можно это устроить, если есть у вас на первых порах тысяч десять, – отвечал парикмахер: – а то обещаниям она не поверит. Разве выдать вам ей вексель? Попытайте, попытка ведь не шутка, спрос не беда! Может вам, как зятю Демидова, и на слово поверит и будет хлопотать. А чтобы вам переговорить с нею, это я берусь устроить: она ко мне благоволит и ни у кого, кроме меня, не любит

причёсываться и завиваться. Вот и сегодня приказала мне в одинадцатом часу явиться… Коли что будет хорошее, меня, сударь, не забудьте!

Кандалинцев обещал хорошо заплатить за хлопоты и взял с парикмахера слово сегодня же сообщить ему обо всём, что скажет Лизавета Ермолаевна.

А Кандалинцев, оставшись один, приказал подать себе чаю и подумал, что у Демидовых всё не спроста, и что Ермолаевна сама, по видимому, ищет сделки с ним, почему и приставила к нему своего агента.

Надежда Прокофьевна, как аристократка, привыкшая обращать ночь в день, проснулась и на этот раз около полудня, когда Кандалинцев был уже давно готов к визитам, одет франтом и в напудренном парике.

После кофе и долго продолжавшегося туалета, Кандалинцева потребовала мужа. Совсем одетая, она полулежала на диване, отмахиваясь от докучливых мух перламутровым веером, на котором были изображены картины из китайской жизни.

Кандалинцев вошёл, поклонился ей и почтительно остановился у порога.

– Пора нам делать визиты, хотя это очень неприятно, – сказала Кандалинцева.

– Совершенно верно-с. Коляска уже готова. Мне кажется, что прежде всего мы должны ехать к вашему отцу, показать ему нашу покорность.

– Но ведь отец на отрез отказал. Чего же вы хотите? неужели желаете того, чтобы он вас обидел?

– Вас он не обидит… а со мною пусть делает всё, что ему заблагоразсудится; я готов-с на всё.

И Кандалинцев начал откровенно доказывать жене, что, в виду их же пользы, им необходимо ехать к Демидову. Если же он не примет, то ехать в другой, третий раз, и так далее, до тех пор, пока примет.

Кандалинцева задумалась.

– Хорошо, – сказала она: – я согласна. Но только прошу вас, чтобы верх коляски был поднят.

Демидов не принял новобрачных детей своих, а швейцар грубо заметил:

– Сказано вам сюда не ездить, ну, и незачем без барского приказа и шляться!.. вперёд и не приезжайте, я даже барину и докладывать не могу, строго запрещено.

Три генерала, бывшие на свадьбе, самым вежливым образом отказались от приёма молодых; приняла их одна генеральша, бывшая на свадьбе за посаженую мать, но лучше бы сделала, если бы отказала в приёме; её надменный и насмешливый тон и нескромное любопытство окончательно взбесили Кандалинцеву.

Поехали и к страшному генералу Шешковскому, жившему в старинном доме тайной экспедиции, на Лубянской площади, против церкви Гребенской Божией Матери, где ещё со времён Петра I помещалась тайная канцелярия. Здесь стража, после долгой процедуры вопросов и докладов, наконец, допустила молодых к генералу. Со скрипом растворились железные ворота, известные в Москве под именем врат Адовых, и коляска въехала во двор, представляющий собою вид крепостного двора.

Шешковский и его жена, бывшая безграмотная мещанка, любезно приняли Кандалинцевых, а ловкий сыщик умел выпытать у Кандалинцева о его прежней жизни и как и почему он сблизился с Демидовым. Шешковскому всё это необходимо было нужно узнать, как для потехи придворных господ, так и для самой государыни, а для жены Шешковского это нужно было для разсказа приятельницам, так как она была большая любительница посплетничать и посудачить на счёт других.

Возвратясь домой, Кандалинцев узнал от дожидавшегося его возвращения парикмахера Сергушки, что Лизавета Ермолаевна согласна помогать задуманному Кандалинцевым делу и, желая лично об этом деле переговорить, назначает свидание сегодня же, в семь часов вечера, в Лефортовском дворцовом саду, в уединённом гроте за прудом.

Получив столь интересное известие, Кандалинцев поспешил отобедать, боясь опоздать на свидание, так как оставалось уже немного времени до назначенного часа, а Лефортово было не близко, и, одевшись в приличный костюм, накинув сверху плащ, чтобы удобнее было ему скрыть от любопытных свою уродливость, отправился на извозчике в Лефортово. Кисынька ещё не приезжала и Кандалинцев отправился прямо к назначенному гроту.

Судьба, как бы нарочно, благоволила Кандалинцеву; в саду было очень мало народа, а в гроте ни души. Избрав здесь такое место, из которого бы мог наблюдать приближающихся к гроту, он уселся на скамейке и предался размышлению о том, не надула ли его Кисынька, назначив свидание, не с целью ли это она сделала, может быть, из озорства и вдруг, вместо себя, пришлёт Демидова, а с ним разделка будет плоха. Но Кисынька не обманула и вскоре показалась из-за пруда разодетая, в шляпке и шёлковом гродетуровом платье. Подойдя к гроту, она пристально посмотрела, нет ли кого из посторонних и один ли Кандалинцев; удостоверяясь в отсутствии посторонних, она довольно поспешно вошла в грот и на низкий поклон Кандалинцева сказала:

– Здравствуйте, г. урод! Ну, вот я и сама явилась. Чего же вы от меня хотите? Говорите скорее, мне с вами долго растабарывать некогда.

– Прежде всего позвольте, Лизавета Ермолаевна, поцеловать вашу драгоценную ручку, а затем будем говорить о деле.

– Ну, вот вам и ручка – целуйте, да говорите скорее, чего вам от меня требуется? Говорите откровенно; чем могу, постараюсь вам услужить и буду помогать.

Когда Кандалинцев изложил своё дело Елизавете Ермолаевне, она отвечала ему следующим образом:

– Помочь я вам согласна и могу уговорить Демидова дать вам покамест тысяч пятьсот, но только с условием: вы должны дать мне за услугу, при получении денег, 20 тысяч рублей; знаю, что у вас теперь денег в руках не имеется, то, для верности в слове, вы дадите мне вексель и чем скорее, тем лучше. Ну, что же, согласны или нет?..

– Очень согласен-с? мать родная того не сделает! Дайте же, Лизавета Ермолаевна, в задаток разцеловать ваши золотые ручки!.. и Кандалинцев бросился целовать унизанные кольцами и перстнями руки Кисыньки.

– Значит, дело решённое без торга, и чудесно! – сказала Кисынька: – Вы завтра, как успеете, пришлите мне готовый вексель с парикмахером Сергушкой; но непременно запечатайте его в конверт и дайте наказ, чтобы никому не показывать, а отдать мне прямо в руки и по секрету; да накажите ему строго на строго, что ежели он потеряет вексель, а ещё того хуже, если покажет кому либо, то пусть отживает свои

красные дни, а уж жив не будет. А теперь прощайте!.. Но, вот вам ещё наказ: выходите отсюда тогда, как я уже уеду.

На другой день Кандалинцев через горничную попросил позволения у жены принять его по крайне интересному делу. Горничная возвратилась с ответом, что барыня его дожидает.

– Что такое хотите мне сказать г. урод? приятное ли? – так встретила мужа, полу-лежа на диване, Надежда Прокофьевна.

– Даже очень приятное-с, – ответил ей Кандалинцев.

– В таком случае садитесь вот сюда, – она указала ему место на кресле, стоявшем близ дивана.

Усевшись на место, Кандалинцев передал жене, что сегодня же подписал вексель в 20 тысяч Лизавете, с тем условием, что она обещалась выхлопотать у отца четвёртую часть обещанных денег, то-есть пятьсот тысяч, и обещает клятвенно выхлопотать и остальные; что Лизавета, для их же пользы, советует каждый день делать визиты Демидову, хотя бы и пришлось терпеть ругань, а может быть даже и побои. Демидов в настоящее время напуган и разозлён; Шешковский на вечере передал, что на него, Демидова, многими помещиками подан прямо самой государыне донос о принятии заведомо на свои сибирские и пермские заводы их беглых крестьян, с указанием имён беглецов; что государыня изволила прогневаться и шлёт на заводы генерала Потемкова, человека не подкупного, но только он родня светлейшего, а Потёмкин государыню упросит. Шешковский советует побросать всех в воду, а не то в доменные печи. Демидов, как видно, сильно побаивается и зол до нельзя.

– Это очень добрая весть, за которую я разрешаю вам сесть вот сюда, – сказала она, указывая мужу место поближе.

Кандалинцев сел и был даже угощён чаем, за которым жена сказала, что хорошо сделал муж, войдя в сделку с Лизаветою, но что она, Кандалинцева, сама не желает давать Кисыньке из своей части ни гроша.

Окончив чай, они поехали опять к Демидову, но результат был тот же, что и в первый раз. Таким образом, они ездили к нему целую неделю, слушая только от швейцара прозвище мужланьев, потаскушек и проч. Кандалинцеву всё это было как к стене горох. Ермолаевна взяла вексель, работает, а это верный знак, что рано или поздно, а всё кончится благополучно…

Кандалинцева же, не находя нужным ездить с мужем, решилась ехать к отцу одна, тем более, что, зная все входы и выходы, через чёрную лестницу и с помощью Кисыньки, пробралась прямо к кабинету отца.

Демидов был один, но в этот раз сердитый пресердитый; он послал письмо и ждал Шешковского на очень нужное совещание.

Увидав отца, дочь бросилась на колени и, схватив его руку, осыпала поцелуями.

– Рара, дорогой рара! я твоя покорная дочь, мне ничего не надо, ни о чём не прошу; я просто соскучилась по тебе и пришла повидать тебя, мой родной!

Она обняла колени отца. Но тот оттолкнул её от себя, дав ей довольно сильный толчёк, от которого Надежда Прокофьевна чуть чуть не упала затылком, затопал ногами и закричал:

– Вон! сейчас же вон, черкизовская мужичка! Как ты осмелилась войти без доклада? Твоё место у крыльца, много, что в людской избе, а не здесь. Говори, мужичка, кто тебя пустил сюда, кто?

– Рара, рара! сжалься надо мною, не отвергай меня! ведь я дочь твоя!

И Кандалинцева снова бросилась к отцу на шею.

Но отец оттолкнул её.

– Я сказал: вон, мужичка! а не то все твои космы выдергаю и не оставлю ни одного зуба во рту!

Сжав кулаки, с бранью Демидов бросился к дочери… но откуда не взялась, точно из земли выросла, голая Кисынька и одним жестом усмирила расходившегося самодура.

– Стыдись, Демидов! – закричала она: – стыдись, злодей ты эдакий! ведь она твоя покорная дочь, ты же ведь её сгубил, выдав за урода отвратительного и при том мужика!

– Да по твоей же милости! – крикнул Демидов.

– По моей милости? Я могла шутить, а ты, родной отец, разве не мог отличить шутки от правды? куда же твой ум-то девался? а ещё хвалишься, что ты умный человек. Варвар ты, зверь ты, а не человек; подумай-ка, на кого ты, злодей, поднимаешь руку? на родную дочь! Не хочу после этого и я у тебя жить!

Демидов как будто опешил и задумался.

– Надежда Прокофьевна, – сказала Кисынька: – не извольте безпокоиться; этот зверь одумается, а теперь, что за охота возиться со свирепым; он не похож и на человека-то… Успокойтесь и извольте ехать домой. Всё перемелется, мука будет. Я велела вас проводить, коляска у подъезда. До свиданья, Надежда Прокофьевна!

Кандалинцева вышла, очень хорошо поняв, что вексель действует.

Проходили дни за днями, уже около месяца прошло, как Лизавета хлопотать начала, а Демидов не поддаётся.

Не теряет надежды и Кандалинцев; но ему скучно, как человеку, привыкшему не сидеть сложа руки; такоё житьё ему не нравилось, да и совестно жить на чужой счёт. Но каково было Кандалинцевой, привыкшей к обществу высокого полёта, к разсеянной великосветской жизни, к вечерам, балам, театрам, толпе поклонников? Ей уже обещано место фрейлины, а тут вдруг… скандальная свадьба с мужиком-уродом разом всё отравило и ей не возможно показаться в прежнее общество; вся Москва в трубу трубит и пальцами показывает, а тот же Шешковский наверное дал знать в Петербург. Она сама уже видела, что её, дочь Демидова, никто не принимает, а генеральша приняла так, что лучше бы и совсем не принимала.

Впрочем, она надеялась, что вексель подействует и она уедет наконец за границу.

Через несколько дней Кандалинцев, опять через горничную, попросил жену принять его по крайне нужному делу.

– Ну, что скажете хорошего?

– На этот раз много хорошего-с, Надежда Прокофьевна, – сказал Кандалинцев.

– В таком случае садитесь поближе.

Кандалинцев, осмотрясь, что никого лишнего нет, сел на мягкое кресло и разсказал, что сейчас получил через парикмахера радостную весть: завтра Демидов вместо себя присылает свиную тушу, набитую ассигнациями на пятьсот тысяч рублей, а Лизавета наказывала встретить тушу как бы самого Демидова, со всяким почётом.

– Давайте действовать вместе и для сторонних покажется, как будто мы и на самом деле муж и жена; встретимте свинью за папашу, посадим на почётное место, будем разго-

варивать со свиньёю, точно как с папашею. Я уже распорядился на счёт вина и завтрака.

Надежда Прокофьевна хохотала от души, обещая разыграть комедию как следует.

Теперь она была очень довольна мужем-уродом и, велев ему отправиться на свою половину, повторила обещание действовать за одно, и что если на самом деле отец пришлёт полмиллиона, то подарит ему из них сто тысяч, из которых он обязан двадцать тысяч отдать Лизавете, но чтобы о векселе отнюдь никто бы не знал.

– Прощайте, счастливо вам оставаться, Надежда Прокофьевна! Лишь бы вам получить эти полмиллиона и уехать за границу и я бы не мозолил вам глаза.

– А ведь он умён и мастер на все руки, – думала Кандалинцева: – как жаль, что он урод и не образованный.

Ещё с вечера Кандалинцев хлопотал, как лучше встретить своего наречённого отца. Даже Надежда Прокофьевна проснулась на другой день, что с ней никогда не бывало, в девять часов утра, узнав от парикмахера, что папаша будет ровно в одинадцать часов.

С 10 часов утра Кандалинцевы не отходили от окна, каждый в своих комнатах.

Демидов любил быть аккуратным и ровно в одинадцать часов его цуг остановился у гостиницы.

Лакеи отворили дверцу и стали бережно вынимать тушу. Мигом к ним подбежала Кандалинцева, между тем как муж, ковыляя на костыле, с трудом спускался с лестницы.

– Папа, папа! наконец-то осчастливили нас своим посещением, – говорила Кандалинцева, целуя притворно тушу.

И Кандалинцев сказал также свою благодарность за радостное для него посещение.

– Пожалуйте, пожалуйте в комнаты; осчастливте нас своим посещением, – говорили с низкими поклонами Кандалинцевы.

Лакеи торжественно понесли тушу по парадному крыльцу; впереди шли Кандалинцевы, повторяя свои приглашения.

Хозяин и прислуга гостиницы, узнав всю суть, пришли взглянуть на такое диво, сами не понимая его значения; кучка прохожих остановилась на улице перед гостиницею, тоже не понимая, что тут делается.

– Сюда, сюда, папаша, в гостиную-с на диван; здесь мягче и покойнее, – говорили Кандалинцевы.

Лакеи опустили тушу на диван, а сами встали у дверей.

– Подушечек, подушечек благоволите принесть, Надежда Прокофьевна, чтобы им было легче и мягче прислониться к спине дивана, – суетился Кандалинцев.

– Сейчас, сейчас папаша! – и Кандалинцева побежала за подушками, скоро принесла их целую груду и начала раскладывать, чтобы папаше было и мягко и удобно. А Кандалинцев то помогал жене, то низко кланялся, приговаривая:

– Благодарим, добрейший папаша, осчастливили на всю жизнь своим посещением.

Лакеи были удивлены, поражены всею этою сценою.

А Кандалинцевы всё кланялись и всё благодарили папашу за посещение и, наконец, сказав, что позволяют себе садиться по приказанию папаши, сели в кресла по обеим сторонам стола, помещавшегося перед диваном, а стол был накрыт богатою скатертью.

Кандалинцевы начали почтительно беседовать с тушею – муж по русски, жена по французски, на удивление демидовских лакеев.

Служители гостиницы внесли и постави[ли] на стол перед свиною тушею завтрак и несколько раскупоренных бутылок и низко поклонились, что сделали по распоряжению Кандалинцева; затем вышли.

– Пожалуйте, папаша, покушайте, не судите нашу хлеб-соль; чем Бог послал на нашем новом хозяйстве; не успели ещё по новости устроиться.

– Пожалуйте, папа, – сказала Надежда Прокофьевна: – здесь всё ваше любимое, вот мадера, коньяк, шато-марго, рейнвейн, пармезан, икра, селёдка, анчоусы, раковые шейки на сливках; сама готовила и только для вас.

– Для такого радостного дня, – сказал Кандалинцев: – не мешало бы подать шампанского.

Кандалинцева заговорила по французски и, наконец, с сожалением объявила мужу, что папаша не желает ни есть ни пить.

– Не обижайте нас, папаша, – обратился к туше Кандалинцев: – если вы не желаете ни до чего дотронуться, то мы без вас и подавно; хоть бы вы, Надежда Прокофьевна, уговорили папашу чего нибудь закусить.

Кандалинцева снова заговорила с тушею по французски.

Кандалинцева сказала, что папа обещает завтра приехать, выпить шампанского и закусить, а теперь не может, чувствуя дремоту.

– Обещаете-с? благодарим от души.

И Кандалинцев начал отвешивать низкие поклоны.

Началась опять беседа с тушею – мужа по русски, жена по французски.

– Уж не надо мною ли издевается егоза, – подумал Кандалинцев, досадуя, что не понимает: – Погоди, егоза, сами научимся калякать по заморскому, дай нам только Бог заполучить демидовские денежки…

Наконец, Кандалинцеву надоела вся эта комедия и он, сказав, что "папаша хотят спать", начал подкладывать подушки под тушу, а жена принесла одеяло и покрыла тушу.

– Ну, теперь папаша уснули-с, – сказал Кандалинцев: – тише говорите, а лучше всего дадим папаше покой.

И они оба вышли из комнаты, которую Кандалинцев запер на ключ.

Демидовским лакеям велено было ехать домой, потому что не известно, сколько времени папаша изволят проспать, а будить его они не осмелятся ни за что на свете. "Когда изволят проснуться, то отвезём в своём экипаже, а не то дадим знать, чтобы за ним приехали".

Демидов и Кисынька хохотали до нельзя, слушая разсказы лакеев, сопровождавших тушу.

– Смотрели ли тушу-то? – спросил Демидов.

– Никак нет-с, и близко не подходили; разве буде тогда, когда мы уехали, – отвечали лакеи.

– Значит, или не догадались или хитрят, – говорил Демидов и приказал, как начнёт смеркаться, то ехать к Кандалинцевым и непременно взять тушу.

Кандалинцевы туши не отдали, сказав, что папаша всё ещё крепко спит, будить не смеют и комната заперта, а когда изволит проснуться, то после ужина сами отвезут папашу.

Демидову это ужасно как понравилось, тем более, что Кисынька окончательно успела его расположить к Кандалинцевым и он ей сказал, что завтра сам поедет к Кандалинцевым в двенадцать часов утра. При этом Кисынька стала уго-

варивать Демидова, чтобы скорее старался зятю доставить дворянство.

– Да ты разве не знаешь, что я нарочно в Питер за этим делом к светлейшему Потёмкину послал и с часу на час жду ответа. Думаю, что не откажет, хотя я теперь, благодаря стае врагов, и в опале. Но только, я тебе скажу, зять у меня плут, уха! какой плут! Хорошо, что хозяин не сделал его приказчиком, в трубу бы его выпустил. Я и сам боюсь ему очень-то вверяться… Нужно за ним глаза да и глаза, а то надует, да и в лес уйдёт.

Так говорил Демидов.

Наступила ночь и Кандалинцев, как можно тише, отпер двери, где лежала туша и вошёл туда; там он зажёг две стенные лампы, убавив как можно более света, загасил свечу и после этого принёс ковёр и подушку, объявив прислуге, чтобы сказали барыне, что он, на всякий случай, будет ночевать около папаши, неравно изволит проснуться и что либо приказать.

Когда же все уснули в гостинице, Кандалинцев заперся, прибавил света в лампах, зажёг свечу и начал осматривать тушу. Оказалось, как говорила Лизавета Ермолаевна, туша набита была ассигнациями на пятьсот тысяч рублей, деньги были все сполна, что очень обрадовало Кандалинцева; потом он опять уложил деньги в тушу так, как лежали они и прежде, загасил излишний огонь, завалился спать на своём коврике и скоро захрапел на всю гостиницу.

По утру, по привычке проснувшись рано, Кандалинцев вышел и запер за собою дверь, приказав лакею сидеть около двери и никого не впускать без доклада ему, и если папаша изволят проснуться, то дать ему знать и доложить барыне; а ежели барыня почивает, то разбудить.

А парикмахер следил за всем, успел побывать у Ермолаевны и от неё узнал, что Демидов будет сам к зятю в 12 часов, и что он очень всем доволен и можно от него ожидать всякой милости. Кандалинцев эти вести тотчас же, через горничную, сообщил жене.

Ровно в полдень экипаж Демидова остановился перед гостинницею. Кандалинцевы точно с такою же церемониею встретили Демидова, как вчера под его именем встретили свиную тушу.

Довольный почтительною встречею, Демидов в хорошем расположении духа вошёл в ту комнату, где лежала свиная туша, обложенная подушками и покрытая одеялом, а перед нею стояли бутылки на столе и завтрак. Демидов тотчас же спросил:

– Осмотрена ли туша?

– Как же мы смеем без вашего родительского приказа, – говорили Кандалинцевы.

Демидов рассмеялся.

– Не знаю, как ты, Надя, а этот вот одноглазый плут наверное не утерпел. Ну, говори же, мошенник, ей Богу не разсержусь, осмотрел говори правду, смотрел?

– Виноват-с, папаша!

– Что тут виноват; я бы и сам в таком случае не утерпел. Слушай, плут, вынимай деньги, да сосчитай, а тушу сейчас убери, дни жаркие и, слышно уже, туша припахивает.

Деньги были вынуты, сосчитаны, а туша вынесена, куда следует.

– Ну, Надя, – сказал Демидов, садясь на диван и наливая рюмку мадеры: – за твоё здоровье и за твоё, плут.

Демидов выпил и закусил.

– Ну, Надя, спасибо за вино и за угощенье; спасибо, моя молодая хозяюшка, не ожидал. – При этом Демидов выпил залпом ещё три рюмки и снова закусил, а затем сказал:

– Ну, Надя, возьми деньги и отдели мужу, сколько пожелаешь.

– Сто тысяч, папа.

– Ладно, пусть будет по твоему, а четыреста возьми себе. Ну, Земира и Азор, что намерены с собою делать?

Кандалинцев сказал на это, что Надежда Прокофьевна желают поскорее ехать за границу; так оно и следует, они особа образованная, учёная, им только и быть в свете.

– А ты не за нею ли?

– Нет-с, нам куда, не нашему носу малину клевать. Они должны жить сами по себе, а мы сами по себе; зачем мне их срамить да себя конфузить... Пусть Надежда Прокофьевна едут одни, им здесь тоска, а я останусь, найму учителей, стану учиться, да приискивать какое нибудь занятие; зять Демидова должен быть образован и не быть дармоедом.

– Ай да урод, молодец, люблю! Так ты, Надя, за границу?

– Ах, папа, душевно рвусь, поскорее!

– На долго желаешь?

– Так, сначала лет на пять.

– Сейчас же еду к главнокомандующему хлопотать тебе о заграничном паспорте; живо выхлопочу, а ты собирайся в путь.

Демидов вынул из кармана бумагу и, подавая Кандалинцеву, сказал:

– Подпиши её, как я буду указывать, по пунктам; ведь ты, я думаю, деловых бумаг и в глаза не видывал. Это прошение в казённую палату об увольнении тебя из податного состояния, для поступления на коронную службу; у меня палата в три дня обделает дело и без мирского приговора черкизовских мужиков[1].

Кандалинцев подписал просьбу.

– Ну, плутина, я тебе и место нашёл. Посылал нарочного в Питер и в нынешнюю ночь, как раз кстати, нарочный принёс[2] ответ; ты поступаешь на службу в канцелярию светлейшего Потёмкина. Там чины ни почём.

Кандалинцевы стали низко кланяться.

– Живо же подавайте шампанского, – крикнул Демидов: – выпьем, дети, на радости.

Явилось шампанское, пробка хлопнула в потолок, закипела бешеная влага и все трое выпили, чокнувшись бокалами.

– Дети, потешьте старика, станьте рядочком.

Кандалинцевы встали.

– Ха, ха, ха! – громко засмеялся Демидов: – Земира и Азор! Ха, ха, ха! каков я, каков я?! Соединил красоту с безобразием. Земиру и Азора, ха, ха, ха, ха!...

Демидов развеселился и был в духе.

– А помнишь, зятюшка-уродина, как вас вокруг аналоя-то водили? одна летает орлом, а другой хром, хром на костыле; вижу, смеётся протодиакон, смеются певчие, смеются все. Нут-ка, пусть теперь посмеются.

И Демидов снова принялся пить и закусывать.

---

[1] Проживая в Москве, И.И. Кандалинцев в то же время оставался членом Черкизовской поземельной общины (общества), чтобы выйти из которого требовалось постановление сельского схода (мирской приговор) – *М.Р.*

[2] В газете «привет» – опечатка, *М.Р.*

На вопрос: почему он носит фамилию Кандалинцева? зять разсказал Демидову, что его прадед на три года был закован в кандалы за то, что прогневил отца эконома и митрополичьего вотчинного правителя.

– С тех пор, – прибавил Кандалинцев: – всё Черкизово стало весь наш род звать Кандалинцевыми.

– Ха, ха, ха! Будешь дворянином, изобразишь у себя в гербе кандалы, – смеялся подвыпивший Демидов.

Говорят, будто бы, впоследствии Кандалинцев это и сделал.

Довольный и весёлый Демидов ещё долго просидел у своих новобрачных детей, а уезжая, пригласил к себе завтра на парадный обед, где будут собраны сливки московского общества, и что он, Демидов, заставит этих господ принять в своё общество Кандалинцевых.

– Мне-то бы, покуда я не образую себя, неловко появиться в вашем-то обществе, – заметил зять.

– Не разсуждай, уродина, а делай то, что и хочу! Сказано, что завтра приехать на обед, так и приезжайте.

Демидов уехал и Надежда Прокофьевна сейчас же отделила и вручила мужу сто тысяч. Не прошло и часу времени с отъезда Демидова, как явилась Лизавета Ермолаевна, разряженная и распудренная.

Кандалинцевы встретили её как нельзя любезнее, но Надежда Прокофьевна, зная цель её посещения, оставила её пока на руках мужа.

Небрежно развалясь на диване, Лизавета Ермолаевна прямо потребовала деньги по векселю, хотя он был полугодовой.

Кандалинцев, как уже приготовивший деньги, следуемые Кисыньке, тотчас же вручил ей огромную пачку ассигнаций и сказал:

– Извольте получить-с!

– Потрудитесь, Иван Иванович, пересчитать при мне.

– Двадцать тысяч аккурат-с, – сказал Кандалинцев, пересчитавши деньги: – Позвольте же получить обратно векселёк.

Приняв деньги, Кисынька сказала:

– Двадцати тысяч мало и векселя не отдам; давайте ещё десять тысяч, а то Демидова науськаю.

– Помилуйте, Лизавета Ермолаевна, вексель в двадцати тысячах, вы их и получили, за что же я буду платить ещё лишних десять тысяч?

– За что?.. за плети!

– Как за плети? За какие же такие плети?

– А за такие, что вчера Демидов, в досаде ли, что я настояла послать дорогую тушу, или от того, что Шешковский вчера прислал какого-то капитана с письмом по делу о беглых, но только он вдруг крепко на вас разсердился и хотел зазвать и отпороть, и без меня не спасло бы и то, что вы и тушу свиную любезно приняли; ноя не только оборонила, но ещё заставила самого Демидова к вам приехать. Теперь не бойтесь, во веки пальцем не тронет и завтра с женою поезжайте смело и непременно, а иначе накличите на себя беду неминучую… Этого разве мало, что я вас выручаю, а кому ваша милость обязана, что вытянули из крестьянства да и в службу определили, а? Всё это сделано по моей милости; захочу, то вы с женою только и останетесь при тех деньгах, что получили, тем и заговеетесь! А я дам честное слово, что Демидов выдаст вам, а не Надежде Прокофьевне, обещанные полтора миллиона; разве это не стоит десяти тысяч? Да, кроме того, я ещё и во многом пригожусь… А получите полтора миллиона, опять сдеру, а иначе ничего больше не будет… Теперь вы все в моих руках.

Стал думу думать Кандалинцев и надумался, что лучше развязаться с Кисынькою, так как она и в будущем пригодится ему. Отсчитал ей ещё десять тысяч и получил обратно свой вексель.

– Ну, теперь давай, Иван Иванович, шампанского за благополучный начин и благополучное окончание дела в будущем. Зови и Надежду Прокофьевну.

За шампанским учинилось примирение Надежды Прокофьевны с прежнею гонительницею и потасовщицею Лизаветою Ермолаевною. Кандалинцевы понимали, что покуда Демидов не выдаст полтора миллиона, нужно всячески ублажать его Кисыньку. На этот раз они были к ней столь внимательны, что проводили дорогую гостью до её экипажа.

Словно важная барыня, развалилась в коляске Кисынька, приказала ехать домой и демидовские лошади помчали щегольскую коляску.

Дня через два после означенного события, в руках Кандалинцевой был заграничный паспорт на пять лет; а не далее трёх дней от подачи просьбы Кандалинцевым, казённая палата, без всяких хлопот, уволила его из податного сословия.

В заграничном паспорте Кандалинцева была названа дворянкою, а этого было достаточно, так как за границею знают русское дворянство, а чинов там не спрашивают.

И вот, ровно через неделю, Кандалинцев уже прощался с женою, отъезжающую в Германию, Францию и Италию, в сопровождении компаньонки француженки, лакея и горничной.

– Прощайте навсегда, Надежда Прокофьевна! счастливый вам путь и скатертью дорога, – говорил Кандалинцев: – Слава Богу, всё благополучно кончилось, комедия разыграна, а была тяжеленька; теперь мы свободны и не должны встречаться для нашего же общего благополучия. Не забудьте только того, что я и за многие тысячи вёрст, во всю мою жизнь, буду вашим покорнейшим слугою. Просим не поминать нас лихом, а коли даст вам Бог деток, то пишите папаше, а наше дело записать их в метрику.

Затем Кандалинцева уехала, а муж, оставшись одиноким, переехал в дом Демидова и очень скоро с тестем уехали в Петербург.

Потёмкин много хохотал, любуясь уродливостью Кандалинцева, и заставил его разсказать историю всей его жизни. Перед Потёмкиным скрываться было нельзя, тем более, что Шешковский познакомил уже весь петербургский модный свет с личностью Кандалинцева; о нём, разумеется, само собою, знала и государыня Екатерина II.

Для Потёмкина Кандалинцев казался шутом и он велел ему бывать чаще, а в праздничные дни обязательно, ради собственной потехи и вельможных его гостей.

Для шутов, уродов, карликов, карлиц тогда было на Руси раздолье. Может быть, Кандалинцеву удалось, через Потёмкина, побывать и во дворце и потешать царицу-матушку. Но этот шут и урод был зятем Демидова и ему везде открывался доступ.

Через год Кандалинцев был чиновник, т.-е. по тогдашним законам, потомственный дворянин. Потёмкин имел право сам собою давать обер-офицерские чины, никого не спраши-

вал и давая только знать, куда следовало. Но вот на Потёмкина стала находить хандра; он видел, что у Екатерины явились новые фавориты, народ молодой, а он стареет. Про него уже в Петербурге ходят пасквили вроде:

Князь Потёмкин горемыка,
В шестьдесят почти уж лет,
Как издёрганное лыко –
Ни души, ни тела нет!

Видел ясно, во очию временщик, что закатывается звезда его и становится из светлой неясною и туманною… Один исход в могилу, пусть другие заменят его… Такова превратность счастья человеческого! А Кандалинцев развлекал его светлость; Потёмкин, глядя на урода, забывал невзгоды и хохотал до упада.

Не стало Потёмкина, но Кандалинцев, в чине титулярного советника, потешал уже нового временщика и последнего из Екатерининских орлов – Платона Зубова.

Демидов видел в зяте величайшего плута и если когда доверял ему свои дела, то под собственным строгим контролем; но после Демидов разсудил, что его грабят управители, приказчики, дворня, так уже лучше пусть же надувает и обманывает его зять, и сделал его главноуправляющим, с жалованьем по десяти тысяч в год, при готовом содержании. Но, кроме этого, через два года после свадьбы, Демидов выдал Кандалинцеву из полутора миллиона триста тысяч, а остальные дочери; нет сомнения, что Кисынька не упустила случая поживиться с Кандалинцева и за доставленное место главноуправляющего.

Не терял времени даром и Кандалинцев. Он нанял учителей, с которыми усердно занимался и скоро так успел и в науках и в знании иностранных языков, что ещё более расположил к себе Демидова, управляя делами которого, он всё таки числился на службе.

– Я в тебе не ошибся, – говаривал Демидов Кандалинцеву: – В твои лета, хоть и не совсем молодые, а видно ещё можно себя перевоспитать. Что касается супружества, то как для тебя, так и для Нади другой брак невозможен… Теперь я на вас только и любуюсь.

А Надежда Прокофьевна, и за границею и возвратясь в Россию, жила ни в чём себе не отказывая, также немного самодурствовала, сорила деньгами и славилась лёгким поведе-

нием, однако же не сделала мужа своего родоначальником фамилии Кандалинцевых, так как детей у неё не было; но главного стремления Кандалинцева, достичь чина генерала, не удалось: смерть подкосила его в чине надворного советника.

А Демидов до конца жизни всё проказил и проказил. Из проказ его можно бы составить целые томы, так как поляки составили книгу о Радзивиле.

Умер Демидов, а память о его проказах и самодурстве жива в народе и до сих пор.

По смерти Демидова, его Кисынька или Лизавета Ермолаевна вышла замуж за старика майора, чтобы, по тогдашним законам, иметь право, как штаб-офицерша, ездить четвернёю, и купила крестьян.

Это что за господин,
Что без слуг ходит один!

Гласит песня тех времён. Значит, так сильно въедалось крепостничество в нравы и понятия наших предков, что не имеющий рабов не считался господином и барином.

Конецъ».

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Либеральные издания («Северный вестник», «Голос»)..... 7

Глава 2. Официальный взгляд («Санкт-Петербургские ведомости»)..... 45

Глава 3. Общедоступная пресса («Свет»)..... 55

Глава 4. Соседи..... 83

Заключение..... 109

Приложение. Р. Игнатьев. «Самодур XVIII века»..... 114

Научное издание

Роднов Михаил Игоревич

СВЕТ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Верстка и оригинал-макет: *Набиуллин А.Р.*

Подписано в печать 22.03.2010 г.
Гарнитура «Times». Печать на ризографе с оригинала.
Формат 60x84[1]/16. Усл.-печ.л. 9,11. Уч.-изд.л. 8,93.
Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ № 024.
Цена договорная.

452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, Интернациональная 10.
Бирская государственная социально-педагогическая академия
Отдел множительной техники БирГСПА